

СЕРГЕЙ САДОВ



АЛЬВАНДЕР

КРИСТАЛЛ АЛЬВАНДЕРА

КОРАБЛЬ АЛЬВАНДЕРА

Сергей Садов
Альвандер: Кристалл
Альвандера.
Корабль Альвандера
Серия «БФ-коллекция»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51598342

Сергей Садов. Альвандер: Кристалл Альвандера. Корабль Альвандера (сборник); Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121501-9

Аннотация

Пять тысяч лет земляне заперты Высшими в своей Солнечной системе Барьером. Человеческая цивилизация, лишенная выхода в большой космос, вынужденно развивалась в сторону совершенствования собственного разума и организма.

В попытках обрести «братьев по разуму» люди создали новые расы и животных, ранее встречающиеся только в сказках.

Овладели пси-технологиями, которые позволяют общаться, управлять собственным телом и другими объектами посредством мысли. Громадные мегаполисы – уродливое порождение двадцатых веков – исчезли с лица планеты.

Люди освоили оставленную им часть Солнечной системы. На Земле царит мир и гармония, но память о потерянных звездах возрождает мечту о преодолении Барьера и обретении дороги во Вселенную.

Содержание

Кристалл Альвандера	7
Глава 1	7
Глава 2	37
Глава 3	68
Глава 4	102
Глава 5	132
Глава 6	157
Глава 7	188
Глава 8	213
Глава 9	241
Глава 10	273
Конец ознакомительного фрагмента.	289

Сергей Садов

Альвандер: Кристалл

Альвандера. Корабль

Альвандера (сборник)

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Сергей Садов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Маме

*Только когда рядом уже нет близкого человека,
понимаешь, насколько он был тебе дорог.*

* * *

Наверное, это уже стало традицией – благодарить за помощь в правке людей, которые добровольно берутся за этот, прямо скажем, нелегкий труд. И оттого их работа еще ценней. Не буду нарушать заведенный порядок и говорю огром-

ное спасибо всем за помощь в сей нелегкой писательской доле: *Юрию Белову, Андрею Крюкову* и остальным героям тяжелого труда, принимавшим участие в правке и скрывшимся за никами Abs, ToT, Macropod, RUSer, Ludoyed, Dragon Red, Crisolita. Всем еще раз большое спасибо...

Кристалл Альвандера

Глава 1

Я с интересом прислушивался к происходящему на улице, пытаюсь определить, что еще из своего огромного арсенала средств для взлома защиты применяет сестренка? А он у нее, надо признать, весьма впечатляет. Впрочем, я тоже во все не ловил мух и совершенствовал оборону старательно, и с каждым разом она становилась все лучше. Так что в нашем негласном соревновании пока ничья – среднее время преодоления моих защитных барьеров не менялось. Сегодняшний день тоже не оказался сюрпризом, и через пять минут перед Феолой пала последняя ловушка.

– Ну конечно! – ворвалась она в пещеру с развевающимися, словно на ветру, волосами и освещенным зловещим красным светом, похожим на заходящее солнце, лицом. В пещере? Заходящее солнце? В обед? Вообще-то сестра не любитель подобных театральных эффектов, но на этот раз, кажется, они соответствовали ее настроению. – Как всегда, заперся в своем склепе! – Она огляделась. – И опять без света сидишь!

Я пожал плечами. Отсутствие света меня ничуть не смущало, впрочем, как и сестренку. Полумрак помогал отре-

шиться от всего постороннего и сосредоточиться на работе. Намного удобней, когда тебя ничто не отвлекает. Феола, понятно, все мои привычки знала прекрасно, что не мешало ей каждый раз ворчать то по поводу темноты, то из-за холода, то из-за отсутствия хоть чего-нибудь живого в моей пещере. Последнее, впрочем, она попыталась исправить, правда неосознанно. Я посмотрел ей под ноги и поморщился.

– Филька! – Филька – это я так зову сестру, когда сержусь на нее. – Опять? – Ох уж мне эти биологи!

Феола прервала процесс воспитания и озадаченно посмотрела на свои босые ноги. Обернувшись, придерживая тунику, и смущенно кашлянула.

– Ой! Извини. – Весь ее боевой настрой как-то разом пропал. – Я не хотела.

Ну ясно – не хотела! Мы с ней на пару разглядывали вдруг выросшую на каменном полу пещеры траву. И в прошлый раз не хотела. И в позапрошлый. У биологов такие вещи на уровне рефлексов. Всегда «несут» с собой жизнь. Хотя по мне, так скорее тащат. Всегда поражался, как эти вот травинки умудряются взламывать сплавленный камень? Эх, опять на ерунду силы тратить. Я нахмурился и махнул рукой, мысленно расшевелил молекулы воздуха. За спиной сестренки возник огненный смерчик и пронесся к выходу, выжигая траву и снова сплавляя пол. Феола молча наблюдала за всем этим и лишь периодически морщилась. Ха! Не нравится, что я «жизнь» любезную ее выжигаю, так нечего было ее сюда

приносить! Всему свое место!

Покончив с травой, я повел смерчик к ногам Феолы.

– Ай! – взвизгнула та, когда огонек коснулся ее ног. – Ну, Дерри! Я тебе сейчас устрою!!!

Дерри – это я. Хотя мое полное имя Альвандер, но сестра, сколько помню, всегда называла меня так. Полным именем она обращается ко мне лишь в особо торжественных случаях. Причем, когда эти самые особо торжественные случаи наступают, ведает она одна. Глядя, как сестренка пританцовывает, пытаюсь увернуться от огня, я захихикал. Феола наградила меня многообещающим взглядом, но большего пока предложить не могла. Огонек хоть и мал, но весьма удал. Но вот ей удалось сосредоточиться, и огонек исчез. Сестренка, естественно, тут же кинулась на меня с кулаками:

– Ах ты, зараза такая!!! Я тебе сейчас устрою веселую жизнь!!

Я со смехом отбивался. Наконец ей удалось прижать меня в угол.

– Ну все! Хватит! Сдаюсь! – запросил я пощады.

– То-то же! – гордо заявила она мне, щелкнув пальцами. Стоявшее в дальнем углу кресло немедленно подъехало к ней. Феола, ошупав его со всех сторон (опыт, однако), села, аккуратно разгладив тунику на коленях. Я, старательно копируя ее жесты, подкатил себе другое кресло и опустился напротив. Феола сделала вид, что ничего не заметила.

– Я внимательно слушаю вас, миледи.

Феола лишь фыркнула на мое вежливое обращение.

– Ты что, оглох и не слышал, что тебя мама звала? – ехидно поинтересовалась она. – Хотя, чего спрашиваю, и так все ясно.

– А? – я растерянно почесал затылок. – Попал. Феол, понимаешь, я тут не хотел, чтобы меня отвлекали и...

– ...и поставил защиту. А теперь иди и объясняй родителям, где ты пропадаешь уже столько времени.

– Ну Фео-о-ола, – заканючил я.

– Даже не проси! – гордо отозвалась сестренка, задирая нос.

Я любовался ее острым загорелым подбородком и грустил. Ясно, что именно просьб с моей стороны она и дожидается. А потом, сделав мне великое одолжение... М-да. Как же мы с ней все-таки непохожи. Внутренне. Внешне мы вообще-то близнецы (хотя я родился на пять минут раньше). Правда, я не ношу таких длинных волос – почти до колен. И туника моя обычная – серая, очень практичного цвета, в отличие от бирюзовой, «она очень подходит к моим глазам», которую носит сестренка. Впрочем, цвет ее глаз и, соответственно, туники регулярно меняется. Увы, но возможности прямо заявить о глупости такого подхода я был лишен по причине присущего мне здорового чувства самосохранения. Да и в последнее время появилась еще одна причина не портить отношений с Феолой – я все больше и больше убеждался, что без ее помощи работу мне закончить не удастся. А

так как сестра эмпат сильнее меня, то мигом это почувствовала.

– А я тебе сейчас кое-что покажу, – обреченно вздохнул я.

Феола заинтересованно приподняла одну бровь, но больше ничем своих эмоций не выразила. Я постарался мысленно прощупать ее, но мой сенсорный луч был отбит с удивительной легкостью, и в ответ она мне протелепатировала презрительное «пфе».

– Ты ведь спрашивала, чем я тут занимаюсь?

В ответ приподнялась вторая бровь.

Феола, склонив голову к плечу, небрежно перекинула волосы вперед и принялась их старательно расчесывать, делая вид, что мои слова ее ничуть не заинтересовали. Хотелось бы верить, что она только делает вид, но прощупать ее эмофон мне по-прежнему не удавалось. Повисла неловкая пауза.

– И что тебе от меня надо? – наконец соизволила снизойти до меня Феола, не прерывая своего занятия.

Я постарался принять обиженный вид, на что мне было послано очередное «пфе».

– Мне? От тебя? Я просто хотел показать тебе итог своих пятилетних усилий!

– Ты в девять лет, что ли, начал свои усилия? – ехидно поинтересовалась Феола.

Я поморщился.

– Ну... тогда это были только игрушки. А вот потом... когда я осознал, что может вырасти из моих забав... – Я мно-

гозначительно замолчал и украдкой взглянул на сестру. На этот раз разочароваться мне не пришлось – Феола проявляла явный интерес, и скрыть его ей никак не удавалось. Хотя внешне она оставалась невозмутимой, но ее эмоции буквально перехлестывали через все возведенные барьеры. Она знала, что я занимаюсь каким-то проектом, и в свое время усиленно подлизывалась ко мне, пытаясь выцарапать информацию о нем, но я был тверд. А защищать свои секреты у меня получалось лучше, чем у нее их выпытывать.

– Так-так. – Феола с интересом смотрела на меня. – А что на этот раз? Какой-нибудь новый кристалл?

Но сейчас я был серьезен.

– Да. Кристалл. Я создал новый кристалл.

– Какой?! Новый кристалл Силы?

Эх, не хотелось мне пока никому рассказывать о своей работе. Очень не хотелось. Но другого выхода нет. Сестра зря смеется, я действительно начал работать над проектом в девять лет. Именно тогда мне удалось вырастить свой первый кристалл, и тогда же я получил от Совета собственную лабораторию с кучей учебной литературы в придачу. Ух, как скакала тогда моя фантазия... даже стыдно признаться, на какие пустяки потратил время. Хотя справедливости ради стоит отметить, что те «пустяки» и натолкнули меня на одну идею. Это когда я отрабатывал различные методы телепортации предметов. Тогда-то я и понял, как можно преодолеть Границу. Или Барьер, как его еще называют. В то время и

начались мои эксперименты.

Талант к созданию кристаллов у меня открылся лет в семь, по-моему. Хотя сами кристаллы я начал выращивать раньше. Просто не стоит путать творчество – создание абсолютно нового кристалла, который еще никто не делал, и ремесло – выращивание кристаллов по уже известной всем схеме. Мастера-кристаллоеды – творцы всегда ценились на Земле, и Совет прилагал все силы, чтобы отыскать детей, способных к творению. При одном таком тестировании в школе меня и нашли. После этого начались отдельные уроки с другими мастерами. Звание же мастер присваивалось после первого сотворенного самостоятельно нового кристалла и носило скорее почетно-символическое значение, как первая ступенька для дальнейшего роста...

– Кристалл Силы... – хмыкнул я. – Кого интересуют эти детские игрушки?

Феола удивленно моргнула.

– Но ведь твой усовершенствованный кристалл Силы на конкурсе Совета занял первое место. Сейчас все его выращивают. А потом остальные твои кристаллы...

– Феола, все это ерунда. Отработка технологии.

– Да? – Сестра притихла в своем кресле и теперь глядела на меня как на опасного хищника, от которого непонятно чего ждать. – В Совете тебя считают гением кристалловедения.

Что есть, то есть. Давно заметил, что мне с легкостью дается то, что у других получается только после долгих лет уче-

бы, что позволило мне стать самым молодым мастером в истории Солнечной.

Феола, не дождавшись ответа, заерзала.

– Так что ты там изобрел? – наконец не выдержала она.

– Я скажу тебе, если ты пообещаешь кое-что.

Феола с подозрением оглядела меня с ног до головы.

– Тебе нужна моя помощь. Без меня у тебя ничего не срастется. Мне почему-то так кажется.

Скрыть это от такого сильного эмпата, как сестра, я даже не рассчитывал.

– Верно. Но если ты не дашь мне слова сохранить все в тайне, то я ничего не скажу тебе. Даже если мой проект из-за этого останется незавершенным.

В качестве подтверждения своих слов я снял все барьеры и повторил сообщение мыслеобразом. Врать при телепатическом общении еще никому не удавалось.

– Даже так, да? – хмуро поинтересовалась она.

Несколько секунд в ней боролись любопытство и осторожность.

– Это очень важно, – попытался я подтолкнуть ее. – Для всего человечества.

– Тоже мне, спаситель человечества, – тут же привычно фыркнула сестренка, но при этом она сосредоточенно о чем-то размышляла. – Ты бы хоть намекнул, о чем твое изобретение.

Я решительно помотал головой:

– Это особенный кристалл. Я его выращивал почти два года. Два года трудов. Полагаю, я имею право сохранить тайну, пока не решу, что ее можно обнародовать.

– Альвандер Морозов, ты ужасно вредный и нудный тип! – заявила мне сестра. – Хоть и гений. Хорошо, я согласна. Я даю тебе свое слово.

Я покачал головой:

– Не так.

Феола вскочила с кресла, сообразив, чего я от нее требую.

– На такое я не пойду! – решительно отрубилa она, покосившись на кристалл клятвы, стоявший на столе. Похоже, она только сейчас сообразила, зачем я его приготовил. Снова глянула на меня. Я продолжал молча смотреть на нее. – Нет и нет! Даже не уговаривай! А вдруг ты задумал какую-то гадость?

Я тоже встал и вытянул перед собой руку. На то, чтобы чуть-чуть раздвинуть себе кожу, много сил не надо. На ладони тотчас набух шарик крови. Я убрал руку, мысленно удерживая его в воздухе.

– Пусть эта кровь будет свидетельницей моих слов, – в общем-то ненужно оповестил я ее – этот ритуал в Солнечной знали все. Стоявший на столе кристалл клятвы, уловив ключ-послание, вспыхнул розовым светом. – Клянусь, что с моей стороны нет желания причинять кому бы то ни было вред. И что моя работа направлена на то, что уже неоднократно пыталось сделать человечество. Я закончил.

Капелька крови поплыла к кристаллу и растворилась в нем. Тотчас меня скрутила жуткая боль, и я со стоном рухнул на пол. На миг даже сознание потерял. Когда я открыл глаза, то обнаружил перед собой перепуганное лицо сестры, которая руками сжимала мне виски. Заметив, что я открыл глаза, она тут же закатила мне оплеуху.

– Идиот! Болван! Знаешь, как ты меня напугал?!

– Зато ты убедилась, что я серьезен.

– Меня, между прочим, родители послали за тобой!

– Мы отправимся домой сразу, как только ты скажешь «да» или «нет».

– Ты и в самом деле чокнутый! – заявила сестренка после того, как минуты три изучала мое лицо. – Поднимайся с пола! Как ты ходишь по этому холоднящему камню?

– Пол должен быть ровным, а остальное неважно, – машинально отозвался я, поднимаясь. – Так каково твое решение?

Вместо ответа Феола выпрямилась, вызвала из своей ладони шарик крови и отправила его к кристаллу.

– Клянусь никому не говорить о проекте моего брата до тех пор, пока он сам не разрешит мне это. Ну как? Доволен? – сердито поинтересовалась она, но тут кристалл впитал ее кровь, и Феола, охнув, стала оседать на пол. В последний момент я успел ее подхватить и аккуратно опустил в кресло. Сам сел на подлокотник рядом с ней и осторожно взял сестру за руку. Так мы и сидели, пока она не пришла в себя.

– Доволен, – ответил я ей. – Ты даже не представляешь,

как! Без тебя мне пришлось бы свернуть проект.

– Так что у тебя за проект? Может, скажешь, наконец?

– Я лучше покажу, – отозвался я, вставая и потянув за собой Феолу. – Иначе ты примешь меня за сумасшедшего.

– Я тебя всегда им и считала, – буркнула моя вежливая сестренка.

– Спасибо, – отозвался я, подводя ее к дальней стене. Приложил к ней руку и закрыл глаза, нащупывая ключ-камень. Мысленно послал сигнал. Камень перед нами повернулся вокруг своей оси и отъехал в сторону.

– Надо же, – пробормотала рядом Феола. – А я и не знала, что у тебя в этом месте есть еще одна пещера.

Я не ответил. Для того и делалось, чтобы ты не знала.

В отличие от предыдущей пещеры, эта ярко освещалась. Мысленно отдав команду, я чуть притушил огонек камней-светляков, пропустил вперед Феолу и закрыл дверь. Сестра с интересом огляделась. Впрочем, особо глядеть тут не на что. Полки с зародышами кристаллов, стол завален листами пергамента и инфокристаллами. Но это все не главное. Главное в этой комнате – ванна с питательным раствором, в которой плавал кристалл размером с голову взрослого человека. При виде кристалла такой величины Феола только рот раскрыла и медленно обошла ванну вокруг.

– Боже мой, Дерри, ты вырастил кристалл такого размера?! Да зачем он такой нужен?

Я, довольный произведенным эффектом, принялся объ-

яснять.

– Очень просто. Этот кристалл позволяет управлять пространством.

Феола моргнула. Похоже, не сразу сообразила.

– Чем?

– Пространством. Он может погрузиться в матрицу n -мерного пространства так глубоко, как только возможно смоделировать. Это его основная функция. Кроме этого он еще много чего умеет. Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что прошлые мои изобретения всего лишь побочные результаты? Когда мне требовалось получить определенное свойство, я выращивал отдельный кристалл и экспериментировал с ним. Когда доводил до совершенства – добавлял это свойство в главный кристалл. Ну а кристалл, на котором я все отработывал, отдавал Совету.

– Подожди! – повторила Феола. И тут она повернулась ко мне. – Значит, не было никаких твоих проектов?!!

– Не было, – вздохнул я. – Был один проект. А все остальное лишь следствие. Отходы производства. Я с самого начала работал над ним. – Я кивнул в сторону ванны.

На самом деле, чтобы вырастить кристалл с известными свойствами, большого ума не надо. С этим и пятилетние дети справляются. Берется зародыш... их создают специальные мастера, помещается в ванну с питательным раствором. Затем мысленно, по определенной схеме, вносятся те параметры, которые необходимо получить. А дальше уже контро-

лируешь его рост. Чем сложнее требуемая задача – тем больше кристалл по размеру. Я свой первый кристалл вырастил в четыре года. Очень хотел новую игрушку, вот и сделал себе кристалл, с помощью которого можно было трансформировать пластил. Но это ведь давно известные и многократно отработанные схемы. А теперь я создаю собственные кристаллы, со свойствами, которых до меня еще никто не получал. Работа точнейшая и сложнейшая. Поэтому люди, занимающиеся ею, должны обладать потрясающим воображением и умением концентрировать внимание. А работы мастерам-кристалловедам всегда хватало. Так что ничего удивительного, что подобные люди ценились в Солнечной. Правда я предпочел остаться вольным художником и весь ушел в работу над своим главным творением. А чтобы меня ничто не отвлекало от работы, даже сдал экзамены в школе экстерном. Справедливости ради стоит отметить, что школу экстерном закончила и моя сестра. Хотя и на полгода позже. Все-таки я талантливей. Но вот этого ей говорить не стоит. Прибьет.

Феола тем временем внимательно изучала кристалл, прощупывая его мысленными зондами, и всякий раз, получив ответ, только руками разводила.

– Да есть ли что-то, что ты туда не впишал?!

– Полагаю, что все же проще перечислить, что я туда «впишал», – усмехнулся я. – И планировал вписать еще больше, только не справился. Из-за этого и пришлось разрабатывать новую схему управления кристаллами. Между прочим, на-

столько очевидную, что я просто поражаюсь, как до нее раньше не додумались. Но с этим я справился.

– Не сомневаюсь. – В момент потрясения моя сестренка вполне здраво оценивала мои таланты. – А что за схема?

– Я тебе потом расскажу. Если ты согласишься мне помочь.

– Но... но что я могу?! Твой кристалл совершенство! Лучше, наверное, не придумаешь.

– Неверно. Можно и лучше. Но прелесть моей схемы заключается в том, что она очень гибкая и позволяет без разрушения кристалла совершенствовать его до бесконечности. Ну... «до бесконечности» это я загнул. До величины, которую позволяет контролировать основной кристалл. Я тебе потом все покажу.

– Так в чем же у тебя проблема?

Я сморщился. Потом усмехнулся и кивнул на кристалл:

– Да вот в нем и проблема. Он слишком сложный и слишком совершенный.

Феола моргнула:

– Не поняла...

– А ты пробовала управлять совершенством? Я попробовал и едва не утонул в нем. Каким чудом я тогда выбрался из этого кристалла, не знаю. А ведь я не собирался делать ничего сложного. Просто протестировать самые примитивные его возможности, такие как подъем груза... Сложнейшее переплетение узлов, рисунок потоков... ты не представляешь,

как это красиво и величественно. Стоит лишь мысленно погрузиться в кристалл, и он увлекает тебя туда целиком и выжимает до предела. Я после того случая два часа на полу валялся, не в силах даже шевельнуться, восстанавливая энергию. А потом кое-как выполз на воздух и лежал там.

Феола смотрела на меня испуганно, слегка покачивая головой.

– Ты сумасшедший! Мог бы меня позвать. Такие опыты надо вдвоем делать!

– Да откуда ж я знал, что так получится?! – с досадой вскричал я. – Я ведь, казалось, все предусмотрел! Поставил все защиты, которые только существуют. Но кристалл их словно не заметил. Теперь я понимаю, почему никогда раньше не удавалось создать кристалл такой сложности. Ими невозможно управлять.

– Но чем тогда я могу тебе помочь? – Феола недоуменно уставилась на меня. – Подожди-подожди. Им никто управлять не может, потому что человеческий мозг еще недостаточно развит. Ты сказал, что помочь тебе могу только я... Но я не мастер-кристалловед. Я биолог. Значит, ты хочешь...

– Да, – подтвердил я догадку сестры. – Я хочу, чтобы ты дала кристаллу разум. Для человека управлять всеми возможностями кристалла невозможно. Но для разума, рожденного кристаллом, все эти способности как для человека умение дышать. Если тебе это удастся, то мы получим Великий Кристалл.

– Ты не скромничаешь, – только и ответила сестренка. Хотя Феола и излучала скептицизм, но я видел, что идея ее увлекла. Она буквально загорелась ею. – Но на такую разработку надо получить разрешение Совета.

– Оно есть, – отмахнулся я. – Я уже задавал вопрос. Мне было сказано, что возражений нет.

– Ты разве выносил вопрос на обсуждение Солнечной? Тебе не кажется, что такой важный вопрос требует всеобщего решения?

– Как только будет результат – сразу и спрошу. А пока нечего спрашивать. Кроме того, я терпеть не могу эти массовые телепатические обсуждения с кучей вопросов и запросов. У меня голова потом болит.

– Просто ты лентяй. И трус. – Сестренка оказалась безжалостной. – Ты не хочешь выносить этот вопрос, потому что полагаешь, что тебе могут отказать. Как звучал твой вопрос?

Я вздохнул:

– Можно ли создавать разум, если только он сможет преодолеть Границу.

– Ясно. Ты не лгал, но и не говорил всей правды. А говорят еще, что полуправда хуже лжи.

Я поморщился:

– Феол, ну пожалуйста. Я еще не готов давать своей работе всеобщую огласку. И я не скрывал суть работы. Я просто не говорил, на какой стадии она находится. К тому же один я просто не справился бы. Мне постоянно требовались

консультации специалистов. По физике пространства, физике волн, биологии, химии. Я часто и кристаллы на заказ делал для разных институтов, а те вместо платы выполняли для меня расчеты.

Я подошел к одной из стен пещеры и раздвинул панель. Все полки там были забиты стопками пергамента и инфокристаллами.

– Видишь? Это все схемы и расчеты. Как я один, по-твоему, все это провернул бы?

– А у институтов к тебе вопросов не возникало?

– Вопросы возникали. Но учти, что мастера пользуются очень большим авторитетом, а я вхожу в двадцатку лучших в Солнечной. И второе – я не скрывал, для чего мне все это. Я просто не говорил, насколько близок к завершению проекта.

– Почему?

– Если не получится с первого раза, буду работать дальше. А так только напрасная надежда. Сколько уже таких попыток было? Я и тебе сказал только потому, что выхода у меня нет. Иначе все насмарку. Весь мой труд.

Феола смотрела на кристалл уже не восхищенно, а задумчиво и оценивающе.

– Мне нужна полная схема твоего кристалла. Вся его структура.

Я достал из шкафа два отдельно лежащих кристалла и протянул их ей:

– Вот. Я уже все приготовил.

– Как будто заранее знал, что соглашусь, – хмыкнула Феола, опускаясь на пол и кладя первый кристалл на ладонь. Кристалл слабо засветился.

Чтобы не мешать, я отошел в угол и оттуда наблюдал за ней. Сестренка сидела, скрестив ноги и держа кристалл на ладони, закрыв глаза, в задумчивости покусывая губы. Ее длинные черные волосы, ничем не скрепленные, волнами падали на плечи и спину. Я даже залюбовался Феолой. Круглое загорелое с точеными чертами лицо. Стрелки бровей. Эх, не будь она моей сестрой, я бы точно влюбился. Хотя... ее ехидный характер мог вывести из себя кого угодно. А авторитетов сестренка не признавала. Кроме родителей. Ну, пожалуй, еще ко мне прислушивалась.

Феола положил первый кристалл рядом с собой и взяла второй. Зачем-то почесала ступню. Не открывая глаз, задрала голову к потолку. Ее губы шевелились, что-то шепча. Я даже прислушиваться не стал. Ясно ведь, что не мне предназначено. То ли с кем-то совещалась, то ли мысленно расчеты делала. Наконец она открыла глаза, молча собрала кристаллы и встала, слегка пошатываясь.

– Либо ты сумасшедший, либо гений, – хрипло буркнула она. – Судя по всему, и то и другое. О, бедная моя голова! Сколько же я информации сейчас впитала?

– Около сотни терабайт, – виновато отозвался я.

– О! – Феола застонала и схватилась за виски. – Головная боль на ночь мне точно обеспечена.

– Ну я не требую начинать прямо сейчас...

– Ты болван, Дерри, хоть и гений, – буркнула она. – Сейчас и надо начинать. Пока все впечатления свежи. Ты ведь совершенно не представляешь, как работают биологи. Мы же имеем дело с миллиардами клеток, которые надо создать и заставить работать как следует. Неужели ты думаешь, что мы можем все это рассчитать? Все на догадках и интуиции. Биолог без интуиции может быть кем угодно, но только не биологом. Надо ведь не только знать, но и чувствовать, как поведет себя клетка отдельно и вместе с остальными.

Продолжая читать мне лекцию, Феола обошла ванну с кристаллом еще раз.

– Боюсь, моих сил может не хватить. У тебя есть кристалл Силы?

– Ха. Спрашиваешь. – Я тут же положил перед ней два кристалла. – Моя последняя разработка. Полная зарядка.

Феола мысленно прощупала один и заулыбалась:

– Господи, сколько же там энергии. Дерри, ты должен будешь подарить мне один такой. Считай это платой.

– Я тебе лучше сделаю.

– Договорились. А теперь марш отсюда и не мешай мне работать! Зайдешь через два часа. Думаю, к тому времени все будет ясно. Так или иначе.

– Ты создашь разум за два часа?! – изумился я.

– Не говори глупостей! – рявкнула выведенная из себя Феола. – Я сказала марш отсюда! И раньше, чем через два часа

даже не появляйся! И я не умею создавать разум! Я не Господь Бог! Потом все объясню. Уматывай!

Я моментально выскочил из мастерской в центральную пещеру и плюхнулся в кресло. Посмотрел на закрывшийся за мной проход. Интересно, что она подразумевала, когда говорила, что не умеет создавать разум? Ведь создают же биологи биокomпьютеры? А по всем законам Солнечной биокomпьютеры признаны разумными со всеми правами и обязанностями. Честно говоря, я думал, что она и построит такой биокomпьютер в кристалл. Судя по всему, я не прав. Но что она тогда планирует?

Камень за Феолой закрылся, и в пещере снова стало темно. Темно и тихо. Чтобы немного отвлечься, я пододвинул к себе пси-проектор для моделирования структуры кристалла и стал разрабатывать связующий элемент новой схемы, о которой недавно говорил сестре. Не самая сложная работа. Если бы не волнение, я бы справился с ней за час. А так я постоянно ловил себя на том, что прислушиваюсь к происходящему в соседней комнате. С грехом пополам удалось только наметить заключительный контур, когда истекли два часа. Убрав проектор и мигом о нем забыв, я рванул в мастерскую.

Феола лежала рядом с ванной, широко раскинув руки. Даже сквозь плотный загар проступала смертельная бледность. Ее аура еле-еле светилась. Перепугавшись и побледнев не меньше сестры, я подскочил к ней и схватился за один из

кристаллов Силы. Он оказался выкачан до дна. Вот это да! Да в нем энергии столько, что гору сдвинуть можно! Второй, к счастью, оказался полон. Я сжал его в кулак, а другую руку положил сестре на лоб. Закрыв глаза, активизировал кристалл, перекачивая энергию из него Феоле. Наконец ее ауру я стал ощущать достаточно отчетливо. Остановив поток, я взглянул на сестру. Та слабо шевельнулась и открыла глаза. Посмотрела на меня мутным взглядом.

– Была бы моя воля, – прохрипела она, – я бы всех гениев давила еще в колыбели. Ради спокойствия человечества.

Я облегченно рассмеялся, приподнял ее и обнял:

– Я тебя тоже люблю! Господи, Филька, как же ты меня напугала!

– Тогда считай, что мы квиты, – отозвалась она. – И отпусти меня наконец! Лучше помоги выбраться из этой твоей пещеры.

Я моментально оказался на ногах и, подхватив сестру на руки, вынес наружу, аккуратно положил на траву. Феола ослабилась, потянувшись навстречу весеннему солнцу.

– Спасибо, – блаженно протянула она. – Но мог бы и просто пролевитировать меня наружу. На руки хватать вовсе не обязательно.

– Зато так романтичней.

Пока Феола восстанавливала силы, я нетерпеливо скакал вокруг нее, с трудом сдерживая расспросы. Самое главное, что меня интересовало, – получилось или нет. При этом я

видел, что сестра с ехидством наблюдает за моими плясками сквозь полуприкрытые веки и совсем не спешит рассеять мои тревоги. Я понимал, что это она делает специально, но что я мог поделаться? Тут мне в голову пришла одна мысль...

– Феол, а ты не забыла, зачем пришла ко мне?

Сестра моментально открыла глаза и села.

– О боже! Меня же родители за тобой послали! А я сама пропала на три часа. Так, нас обоих убьют. Сначала прочитают лекцию, а потом убьют. И меня первую. Ну что смотришь? Помоги встать. По дороге поговорим.

Я протянул ей руку и, когда она поднялась, зашагал рядом, поддерживая ее за локоть. Феолу все еще пошатывало.

– Ну как? – заговорил я, переходя на мыслеобщение, чтобы по дороге успеть обсудить как можно больше вопросов. Если продолжать общаться словами, то нам и суток не хватит. А так за те десять минут, что нам идти до дома, можно научный трактат обсудить.

– Не знаю, – честно ответила Феола. – Надо смотреть. Зародыш я посадила. Показала свободные каналы в твоём кристалле. Повезло, что твоё творение такое сложное и в нём куча незадействованных каналов. Я их специально отметила, когда смотрела техническое описание. Но теперь придется растить кристалл уже целенаправленно, с учетом зарождающегося разума. Тебе, кстати, надо будет еще дополнительные каналы сделать.

– Совместить кристалл с живым организмом? – восхитил-

ся я. – Вот это да! О таком я не думал.

– Не с организмом, – поморщилась Феола. Ее мыслеобраз светился недовольством. – А с живыми клетками. И чему ты удивляешься? Такое давно используют. Правда, не с кристаллами. С ними никогда необходимости не возникало. Но технология уже отработанная. Нам только связи надо сделать более глубокими. Клетки же эти должны служить чем-то типа нервной системы.

– Понятно-понятно, – поспешно проговорил я, мало что поняв. – Ты лучше скажи, у тебя получилось или нет?

Феола задумалась.

– Через две недели скажу. Через месяц станет понятна структура разума. Через три можно приступить к обучению.

– Обучению?

– Ну ты как маленький, Дерри! Мы же получим новорожденный разум. Естественно, его надо будет обучать. В общем, если все пойдет как надо, через полгода у тебя появится первый в мире кристалл с искусственным интеллектом. Но, понятно, все это время придется контролировать его развитие. Эх, а я с подругами на следующей неделе собиралась на Северный полюс сгонять, на лыжах покататься.

– Ну, в общем, если ты скажешь, что надо делать...

– Фигушки тебе. Из тебя биолог, как из меня геолог. И раз уж я заложила зачатки разума, то и несу ответственность за него согласно уложению права Солнечной системы. Короче, мы в ответе за тех, кого приручили.

Я захихикал:

– Значит, теперь ты будешь мамой?

– А по шее, папа? – То, что сестренка ограничилась угрозой, а не сразу реализовала ее, говорило о том, насколько предыдущее действие вымотало ее.

– Значит, у нас есть полгода до того момента, как разум разовьется?

– Да. Если я нигде не ошиблась.

– Не ошиблась. Я верю в тебя. Нам просто обязано повезти! Такой труд не должен пропасть.

– Ты себя уговариваешь или меня?

Я обернулся и посмотрел на вход в мастерскую, от которой мы еще не так далеко удалились. Сама лаборатория располагалась в скале под землей. На поверхности виднелась только небольшая ее часть, с похожим на дыру входом. Но даже эта пещера казалась здесь, на поляне посреди леса, совершенно неуместной. М-да... и что мне в голову ударило устроить мастерскую здесь? Задал же я работу геологам выдавливать эту каменюку из земли. Нет, чтобы, как все нормальные мастера-кристаллоеды, построить лабораторию в горах, где всего-то и надо прорезать сеть пещер. Но вот люблю я лес. Конечно, я не слышал, что говорили про меня геологи, когда я указал именно это место, да тогда я и вряд ли задумывался над той работенкой, что подкинул им.

Я ехидно усмехнулся. А все потому, что мастер мог работать только там, где ему комфортно. Вот интересно, если бы

мне было комфортно работать в Антарктиде, они бы и там скалу выдавливали? Хотя... какие там скалы. Скорее всего, ее туда просто доставили бы и вморозили в лед. Ха, жаль, мне тогда эта идея в голову не пришла.

Все-таки интересно, почему кристаллы так любят пещерный холод, что приходится идти на подобные ухищрения? Но вот отказывались кристаллы расти, если вокруг не было камней, и все. Вернее расти-то они росли, но сил на это требовалось... Никакой кристалл Силы не поможет.

– И себя тоже, – честно признался я.

– Ну... опыт у меня есть. Не зря же я проходила испытания в институте генетики.

– Это где вы создаете разные фольклорные элементы?

– Почему это фольклорные элементы? – обиделась Феола.

– Ну а как еще назвать эльфов, гномов, леших и русалок?

– Я бы попросила... – тут же вскипела Феола. Она всегда болезненно реагировала, если пренебрежительно отзывались о ее работе. – Все они очень помогают людям.

– Какими запланировали, такими и родились.

– Альвандер, еще одно слово!

– Молчу-молчу.

– И все они, согласно законам Солнечной, признаются разумными и равноправными гражданами. Со всеми вытекающими...

– Да я разве против? – отбивался я. – Ничего против остроухих не имею. Как и против крепышей. Я просто опас-

юсь, что в один прекрасный момент кому-то придет в голову создать вампира.

– Не говори глупостей. На создание, по сути, новой расы требуется одобрение двух третей населения Солнечной. А вампиров, – Феола отмахнулась от комара, – и без того хватает. Зачем они нужны?

– Понятия не имею. Но я заранее против вампиров! Так и знай!

– Ты так говоришь, будто вампиров собираются создавать уже завтра.

– А вдруг? По крайней мере, когда создавали остальные расы, меня не спрашивали.

Феола фыркнула и расхохоталась.

– Когда их создавали, тебя еще и на свете не было.

За время нашей прогулки сестра вполне оправилась и достаточно твердо стояла на ногах. Я осторожно отпустил ее локоть. Вокруг шумел лес, я внимательно прислушался к нему и подошел к краю тропинки. Потом поднял руку и наставил на кусты ежевики, росшие вдоль тропинки. Кусты затрепетали, словно под порывами ветра. Я подставил ладони, куда тут же полетела ежевика.

– Хочешь ежевики? – поинтересовался я, оборачиваясь к сестре.

– Лентяй, – хмыкнула она, выбирая ягоды покрупнее. – А самому слабо слазить? И нарвать ручками? Как наши предки делали?

– Я всегда думал, что наши предки были слегка сумасшедшие. Лезть в эти колючие кусты? Нет уж, увольте. Мы уж так, по-простецки.

– А ты еще что-то имеешь против леших и эльфов. Между прочим, это они сажают ягоды вдоль всех дорог и тропинок.

– Ничего такого я не говорил. Я их всех очень уважаю и выступаю только против вампиров!

– Дались тебе эти вампиры! – возмутилась Феола. – Сейчас есть только эльфы, гномы, лешие, русалки и...

– ...и драконы, – закончил я, разглядывая небо, где обнаружилась какая-то стремительно увеличивающаяся точка.

– И драконы, – подтвердила Феола, проследив мой взгляд. – И других пока не планируется.

Мы вышли из леса на поляну, на которой стояли несколько резных деревянных домов. Но не бревенчатых срубов. Они казались единым целым. Впрочем, так оно и было. Все эти дома на самом деле не сделаны, а выращены. Каким образом эти трюки проделывают биологи, я не знаю, и не хочу даже вникать. Одно точно – эти дома живые. Они цветут летом и теряют листву зимой. Летом листва покрывает крышу и свисает с нее вдоль стен, даря прохладу. Зимой тонкие побеги переплетаются в такие узлы, что служат великолепной теплоизоляцией для дома. Внутри же всегда приятно пахнет свежим деревом.

Наш дом – двухэтажный особнячок с небольшим балконом – стоял чуть в стороне от остальных из-за сада, в кото-

ром любила работать мама.

Тут точка, за которой я наблюдал все это время, выросла до своих нормальных размеров и оказалась довольно внушительного размера драконом. Подняв крыльями целый ураган, он приземлился рядом с соседним домом. Я разглядел на его спине девчушку лет десяти. Увидев нас с Феолой, она радостно замахала рукой. Мы помахали в ответ. Девчушка, расстегнув страховку, соскользнула со спины дракона и ласково похлопала по шее своего «коня».

– Феола, – крикнула нам девчушка. – Я к тебе зайду сегодня, можно? Мой зайчик что-то заболел.

– Конечно, заходи, Валь, – улыбнулась ей сестра. – Посмотрим на твоего зайчика.

Валентина заулыбалась в ответ:

– Иди, Гоша. Сегодня ты мне уже не понадобишься.

Дракон посмотрел на девочку сверху вниз.

– Тогда я пойду жрать, – заявил он утробным басом и повернулся в сторону леса. Да, драконы всегда отличались манерами, точнее их полным отсутствием. Но, не дойдя до него, вдруг развернулся и затопал к нам.

Мы с Феолой удивленно переглянулись и остановились, дожидаясь дракона. Тот подковылял к нам и неуверенно переступил с ноги на ногу.

– Что случилось, Гош? – поинтересовалась Феола у него.

Дракон неуклюже повернулся к ней боком:

– Болит. Помоги.

– Болит? – Феола нахмурилась, изучая подставленный бок. – Где?

Гоша изогнул шею и ткнул носом:

– Тут.

Сестра положила на указанное место ладонь и закрыла глаза. Потом нахмурилась.

– И давно у тебя болит?

– Не помню, – отозвался дракон. – Неделью.

Феола только руками всплеснула:

– И ты неделю ходишь с этой болью?! Ну почему ты не подошел к кому-нибудь? Тебя бы вылечили за пять минут!

Дракон качнул головой:

– Думал, так пройдет.

Сестра возвела глаза к небу в беззвучной молитве. Потом, не вступая больше в дискуссию, положила руки дракону на бок. Сосредоточилась. Вокруг ее ладоней появилось слабое сияние. Вот оно расплзлось по драконьей чешуе и впиталось внутрь. Гоша вздрогнул и покосился на бок.

– Прошло вроде, – обрадованно заявил он. – Спасибо.

– Ты в следующий раз не надейся, что «так пройдет», а сразу обращай за помощью.

– Ладно, – согласился Гоша и, махнув на прощание хвостом, отправился «жрать».

– Думаешь, послушает? – поинтересовался я.

– Куда там, – махнула рукой Феола. – Упрям как... как...

– Как ты, – подсказал я, после чего мне с трудом удалось

блокировать мысленную оплеуху. Второй я ждать не стал и спасся бегством в дом. Силы сестренка восстановила довольно быстро.

Глава 2

Едва я проскочил сени и оказался в комнате, как неведомая сила подняла меня в воздух. Влетевшая следом Феола оказалась точно в таком же положении и теперь болталась рядом со мной, дрыгая ногами.

– Наконец-то соизволили прибыть, – ехидно заметил отец. Он сидел в плетеном кресле и с притворной суровостью (по крайней мере, мне хотелось верить, что с притворной) глядел на нас. Тут мой взгляд упал на его рубашку из кожи молодого дракона, и я сразу обо всем позабыл. Точно! Ведь Гоша как раз скоро линять собрался. Надо будет у него старую кожу выклянчить. Мне она срочно нужна для опытов. Интересно, что Гоша на этот раз потребует? В прошлый раз, помнится, он заставил меня выращивать корону из кристаллов с особыми свойствами. Тогда я долго гадал, зачем ему она, пока не заметил его с какой-то молодой драконочкой, перед которой он в ней и красовался.

– Ну, пап, – заканючила Феола. Прекратив дергаться, она смиренненько висела в воздухе с видом примерной девочки. – Ты же знаешь Альвандера. Как увлечется своими кристаллами, ничем из пещеры не выманишь.

Я только вздохнул. Ну спасибо, сестренка. Теперь я крайним оказался. Нет, я, конечно, виноват, но ведь и она задержалась у меня по своей воле. И не оправдаться теперь никак,

иначе придется все рассказать о кристалле. На такое я пойти не мог, и Феола прекрасно об этом знала. Спасибо, милая сестрица.

– А в комнату тебя заставил забежать, не вымыв ног, тоже Альвандер?

Я украдкой показал сестре язык. Съела? Та в ответ продемонстрировала мне за спиной кулак.

– Вы там потом друг другу кулаки и языки будете показывать, – вмешался в наш содержательный диалог отец. Я и Феола еще ниже опустили головы. Я делал вид, что изучаю ноги. Грязноваты слегка. Феола, похоже, занималась тем же. – Значит, так, сейчас мыть ноги, а потом я с вами поговорю. Марш отсюда!

Та же сила, что держала нас в воздухе, распахнула перед нами дверь и вынесла из комнаты в коридор. Как только дверь за нами захлопнулась, я снова почувствовал притяжение и с высоты примерно метр грохнулся на пол. А вот Феола только слегка качнулась вниз, но тут же снова уверенно повисла в воздухе.

– Неумеха, – хмыкнула она.

Я насупился. Действительно сплеховал. Чтобы как-то оправдаться, я тут же взмыл в воздух и метнулся к дверям в сени. Феола ругнулась и помчалась за мной, но эту гонку она проиграла, еще не начав. Я вылетел в сени, захлопнул за собой дверь и тут же запечатал ее. Прислушался. Как и ожидал, сестра попыталась силой мысли распахнуть дверь и

проскочить ее, не снижая скорости. Сработала моя блокировка... дверь не раскрылась... бум... Я втянул голову в плечи и осторожно выглянул в коридор. Феола сидела на полу и потирала наливающийся синевой нос.

– Прости... так получилось.

Феола мрачно поглядела на мою сияющую физиономию и почему-то моему раскаянию не поверила. Скосив глаза на нос, слегка коснулась его кончиком пальца. С пальца соскользнула искорка и тут же растворилась в начавшемся образовываться синяке. Синева на глазах спала, и через мгновения никаких следов столкновений не осталось.

– Между прочим, я чуть нос себе не сломала! – заявила она мне.

– Потратила бы чуть больше силы и чуть больше времени, – безжалостно отозвался я. – А этот раунд за мной.

Феола нехотя кивнула, признавая поражение.

– Ну ладно. Я тебе еще отомщу!

– Ничуть не сомневаюсь. – Я прошлепал к небольшому деревянному корыту, стоявшему как раз рядом с входной дверью, и встал прямо в него. Тотчас сквозь дерево стала просачиваться влага. Вода пенилась, приятно холодя ноги и омывая их. Я потоптался, чтобы грязь смылась и со ступней. Наконец процесс мытья закончился, и я осторожно шагнул из корыта на пушистый коврик, постеленный рядом. Ворсинки зашевелились, вытирая ноги. Хорошо! Я посмотрел в корыто. Вода уже успела снова впитаться деревом, а попавшая

в нее грязь выделялась и шла на нужды нашего дома, поскольку в ней могли содержаться какие-нибудь полезные соли или минералы. А то, что использовать нельзя, в виде отходов скапливалось в специальном резервуаре-дупле. И было у меня нехорошее предчувствие, что чистить это дупло в самом скором времени придется мне.

– Да отойди ты с коврика, – толкнула меня Феола. – Все занял. Мне тоже надо ноги вытереть.

Я поспешно отошел в сторону, давая возможность сестре выбраться из корыта.

В комнату мы вошли осторожно и встали рядком, как и полагается благовоспитанным детям. Ну прям ангелочки, только без крыльев и нимбов. Отец осмотрел нас с ног до головы.

– Ну и что же мне с вами делать?

– Пап, – попытался оправдаться я. – Понимаешь, я никак не мог бросить один очень важный эксперимент. Его обязательно надо было довести до конца. Иначе все сначала начинать.

– Считаешь это уважительной причиной? Между прочим, мы вас ждали, не садились за стол. Специально послали за тобой сестру. Впрочем, вы друг друга стоите – опоздали оба. Да, оправдываться бесполезно. Сестра тоже молчала.

Отец покачал головой.

– Ох, Альвандер, ну когда же ты наконец научишься ответственности и собранности? Тебе ведь уже четырнадцать

лет. Один из лучших мастеров Солнечной. Порой я поражаюсь, как в тебе совмещаются твоя несобранность и твой талант. Пора бы уж научиться распределять время. Ладно, идите обедать, потом поможете матери убрать папирус. Пришел заказ на большую партию. Идите.

Ура! Крайне довольный таким исходом, я поспешил к двери.

– Да, Альвандер, – остановил меня ехидный голос отца. – После того как поможешь матери, почисти пожалуйста дупло-резервуар. Давно пора им заняться.

Упс. Вот это, называется, «влип». И ведь как чувствовал. Может, у меня пробуждаются таланты ясновидца?

В коридоре сестра сочувственно повздыхала со мной за компанию. Чистка дупла-резервуара – это такое наказание, что даже не всякому врагу пожелаешь.

Остывший обед ждал нас в деревянных мисках в столовой. Я машинально разогрел его и без аппетита принялся за еду.

– Все равно это несправедливо, – буркнул я.

Сестра промолчала, и разговор, не начавшись, зачах. Без аппетита съев свою порцию, я взглядом отправил миску в специальный резервуар-накопитель и направился к выходу. Сестра, терпеливо дожидавшаяся меня, тоже поднялась.

Наша с сестрой мама агроном. Кто знает, тот поймет. У нее просто поразительный талант выводить разные новые растения. И этих новых видов растений за ее шестисотлет-

нюю жизнь у нее накопилось столько, что хватило бы на пару институтов. Между прочим, ее не раз и приглашали в разные институты на кафедру селекции растений, но мама всякий раз отказывалась.

— Ну вот еще, — говорила она. — Куча народа начнет указывать мне, какой проект считать важным для человечества, а какой нет. Нет уж. Я лучше буду делать то, что мне нравится.

Агроном от бога, она занималась в основном тем, что остальные считали ерундой. Она могла работать годами, выводя новый сорт розы с необычным оттенком запаха или цвета. Наш дом в этом отношении шедевр ее творчества. Весной, когда сходил снег, на крыше расцветали сотни белых цветов, наполняя воздух мягким ароматом. Мне даже сложно сказать, чем пахло, поскольку запах, как и цветы, вывела мама, и аналогов во всей Солнечной они не имели. Но пахнет потрясающе. Мама для каждого месяца подбирала свой цвет и запах. Белый — цвет апреля. Май — красный. И аромат совсем другой. В июне господствовал розовый, а в июле нежно-фиолетовый цвет. В сентябре же полным господином являлся цвет золотистый. И если такое чудо творилось с домом, то попробуйте представить, что было в саду. Уверяю, любая фантазия все равно поблекнет перед реальностью. Ее сад бурлил жизнью. Она плескалась там через край. В нем хотелось не ходить, а летать. И когда мама звала нас помочь там, то не было для нас с сестрой лучшей награды.

Правда, на этот раз нас ждал не сад, а огород. Там мама

работала. Разводила растения на заказ. Как она удрученно признавалась:

– Жить-то нам на что-то надо? Будь моя воля, я бы и не вылезала из сада.

Отец недоверчиво хмыкал, но молчал. Мама же, притворно жалуясь на усталость после огорода, отправлялась в сад, как она говорила, отдыхать душой.

Маму мы нашли рядом с зарослями папируса, который рос вдоль берега речки. Она озабоченно разглядывала высокие стебли.

– Хорошо, что вы пришли, – заметила она, не поворачивая головы. – Честно сказать, я в растерянности.

– А что случилось, мам? – Феола выскочила вперед. – Нужна помощь?

– Ну да, – мама посмотрела на нас. – Я попросила отца отправить вас сюда, как только вы поедите.

Мы с Феолой виновато переглянулись. Оказывается, мама нас ждала, а мы там с этим кристаллом увлеклись...

– Что надо делать?

– Альвандер, может, у тебя есть подходящий кристалл для такого случая? Тут пришел заказ на тысячу листов папируса определенного формата.

Я озадаченно посмотрел на поле. И в чем проблема? По моим прикидкам, здесь папируса на миллион листов хватит. Бери не хочу. Мама заметила мою озадаченность.

– Понимаешь, я здесь недавно высеяла новый вид. Хочу

поэкспериментировать с окраской тканей папируса. Проблема в том, что внешне они все одинаковы, а цвет папирус меняет только после обработки. Так что по срезу трудно сказать, каков будет результат. А заказ срочный.

Ага. Теперь ясно. Ну в этом вся мама. Совершенно не умеет планировать. Могла же высеять этот ее эксперимент отменно? Я почесал голову.

– Похожи они только внешне, – глубокомысленно заметил я. – Внутренняя структура их все-таки отличается. Я мог бы настроить фильтр по резонансу на нужные нам параметры, если бы знал, который именно нужен.

Феола мигом меня поняла. Она тут же нарвала охапку папируса и разложила ее перед собой. Закрыла глаза, повела над ними рукой. Тут же начала сортировать охапку.

– Мам, а сколько ты цветов делала? – поинтересовалась сестра, не открывая глаз.

– Пять.

– Тогда все. – Сестра поднялась с колен и стряхнула с них пыль. – Альвандер, вот тебе пять разных видов.

Я подошел к разложенным кучкам. Присмотрелся. Сам папирус внешне похож на пальму ростом с человека – прямой ствол и листья на вершине, росшие словно изнутри. Хотя ствол у папируса не колючий, а совершенно гладкий.

Я задумчиво обошел каждую кучку и изучил внутреннюю структуру растений, но с ходу отличия между ними не нашел. Феола, наблюдавшая за моими действиями, тут же про-

телепатировала мне о них.

– Ага, – обрадовался я. Потом задумался. Что же теперь делать? Можно, конечно, вырастить кристалл с нужными свойствами, но это день потерять. Ладно, попробуем без кристалла. Есть тут одна мысль. – Какой именно папирус нам нужен?

Мама выбрала нужный образец и подала мне. Я отломил кусок стебля, зажал его в кулаке и внимательно окинул взглядом поле. Можно начинать. Все звуки для меня умерли. Исчезло все вокруг. Осталось только поле папируса и травинка, зажатая в кулаке. Я сосредоточился и послал в нее мысленный импульс. Тот отразился. Вот оно! Уловив этот отраженный сигнал, я направил его прямо на поле. И вот тогда, отзываясь на него, затрепетали растения, но только те, чья структура походила на структуру папируса в руке.

– Собирайте те, что колышутся, – велел я, не отрывая взгляда от поля.

Те стебли, что дрожали на несуществующем ветру, сразу же после моих слов стали отрываться от земли и один за другим полетели куда-то в сторону.

– Собирайте больше, – велел я. – Я еще не уверен, что точно определяю. Потом, когда смастерю нужный кристалл, будет легче.

– Ты не отвлекайся, – посоветовала мне сестренка. – Мы тут и без тебя разберемся. Хотя... уже все.

Я облегченно расслабился. Поле перестало трепетать и за-

тихло. А рядом со мной, стебель к стеблю, лежал папирус.

– Ну вот и славно, – улыбнулась мама. – Я даже не знаю, что бы без вас делала. Давайте теперь очистим его от листьев, а потом в мастерскую.

Очистка папируса от листьев работа не сложная, но муторная. Зато отличная тренировка. Надо мысль поднять один стебель, мыслью же оторвать от него листья. Потом стебель положить отдельно, а листья отдельно. Листья пойдут на удобрения, а стебли в дело. С полутора тысячами стеблей мы втроем управились за полчаса. Я облегченно вздохнул и расслабился, восстанавливая энергетический баланс. То же самое сделала и Феола. А вот мама как ни в чем не бывало уже шагала в сторону мастерской. Перед ней плыли и заготовленные нами стебли.

– И почему ты не хочешь использовать для этой цели кристалл? – простонала Феола. – Мы бы с его помощью со всем этим справились за пять минут.

– Даже не подумаю, – фыркнул я. – Нам надо тренироваться. И если можно обойтись без кристалла, то мы обойдемся без него.

– Злодей, – буркнула сестра. – Тогда вставай и пойдем. Работа еще не закончена.

Я нехотя поднялся. А может, правда использовать кристалл? Ну нет. Никакой слабости. Справимся и без него.

В мастерской вдоль стен уже стояли заранее подготовленные высокие и узкие бочки чуть выше меня каждая, запол-

ненные специальным раствором. Мама опускала в них принесенные стебли.

– Присоединяйтесь, – пригласила она нас.

Деваться некуда. Скудная работа и однообразная. Потому-то, наверное, мама и торопится поскорее ее закончить. Я принялся топить стебли в бочках. А ведь потом еще придется помогать этому папирусу пропитываться раствором, иначе слишком долго мокнуть ему там придется.

Особенность папируса та, что он рос тонкой пленкой, накручивающейся на сердцевину. Чем старше растение, тем толще у него стебель и тем оно выше. Намокая, пленка отслаивалась и укреплялась, становясь прочной и эластичной. Через два часа из бочек мы достали почти готовые рулоны папируса. Мама расстелила на полу холст, на котором мы развернули первый стебель. Теперь отрезать сердцевину и сверху постелить новый холст. Уже на нем развернуть следующий стебель и новый холст сверху. И так слой за слоем. Когда этот «пирог» оказался достаточно большим, мы рядом стали складывать новый.

– Ну как тут у вас? – В мастерскую заглянул отец. – Работаем?

– Работаем, – дружно отозвались мы с Феолой.

– Великолепный папирус получился, – заметил он.

Мама расцвела:

– Я так трудилась над этим сортом. Он и впитывает раствор быстрее, и эластичней, и крепче обычных сортов.

– Конечно-конечно, – рассмеялся отец. – Я уже видел одобрительные отзывы в твой адрес на этот сорт. Его готовят на замену старым.

– Правда? – изумилась мама. – Как замечательно!

– Конечно, замечательно, – согласился с ней папа, потом повернулся к дочери. – Феол, там к тебе Валентина с кроликом пришла. Говорит, что он заболел.

– Да, она обещалась прийти. – Феола выпрямилась и вытерла пот со лба. – Я, правда, думала, что она позже зайдет.

Мама тоже встала и оглядела результат нашей деятельности.

– Иди, дочка. Дальше мы и без тебя управимся. Немного осталось.

Я воспользовался перерывом, чтобы немного отдохнуть. Отец и сестра ушли, и мы снова принялись за работу.

– Ну вот. – Последний стебель лег на холст, и мама удовлетворенно оглядела подготовленные стопки. – Теперь сушим. Ты готов? А может, все-таки воспользуемся кристаллом? – поинтересовалась мама, заметив мой усталый вид. Я упрямо потряс головой. – Ну как знаешь, юный упрямец. – Последние слова вроде не похвала, но сказаны они были таким тоном, что я даже возгордился. Чувствовалось, что мама довольна моим упорством. – Давай!

Мы одновременно вскинули руки и направили их на стопки. Воздух вокруг наших ладоней стал нагреваться, возникло марево, как в жаркий полдень. Ладони нестерпимо жгло.

Я поскорее направил ток воздуха на сложенные на полу стопки. Стало немного полегче. Так, теперь не отвлекаться. Главное – сосредоточенность. Ветер усилился, гоня раскаленный воздух на папирус. Мама действовала с другой стороны. Так с двух сторон мы по очереди и работали с каждой пачкой. Наконец мама решила, что этого достаточно. В тот же миг и мои руки бессильно упали вдоль тела. Я согнулся пополам, отчаянно глотая горячий воздух. Так опустошал я свои внутренние силы только при работе с особо сложными кристаллами. Кое-как выбравшись из мастерской, я шлепнулся на траву.

Да, если я в чем-то и завидовал взрослым, то только их, как я считал, неисчерпаемым резервам энергии. Но я понимал, что все это результат многолетних тренировок. И очень может быть, что мои способности, когда я вырасту, окажутся гораздо большими. Ведь каждое новое поколение Земли в управлении пси-силами талантливее предыдущего. Только вот пока существует Граница, мы словно в тюрьме. Нам, как подачку, бросили четыре планеты из девяти. И нам некуда расти дальше. Пока существует Барьер, будущего у Земли нет – он висел над всей Солнечной словно дамоклов меч. Мы не могли выбраться за него и не знали, что происходит там. Этой проблемой я займусь сразу, как только мой Великий Кристалл обретет полную силу. Через полгода. И эти полгода надо посвятить подготовке к экспедиции. Много я уже сделал, но еще многое предстоит...

– О чем задумался?

– А? – Я растерянно моргнул и приподнялся на руках. – Что, мам?

– Я смотрю, ты о чем-то задумался. Хмуришься.

– Да пустяки. – Я пожевал травинку. – Я о Границе думаю.

– Ах вон оно что. – Мама сразу посмурнела. – Да. Сурово нас наказали.

Она вдруг отвернулась и скрылась в мастерской. Я задумчиво проводил ее взглядом.

Наказали? У любого наказания есть срок давности. А это длится уже пять тысяч лет. Пять тысяч лет Земля отрезана от остальной галактики непреодолимым барьером. А с другой стороны... ведь если бы не барьер, то человечество еще не скоро обратило бы внимание на внутренние ресурсы человека. Сколько процентов мозга использовал человек пять тысяч лет назад? А сейчас мое поколение использует уже почти тридцать шесть. И какая продолжительность жизни была у людей той эпохи? В наше время люди живут по тысяче лет и больше. Например, теперешнему координатору Солнечной недавно исполнилось тысяча двести одиннадцать лет.

Так наказание это или нет? Сложно все это. Я посмотрел на небо. Увы, но звезд, воспетых поэтами прошлого, с Земли теперь не видно даже ночью. Проклятый Барьер скрывал все.

Ладно, дай бог, разберемся мы еще с ним. Я поднялся и следом за мамой вошел в мастерскую. Она укладывала высушенные листы папируса на ленту транспортера. Я подклю-

чился к работе. Станок у нас не очень мощный и мог за раз принять не более трехсот листов. Но больше нам и не требовалось. Уложив очередной лист, мама оценивающе посмотрела на лоток:

– Ладно, хватит. Не будем нагружать старичка. Этому станку ведь уже почти триста лет.

– Да? – Я присмотрелся к механизму повнимательней. Многие детали сделаны еще из металла. Вообще, металл на Земле старались использовать как можно реже. После революции псиоников он медленно сдавал позиции, уступая материалам из органики, а в последнее время пластилу. Пластик вообще вещь удобная. Силой мысли его можно превратить во что угодно. Он позволял до определенного предела менять даже свои свойства – мог стать мягким, твердым, жидким, рыхлым. Вначале его использовали в основном как тренажер для детей, чтобы те силой мысли придавали ему определенную форму. Потом уже, когда он совершенствовался, стали применять в производстве. Но тогда немногие люди умели работать с ним. А сейчас... сейчас любой ребенок мастерил из него все, что пожелает. Некоторые части и в станке, как я вижу, сделаны из пластика.

– Честно-честно, – улыбнулась мама и послала мысленный сигнал на управляющий кристалл. Станок мерно загудел. Лента поползла внутрь. Я поспешно обежал его и стал ждать у выходного лотка. Наконец оттуда выпал первый лист папируса – подрезанный по размеру и идеально ровный. Я

взял его и подергал. Замечательный папирус. Эластичный, прочный, гораздо лучше и долговечней любой бумаги. Самое главное, он тоньше. А по белизне мог соперничать с ее лучшими сортами. Надо памятник поставить тому, кто вывел это растение. Ведь из одного стебля получается около пяти листов альбомного формата. А сколько деревьев надо спилить, чтобы сделать столько же листов бумаги? Конечно, еще делали специальные листы из пластика, которые изготавливали химики, но их применяли только в особых случаях. Да и дорогие они.

– Ага, все-таки кое-что мы пропустили. – Я и не заметил, как подошла мама. Она протянула руку через мое плечо и поспешно убрала с лотка пять листов папируса зеленоватого цвета. Откинула их в сторону. – Ну вот и все. Заказ готов. Сегодня же его отправлю, а потом займусь садом. – Мама мечтательно сощурилась.

– Мам, – перебил я ее мечты. – А тебе все эти листы нужны?

– Нет, конечно. Мне заказывали тысячу.

– А тут их тысяч пять. Я заберу штук пятьсот? А то у меня уже чистый папирус кончается.

– Да ты его ешь, что ли? – удивилась мама. – Я же тебе только неделю назад тысячу листов давала.

– Ну, мам, мне много писать приходится. Я же эксперименты ставлю. Расчеты делаю.

– Да бери, конечно, – махнула она рукой. – Раз он тебе так

нужен, забирай не пятьсот, а тысячу.

– Спасибо, мам.

На глаз отследив положенную тысячу, я пролевитировал ее к столу. Там быстро завернул ее в упаковочную ткань.

– Я тебе не нужен больше?

– Да иди уж, помощник, – рассмеялась мама. – Спасибо.

– Пожалуйста, – весело отозвался я и зашагал к дому. А передо мной плыла упакованная пачка папируса. Не очень удобно, но... тащить тысячу листов ручками... как выражается сестренка, «пупок развяжется». Вот и приходится идти медленно и осторожно, не спуская с пачки глаз. Один раз из-за этого я чуть не загремел.

Бросив упаковки в коридоре, чтобы забрать их, когда соберусь в пещеру, я прошел к себе в комнату. В дверях меня встретил отец. Заметив мой усталый вид, он усмехнулся.

– Ладно, на сегодня, считай, свое наказание отложенным. Но завтра дупло с отходами чтоб вычистил.

– Ура! – обрадовался я, плюхаясь на кровать. В отличие от сестры, свою я, не особо мудрствуя, сделал из платила. Без излишеств, но удобно. А вот сестренка у себя в комнате вырастила гигантский пушистый лопух с мягкими валиками-краями. В нем она и спала, завернувшись в такой же пушистый лопух. Нет, я все понимаю, биолог, любовь к природе и все такое прочее, но не до такой же степени! Я все же предпочитал наволочки и простыни из ткани. Хотя... конечно, удобно, когда постель убирать не надо. Но еще неизвестно,

но, что хуже, один раз в неделю постель сменить или каждый день поливать этот лопух и следить за его самочувствием.

Но не успел я насладиться законным отдыхом, как с улицы раздался призывный крик:

– Альвандер!!!

– Чего тебе? – послал я недовольную мысль-вопрос. Лука оказался настойчивым и мое недовольство просто пропустил мимо сознания.

– Ну, выгляни ты! – опять заорал он, игнорируя возможности такой удобной мысль-связи. И главное удобство в ней то, что вставать с постели не требуется.

Ворча себе под нос о разных личностях, которые не дадут человеку отдохнуть после тяжелого трудового дня, я доплелся до окна и высунулся из него. Лука был личностью забавной: на год младше меня, с веселым и живым характером. Я бы даже сказал, чересчур живым. Из-за этого он все время брался то за одно дело, то за другое. Сегодня он занимается агрономией, завтра ботаникой, а послезавтра уже выращивает кристаллы. Понятно, что особых успехов ни в одной области ему достигнуть не удалось, что, впрочем, ничуть его не огорчало. Полагаю, он вообще не умел огорчаться. Лука был всеобщим любимцем нашего селения. Сердиться на него совершенно невозможно. Вот и сейчас стоило увидеть его довольную физиономию с улыбкой до ушей, как все мое раздражение куда-то улетучилось вместе с усталостью.

– Чего орешь?

Лука нетерпеливо запрыгал на одной ноге.

– Айда в футбол играть! Там из соседнего селения команда прибыла! Они вызывают нас на поединок.

О нет! Плакал мой отдых.

– Имейте совесть! – возмутился я. – С утра пашу без отдыха! Дайте силы восстановить! Без меня справитесь.

– Да ты что?! Ты хочешь, чтобы мы проиграли??? Альвандер, ты же знаешь, без вас с сестрой у нас нет никаких шансов!

– Вот-вот! Ты сначала мою сестру уговори.

– А она уже на поле! Меня за тобой послала!

Я ругнулся под нос. Неугомонная. И ведь придется идти. Нельзя подводить ребят. Достав из шкафа синюю майку – цвет нашей команды, я натянул ее, спортивные шорты и двинулся к выходу.

– Ты куда? – удивился отец, встретив меня в коридоре.

Я объяснил.

– А чего такой недовольный? Честь команды надо защищать. А вам брошен вызов. Обязательно приду посмотреть матч.

– Так-то оно так, – отозвался я. – Только после папируса я выжат как лимон.

– Все еще отказываешься пользоваться кристаллами? Нет, я, конечно, тебя понимаю, но на особо сложной работе могли бы и применять их.

– Особо сложная работа – лучшая тренировка.

– Решать тебе, – не стал спорить отец. – Загляни к матери в сад. Там ты быстро силы вернешь.

– Обязательно. – Если и дальше так пойдет, то скоро этот сад вообще станет моим вторым домом. Уже в менее трагичном настроении, я выскочил на улицу, где меня поджидал Лука. Заметив, что я направляюсь вовсе не на поле, он дернул меня за руку:

– Ты куда? Нам в другую сторону.

– Говорю же, я почти пуст. Ты хочешь, чтобы я в таком состоянии играл? Сейчас к маме в сад забегу, восстановлю силы.

– О! – Глаза Луки заблестели. – А можно мне с тобой? Можно? У нее такой сад... такой...

– Сам знаю какой, – усмехнулся я. – У нее там нет ни одного обычного растения. Только те, что она сама вывела. Единственные в Солнечной.

– А какие они энергетические, – блаженно прищурился Лука. Я, глядя на него, рассмеялся. Энергетические. Ха. Придумал же. Но в одном он прав – силы те растения восстанавливали значительно лучше обычных. Ведь когда человек что-то делает мыслью, он тоже тратит энергию. Порой ничуть не меньше, чем при физической работе. И потраченное надо восстанавливать. Источником же энергии является все живое на планете. Поэтому Земля сейчас превращена в цветущий сад. Саванны, джунгли, леса, поля... все было наполнено жизнью. Люди помогали всему этому расцвести, а

природа в ответ дарила людям нужную им для жизни энергию. Такой вот симбиоз планеты и людей.

Сад располагался чуть в стороне от огорода за оградой из колючих кустов. Их мама специально посадила, а то из леса к ней туда зачастила всякая живность. Очень уж нравилось им в том саду. И я их понимал. Только вот, глупые, они вытаптывали все и порой губили плоды многомесячных усилий мамы. Пришлось огородить сад колючим кустарником. Я мысленно отправил запрос. Кусты недовольно зашевелились, потом их ветки расплелись и отодвинулись в сторону, открывая проход.

– Давай ныряй, – пригласил я Луку. Тот радостно юркнул в открывшийся лаз. Я вошел следом, а за мной снова сдвинулись кусты, превращаясь в неприступную стену.

Я вдохнул полной грудью. Всего лишь шаг, и словно в другой мир попал. Гигантские цветы, у которых каждый бутон с меня ростом, необычной расцветки деревья, а плоды... плоды... Земляника размером с кулак, малина, брусника. Ну как можно заставить плодоносить деревья, для которых еще не время? А ягоды? Мы вдвоем миновали заросли лиан, для чего пришлось чуть ли не продираться через них, и вышли на поляну. Это центр сада, и здесь мама устроила место для медитации. В сердце сада, в центре его жизненных сил. Я опустился на корточки.

– Здравствуйте! – мысленно поздоровался я со всеми в саду. Деревья приветственно зашумели. Воистину права Фео-

ла, говоря, что этот сад обладает своим, особенным разумом. Я долго пытался понять, почему мне требовалось намного больше времени для восстановления сил, чем ей. Казалось, сад отдавал сестре энергию намного охотней, чем мне. Я тогда долго сопел по этому поводу и пытался отыскать хитрость в ее действиях. Потом все-таки не выдержал и спросил напрямик. Помнится, даже обиделся сначала на совет, но потом ему последовал и извинился перед садом... и сам был поражен результатом.

– Он действительно разумен! Я чувствую это!

– Ничего удивительного, – отозвалась тогда сестра. – Мама ведь возится с этим садом с девяти лет. Сколько любви она сюда вложила. Вот он и отвечает взаимностью. Главное – с ним вежливым быть, и он тебе ответит своей любовью...

Я покосился на Луку. Тот уже устроился рядом со мной и терпеливо ждал разрешения. Я кивнул ему:

– Сад не возражает против тебя. Ты ему даже нравишься.

– Я всем нравлюсь, – улыбнулся он во весь рот. – Ну ладно. – Он закрыл глаза и выставил ладони навстречу солнцу, впитывая энергию, разлитую вокруг. Я последовал его примеру.

Минут через десять я встал, слегка пошатываясь от переизбытка силы. Это же сколько я впитал? Надо быть все же поосторожнее. Переизбыток силы такой же неприятный момент, как и ее недостаток. Надо срочно куда-то этот самый избыток деть, пока не опьянел. Не особо мудрствуя, я тут

же прошелся по всему организму, излечивая малейшие повреждения и раны. Заодно влил побольше энергии в кровь и прогнал ее по всему организму, очищая его от всяких шлаков и других гадостей, скопившихся в нем. Потом посмотрел на Луку. Тот стоял, прикрыв веки и слегка пошатываясь. Так, похоже, этот перебрал. Для проформы я слегка потряс приятеля за плечи. Ноль эмоций. Вот это и есть опьянение силой. И что мне теперь делать? Ну, Лука, держись. Я коснулся пальцами его висков. Нашупал энергетические каналы внутри организма и открыл все шлюзы. Поток энергии, выкачиваемой из Луки, захлестнул меня с головой. Счастье, что я оказался готов к этому и моментально организовал канал, сбрасывая ее обратно в сад. Лука распахнул глаза и удивленно уставился на меня:

– Что...

Я тут же прервал контакт. Не хватало еще опустошить приятеля.

– То, – огрызнулся я. – Перебрал ты немного и опьянел. Пришлось сбросить излишек. Ты как сейчас?

Лука прислушался к себе.

– Нормально. Спасибо. Альвандер, прости, я сам не заметил. Но тут так... так замечательно...

– Ладно тебе. Просто умей контролировать себя. А сейчас нам пора на поле. Полетели.

– Ой, только без полетов, – взмолился Лука.

– Гм. Понимаешь, я тоже слегка перебрал энергии, и мне

надо избавиться от части ее. Поэтому и предлагаю лететь.

– Ну раз так... – Лука вздохнул. – Ненавижу полеты, – буркнул он, отрываясь от земли.

– Почему? – удивился я, догоняя его.

– Я высоты боюсь, – покраснев, признался он.

Я ошарашенно уставился на него, а потом захохотал.

– Тебе смешно, – обиженно пробурчал он. – А я вот ничего не могу с собой поделаться. Понимаю, что глупо, но... Ты видишь, что лечу я не очень высоко.

Это да. Летели мы на высоте примерно метр от земли.

– Что ж ты молчал, дубина? – с усмешкой поинтересовался я. – Сказал бы моей сестре, думаю, она сумела бы разобраться, что к чему. Она же биолог и врач.

– Мне стыдно, – совсем покраснел Лука.

– Ну и болван.

– Да знаю я. Поэтому вот и признался сейчас тебе.

– И это хорошо. Но с Филькой все-таки поговори. Плохого она тебе не сделает.

– Ладно. Потом как-нибудь.

– Вот и ладушки. А скорости ты не боишься?

– Скорости? – удивился Лука. – Скорости не боюсь.

– Тогда догоняй! Жду тебя на футбольном поле! – Я резко прибавил скорость и помчался навстречу солнцу. Лука, что-то крича, гнался за мной.

Несмотря на мое хвастовство, опередил Луку я не сильно. Тот опустился на поле почти сразу за мной и сразу высказал

все, что думает обо мне и этом соревновании. Правда, тут же рассмеялся.

— А мчались мы и правда здорово. Я один раз чуть ворону не сшиб. Вот она удивилась, небось.

— А догони, спроси, — ехидно посоветовал я.

— Вот вы где! Явились наконец! Лука, тебя только за смертью посылать! Где вы пропадали?

Я обернулся. Позади меня, уперев руки в бока, стояла сестренка, одетая в такую же синюю майку и шорты, как у меня, и грозно смотрела на нас. А чуть в стороне располагалась и вся наша команда, которая сейчас приветственно махала нам. Команда противника собралась у ворот напротив и о чем-то оживленно переговаривалась. И даже трибуны оказались почти заполнены. Много незнакомых лиц. Похоже, это родители игроков наших противников. Ага, а вон там из нашего селения сидят. Тут на тропинке показались родители. Я помахал им. Мама улыбнулась и кивнула, отец поднял над головой в рукопожатии руки и потряс ими.

— Ну что ты все по сторонам смотришь? — не выдержала Феола. — Ты сюда играть пришел или как?

— Просто я думаю, что можно было об игре заранее договориться. Тогда пришел бы вовремя.

— И где ты был с утра, чтобы с тобой могли договориться? — ехидненько поинтересовался Лука. Я намек понял и заткнулся. Но все равно могли бы и раньше сказать. Феола могла бы, в конце концов. Не верил я, что она забыла. —

Просто в соседнем селении под землей началась стройка какого-то завода, – все-таки пояснил Лука. – Туда как раз отряд гномов пришел. Видишь, вон на трибунах их дети сидят? Пока взрослые там что-то меряют и чертят, те, кто не занят в проекте, пришли в гости. А тут у кого-то мысль появилась сыграть в футбол. Вот и...

– Ага. А там и эльфы, я гляжу?

– Где? Ну да. Они же тут в лесу неподалеку живут. И хватит глазеть на трибуны, Альвандер! Нас, между прочим, команда ждет!

– Иду-иду. – Действительно, перед игрой не стоит расслабляться. И надо еще обсудить план игры.

Футбол, в который мы собирались играть, почти ничем не отличался от того, в который играли в древности, еще до Барьера. То же поле, те же ворота. Разница лишь в том, что мяча запрещено касаться. Вообще. Управлять им позволялось только силой мысли. Брать мяч имел право только вратарь. И еще в игре нельзя использовать кристаллы. В общем, с точки зрения развития своих внутренних сил игра идеальна. Тренировка действий в команде, умение управлять мячом, когда его у тебя стараются отнять, и умение отобрать мяч у противника, когда он старается его защитить. При этом приходится еще активно перемещаться по полю. Кстати, воздействовать можно только на мяч. Трогать игроков строго-настрого запрещалось.

– Привет, Альвандер. Где ты пропадал? – приветствовала

меня команда.

– Мы тебя ждем-ждем.

– Ты как? Готов?

Я поздоровался со всеми. Оглядел команду. Леонид – защитник, умеет концентрировать давление в одной точке как никто другой. Он на год старше меня. Как-то раз я с ним сдуру поспорил, кто кого сдвинет с места. Встали напротив друг друга на расстоянии где-то метров пять и по сигналу надавили. Сопротивлялся я только первые две секунды. А потом меня словно пушинку снесло в кусты, где я чувствительно приложился копчиком о какую-то корягу. Леонид потом долго извинялся, клятвенно заверяя, что не хотел ничего такого и давил только вполсилы. Не хотел бы я попасть под его полную силу. Вера-Вероника – всего десять лет, но виртуоз по управлению предметами. Наблюдал я ее как-то за игрой в куклы... там у нее они вальсы отплясывали. Причем каждая пара совершала свои движения. У кукол даже ноги двигались в такт музыке. Как вратарю ей цены нет. Еще у нас играла Алла – моя ровесница. Специализировалась она в основном на левитации. Надо отдать должное, летун она отменный. Михаил – игрок центра. Ну и мы с Феолой. Феола лучший эмпат и телепат, каких я только знаю. Она центр нашей команды. Через нее шло все наше общение. Каким образом в игре она умудрялась сортировать поток наших мыслеобразов, я даже не пытался сообразить. При этом она еще успевала считывать эмпатический фон команды противника и под-

сказывать нам их задумки. К тому же мы с ней близнецы, а это значит, друг для друга абсолютные телепаты. Порой мы отгадывали мысли друг друга еще до того, как они даже оформятся. Поэтому на поле мы с ней составляли, по сути, одного игрока, в котором объединены достоинства обоих. Ее умение считывать эмпатический фон и мои таланты в управлении предметами... Естественно, мы с ней играли в нападение.

О нашей слаженности знали все, и поэтому когда игра шла внутри нашего селения, то нас с ней разделяли по разным командам, иначе почти всегда выигрывала та, где мы оказывались вместе. Естественно, такая игра с предсказуемым результатом никому не нравилась. Зато когда мы выступали против команд других селений...

– Итак, как играем? – поинтересовался я. – Кто знает сильные и слабые стороны наших соперников.

– Я был у них в гостях, – заговорил Михаил. – Видите вон того мелкого и кучерявого? Алькор. Виртуоз не хуже нашей Веры-Вероники. Пожалуй, я его возьму на себя. Алл, а ты обрати внимание на мальчишку рядом с ним. Очень ловко умеет блокировать управляющие сигналы. Боюсь, что от него будут нам проблемы. Так что если почувствуешь, что он пытается отобрать у тебя мяч, не вступай с ним в поединок. Проиграешь. Сразу передавай пас.

– Я его возьму на себя, – отозвался я, изучая противника. – Феол, тебе придется подыграть мне. Если он так силен

в блокировании, то без тебя у меня может не получиться отбить атаки. Как он в защите от эмпатии?

Михаил пожал плечами:

– Понятия не имею. Но если бы был силен, я бы знал. Так что с этой стороны от него ничего особенного ждать не придется.

– Все равно надо быть наготове. Кто у них вратарь?

– Вратарь вон тот мальчишка, похожий на маленького медвежонка. С выносливостью у него не очень, а вот в реакции мысли с ним посоперничать мало кто может. Учтите это. Я когда против него играл, почти забил гол. До сих пор не понимаю, как ему удалось среагировать. Его двое отвлекали, я сам блокировал, не давая рассмотреть точку удара. И все равно каким-то образом извернулся и отбил.

К нам подошел высокий эльф в одежде судьи.

– Вы готовы? – поинтересовался он. Мы дружно закивали. – Отлично, тогда объявляю начало. – Он достал из кармана кристалл и повесил себе на шею.

– Ну ладно, – поднялась Феола. – Команда...

– ...Вперед! – дружно гаркнули мы.

– По местам, – поправила нас ехидная Феола.

– По местам еще рано, – отозвалась не менее ехидная Вера-Вероника. – Сначала приветствие.

Тут к нам подбежал Лука и каждому из команды вручил по цветочку.

– От наших болельщиков на счастье, – заявил он и прежде,

чем ему кто-то успел ответить, убежал обратно на трибуны. Я взглянул туда. Ого, оказывается, трибуны уже все заняты. Надо же, какой интерес вызвал наш матч. Некоторые зрители, которым не хватило мест, просто зависли в воздухе и наблюдали оттуда. Многие люди уступили места гномам или эльфам. Несмотря на свою трехтысячелетнюю историю, они еще не могли соперничать с людьми по части пси-способностей и висеть в воздухе, как люди, не умели. Поэтому, кстати, в людских командах по футболу не было их игроков, хотя любили они играть не меньше людей. Зато с удовольствием устраивали турниры между собой. Эльфы сражались с гномами, гномы с драконами, а те, в свою очередь, с русалками.

Наши команды выстроились напротив друг друга. Между нами встал эльф-судья.

– Итак, полагаю, что о правилах говорить нет необходимости? Касаться мяча запрещено. Использовать только те силы, что даны вам природой. Никаких кристаллов не допускается. Сражаясь на поле, помните, что вы не враги, а только соперники в спорте. Не допускайте ссор и вражды. И пусть победит сильнейший. А теперь пожмите друг другу руки.

Мы прошли друг против друга, пожимая руки. Я задержался около того соперника, про которого говорил мне Мишка и которого я должен был опекать. Он тоже задержался против меня. Похоже, у него та же задача. Еще он задержался возле сестры. Ага, кажется, наши соперники точно знают, кто у нас главная ударная сила. Значит, нас с сестрой

будут «пасти» весьма основательно.

– По местам, – скомандовал судья.

Мы быстро рассредоточились по своей половине поля. Пока не прозвучала команда, пересекать половину соперника запрещалось. Вера-Вероника встала в воротах, Алла немедленно повисла над нами и тут же принялась рассылать мыслеобразы диспозиции наших соперников. Михаил занял позицию в центре, чуть дальше нас с Феолой, а Леонид замер недалеко от Веры, готовый при необходимости прийти ей на помощь.

Эльф поднял правую руку. Мы приготовились. И тут же с ладони судьи сорвалась молния и устремилась в небо. А еще через мгновение сверху рухнул мяч. Игра началась.

Глава 3

Мяч еще не успел коснуться земли, как за него завязалась ожесточенная схватка.

– Левый крайний и центр борются, – пришел мыслеобраз от Феолы.

– Они помешают друг другу, – тут же протелепатировал я команде. – Алла отбивается, я попробую перехватить мяч.

Алла послала сигнал согласия и тут же ввязалась в схватку сразу с двумя игроками. Как и ожидалось, те отвлеклись на ложную атаку. Правда, они быстро разобрались, в чем дело, но мяч был уже у меня. Я тут же откинул его себе за спину Мишке. При мысленном управлении важно расстояние между вами и объектом. Если никто не будет мешать управлять, если нет сопротивления, то расстояние может быть очень приличным. Но только не на поле, где никто не даст вам катать мячик в свое удовольствие. Отнять мяч, посиживая на травке у своих ворот, нет никаких шансов. На Мишку тут же навалились двое, но он молниеносно отпасовал мне.

Ага, поиграем... Подкинув мяч, я взлетел следом и построился сразу за ним на расстоянии вытянутой руки. Ну теперь попробуйте отнимите. В данном случае кто ближе к мячу, у того и больше прав на него.

– Феол, прикрывай! – Мыслью толкая мяч перед собой, я на скорости углубился на территорию противников. Те по-

пытались остановить меня, но не тут-то было. Атаку одного отбила Феола, второго – Алла. Третий попытался рвануть мяч на себя, но я воспользовался усилием противника, заставив его тянуть еще и меня. Такая нагрузка для него оказалась чрезмерной. Я быстро огляделся. Справа летит судья... Защитники отстали...

У ворот меня атаковал вратарь, но я успел подкинуть мяч выше, где его перехватила Алла. Пользуясь моим приемом, она сверху ринулась к воротам. Я же всюду отвлекал вратаря, а остальные отбивались от защитников. Удар! Мяч со свистом устремился к воротам...

– Го... – Слова восторга замерли на губах. Ууууу! Этот, кажущийся увальнем, вратарь на самом деле оказался чертовски быстр. Я не понял, как он успел, отражая мои и Алины атаки, зацепить мяч. Тот, получив боковой удар, отрикошетил от штанги, пронесся вдоль ворот и вылетел на поле. Зараза!

Трибуны восторженно заревели. Причем, как я понял, они аплодировали как нашей великолепной атаке, так и мастерству вратаря. Я тоже не мог не восхищаться им. Поймав его взгляд, я показал ему большой палец. Тот улыбнулся в ответ.

Ну что ж, сыграем. Противник нам сегодня попался действительно сильный. Тем больше чести в победе.

Игра продолжалась. Выстроившись в воздухе обратным клином, противники понеслись к нашим воротам. Игрок, находящийся в середине, толкал мяч практически перед гру-

дью, а четверо его товарищей, летевших чуть впереди, сверху и снизу, прикрывали его от наших атак. Значит, решили всей командой атаковать. Опрометчиво, очень опрометчиво оставлять вратаря одного. Но через секунду я уже не был так в этом уверен. Такое построение оказалось идеально в защите. И впятером они очень удачно отбивали все наши попытки разбить строй. Правда, и они не учли одного момента. Леонида. Сначала их не очень встревожило его появление перед ними, когда он просто встал на их пути, не предпринимая даже попытки атаковать. Слишком неловким и неопасным он выглядел. Моя сестра тут же сообразила, что за этим последует.

– Всем приготовиться! – закричала она. – Как только ударит, перехватим мяч и атакуем!

И тут Леонид ударил... Да так, что не помогли даже объединенные усилия команды противника. Он буквально продавил их защиту. Мяч попал в грудь нападающего с такой силой, что тот вместе с мячом полетел на свою половину поля и, похоже, мало что соображал.

– Алла, присмотри за ним, – бросил я на ходу, – чтоб не грохнулся. Миш, мы с тобой атакуем.

Я сделал плавный вираж, аккуратно подхватил мяч и, не дожидаясь, когда противник очухается, бросился к вражеским воротам. Судья, готовый уже остановить встречу из-за нарушения правил, замер. Мяч у нас, и остановка игры пойдет на пользу нашим соперникам. Он раскинул руки в сто-

роны, показывая, что можно играть.

Вот теперь сыграем! Защитники, не ожидавшие от меня такой прыти, остались далеко позади и помешать теперь просто не могли, поскольку я старательно закрывал от них мяч спиной. А управлять предметом, который не видишь, очень и очень трудно. Уже подлетая к воротам, я поделился с Мишкой своим планом. Тот радостно ухмыльнулся:

– Пробуем.

– Тогда... Пора! – У самых ворот я вдруг развернулся спиной к вратарю. Тот, потеряв из вида мяч, на миг растерялся. Мишка же завис передо мной, закрывая мяч от летевших к нам на всех парах защитников.

– Давай! – Я выпустил мяч и взмыл вверх. В тот же миг Мишка нанес удар... Какой бы скоростью реакции ни обладал их вратарь, но все же она имела свои пределы. Удар почти в упор отбить он просто не мог. Над воротами вспыхнул сигнал.

– Го-о-о-ол! – взорвались трибуны. Мы кинулись друг к другу, поздравляя с первым успехом.

– Отлично, команда! – Мыслеобраз Феолы буквально светился восторгом. – Так держать!

– Слушаюсь, – весело отозвалась Вера-Вероника. – Только вы там их совсем уж не громите. Мне хоть немножко работы оставьте.

Оптимизм Веры-Вероники оказался несколько преждевременным. В следующие пятнадцать минут нам устроили

форменный штурм ворот. Первые две атаки отбил своим коронным приемом Леонид. Но в третий раз соперники оказались к такому обороту готовы, они вдруг метнулись в разные стороны, и удар Леонида пришелся в пустоту. М-да, похоже, главная слабость нашего защитника уже не тайна – при всей его силе, он крайне неуклюж и не поспевал за быстро перемещающимися целями. Да и следующий удар быстро нанести не мог. Теперь двое атаковали уже наши ворота, и это мы не успевали им помешать.

Вера-Вероника равнодушно наблюдала за приближением нападающих и лениво обмахивалась прутиком. Она словно и не интересовалась ими. Подняла ногу и хлопнула по щиколотке, прибив комара. Вроде бы ленивый жест, но именно по нему я понял, что она предельно сосредоточена на отражение атаки, задействовала все резервы.

Поведение нашего вратаря нападающих явно озадачило. Не понимая, что оно должно значить, они замешкались... только на миг... на какое-то мгновение. Но и его Вере хватило – нападающий вдруг обнаружил, что мяча перед ним уже нет, а девочка, еще секунду назад беспечно махавшая прутиком, держит его в руках, радостно улыбаясь. Судья остановил матч, и наши соперники поплелись на свою половину поля.

А дальше была еще одна атака. А потом еще и еще. Мы никак не могли перехватить инициативу. То один, то другой из наших игроков вынуждены были приземляться и вос-

становливать полностью истощенные силы. Соперникам нашим, правда, не легче. И если мы не пропустили до сих пор ни одного мяча, то только благодаря Феоле, которая умело дирижировала командой, связывая нас всех в единый организм. Мы моментально узнавали о намерениях противника и вовремя помогали друг другу, не путались у своих под ногами и не набрасывались скопом на мяч. Ну и плюс еще то, что Феола транслировала нам эмоции противника. Те, правда, быстро разгадали эту хитрость и старались закрываться. Но при этом они вынуждены были тратить энергию. А в такой игре каждая ее кроха ценна.

Вот за что люблю футбол, так это за то, что он по полной проверяет способности каждого. Ведь одновременно приходилось делать столько разных вещей. Надо управлять своим полетом, держать связь с партнерами по команде, контролировать мяч, отбивать попытки его забрать или пытаться отнять его у соперника. И все на пределе сил. При этом надо просчитывать замыслы противника и строить свою стратегию. Потому остальные расы даже не пытались вступать в противоборство с людьми в этом виде спорта – слабоваты они еще выделять все это. Даже судья выглядел уставшим, хотя он пользовался кристаллами. Но и они ему уже не помогают.

К концу первого тайма на ногах остались только я, Феола и Алла. У команды противника тоже оставались в строю трое. Но, похоже, один из последних сил. Когда прозвучал

сигнал, я почти неуправляемо рухнул на траву и прикрыл глаза.

– Они нас умоляют, – протелепатировал я всем разом.

– Или мы их, – жизнерадостно отозвалась Алла.

– Хотелось бы верить, – простонал Леонид. – У меня больше нет сил.

– Надо менять нашу стратегию, – высказал я «умную» мысль. – Они нас совсем зажали. Стоит нам допустить хоть одну ошибку... Мы держимся только благодаря Феоле.

– И благодаря тебе, – добавила Вера-Вероника. – Вы с ней здорово понимаете друг друга.

– Эффект близнецов, – отозвалась Феола. – Что будем делать?

В ответ молчание.

– Ясно, – вздохнула Феола. – Фонтан идей пересох. Приступаем к разбору завалов.

– Есть идея заняться восстановлением сил, – поднял руку Леонид.

– Ну поскольку других предложений все равно нет... – я развел руками.

Пятнадцатиминутный перерыв пролетел совершенно незаметно. Я со стоном поднялся на ноги. Глянул на небо. Весной темнеет еще довольно рано, и солнце уже давно скрылось за верхушки деревьев. Для удобства как игроков, так и зрителей вокруг поля подвесили светящиеся шары, превратив зарождающуюся ночь в день. Оно и лучше – не

придется тратить силы на ночное зрение, которые нам пригодятся в игре.

Леонид, ворча, что мы должны отдыхать еще минимум дней пять, тоже встал. Феола, хмуро глядя на нашего поставляющего защитника, подошла ко мне.

– Похоже, они нас все-таки сделали, – буркнула она.

– Мы ведем в счете.

– Угу. А половина команды пребывает в крайне пессимистическом настроении. Если мы не выровняем игру, то это для нас плохо кончится.

– Ну, давай попытаемся. Ребята, – позвал я. – Попробуем сыграть понизу. От земли. Алл, постарайся прикрывать мяч от игроков другой команды.

Девочка кивнула.

Второй тайм начался ровнее. Нам даже удалось провести несколько штурмов ворот, правда безуспешных. Наша новая тактика явно поставила соперника в тупик. Мы теперь не летали по воздуху, а перемещались ножками по полю, катая мяч по земле. Алла маневрировала над нами, не давая никому из наших соперников слишком долго удержат на нем взгляд. Даже защитники периодически ходили в атаку.

– Да как же пробить этого вратаря! – в сердцах буркнул Мишка, третий раз пробуя закатить мяч в ворота. – Между прочим, «стену» ставить запрещено правилами!

– Не стони, – сердито отозвалась Алла, пролетая мимо него. – Нет там никакой «стены».

Наконец первая растерянность у соперников прошла, и они приспособились к нашей игре. Снова пошли атаки на наши ворота. Вера-Вероника после серии таких атак вынуждена была пополнить запасы силы. Именно в этот момент нам и вколотили гол. Совершенно глупейший. Заметив, что наш вратарь временно выбыл, один из игроков команды противника просто толкнул мяч в сторону ворот. Мы лишь на мгновение замешкались, но этого мгновения оказалось достаточно. Мяч мы поймали. Но уже за линией ворот.

Воодушевленные успехом, соперники стали наседать с удвоенной силой. В наших же рядах воцарилось уныние. В результате уже через десять минут из наших ворот пришлось вынимать второй мяч. Родители с трибун пытались подбодрить нас, но это плохо помогало. Их заглушали торжествующие крики болельщиков команды гостей. Феола подлетела к судье и что-то ему сказала. Тот выслушал и кивнул. Раздался сигнал остановки матча.

– Тайм-аут! – возвестил эльф.

Команды разбрелись каждая к своим воротам.

Я устало взглянул на сестру:

– Ты чего?

– Есть одна идея. Давно хотела попробовать, только все случая не было. Надо бы сперва потренироваться, но... Если мы будем продолжать в том же духе, то проиграем.

– Конкретно, что предлагаешь? – вмешался Мишка.

– Вот и слушай, а не перебивай, – отбрила его Феола. – За

счет чего берут наши противники? За счет индивидуального мастерства. Каждый из них в футбол играет лучше любого из нас.

– Так уж и да...

– Так уж и да! – не дала Феола договорить Леониду. – В нашей команде лучшие игроки Алла и Альвандер. Спорить будете? А теперь скажите, кто из команды противников играет хуже? Наше единственное преимущество заключалось в слаженности. Благодаря мне у нас лучше командная игра. Из-за этого мы забили первый гол. Но сейчас они приспособились. Узнали наши сильные и слабые стороны.

– Короче, – не выдержал уже я.

– Короче. Я предлагаю вот что...

Когда Феола договорила, я озадаченно поскреб затылок.

– Ты уверена, что справишься одна с этим?

– Попробую. А чего мы теряем? Мы и так уже проиграли, если не придумаем что-нибудь новое.

– Если не получится, ты минут десять не сможешь принимать участие в игре, – заметил Леонид. – А пятерых они сделают в два счета.

– Они и так нас сделают, – логично заметила Феола.

– Ладно, – хлопнул я себя по колену. – Феола права. Не попробуем – точно проиграем. А так, может быть, и появится шанс. Феол, командуй.

– Садимся в круг и берем друг друга за руки. Глаза закрыть и слушать мои мысленные команды. И не сопротив-

ляться, самое главное. Взламывать вашу защиту у меня нет ни времени, ни желания.

Мы расселись прямо перед нашими воротами и взялись за руки. В голове неразборчиво бубнила Феола. Как я догадывался, таким образом она погружала нас в транс. Я противиться этому голосу не стал и уже через мгновение оказался на какой-то поляне. Здесь же стояла и вся наша команда. Мы, как и раньше, образовывали круг, но теперь в центре сидела Феола.

– Я начинаю слияние, – предупредила она.

Против воли я шагнул к ней. Потом еще шаг. Инстинктивно я попытался воспротивиться этому зовущему голосу.

– Я же просила! – рявкнула Феола. – Если сейчас кто-то вывалится из транса, я потом ему лично уши оборву!

Так, похоже, не я один попытался заблокироваться от зова.

Угроза возымела нужное действие. Все знали, что у моей сестры слова с делом редко когда расходятся. А ходить с оборванными ушами ужасно не эстетично.

К Феоле мы все в этом виртуальном мире приблизились одновременно, а потом словно что-то взорвалось у меня в голове. Что было дальше, помню плохо. При желании я мог бы восстановить все, только зачем?

Когда я открыл глаза, то сначала даже не сообразил, что не так. Потом понял, что вижу всех наших с разных точек одновременно. И себя вижу.

– Ма...

– Заткнись, Альвандер, не строй из себя идиота, – вежливо посоветовала мне сестренка. – Для тех, кто еще не понял, поясню – я установила связи между всеми нами. По сути, мы сейчас одно существо. Но для нормальной работы надо установить приоритеты, а то получится лебедь, рак и щука. Итак, главой я назначаю Альвандера. Он принимает решения. Остальным слушаться его беспрекословно, как ваши руки или ноги слушаются вас. Только тогда в наших действиях будет толк. Я обеспечиваю контакт, из-за этого принять участие в игре не могу. На поддержку связи приходится тратить все силы. Так что спрячьте меня хотя бы за штангу, что ли... Чтоб мячом не вцепили...

– А почему глава Альвандер? – возмутился было Леонид.

– Потому что он играет лучше каждого из нас. И при его управлении каждый будет равен ему по силе. Еще вопросы будут? Если нет, то начинаем игру – тайм-аут подходит к концу.

Я встал. Все тоже поднялись. Было несколько необычно ощущать каждого игрока нашей команды как некое продолжение себя. Эткими дополнительными руками и ногами. Я мог брать энергию у кого-нибудь, а также отдавать любому, перераспределяя ее по своему усмотрению.

Правда, первые пятнадцать секунд были потрачены на то, чтобы привыкнуть к такому положению. Пришлось заново учиться управлять собой. Судья подозрительно оглядел на-

шу пятерку и покосился на Феолу, сидевшую по-турецки за линией ворот. Явно не понимая, что все это значит, он вглядывался в судейский кристалл, проверяя, нет ли где нарушения правил. Таковых не обнаружилось, и он несколько неуверенно подал сигнал к продолжению игры. Зрители также пребывали в недоумении. Я видел, как перешептывались родители, пытаясь сообразить, что же мы затеяли.

Опа, мяч в игре. Я сконцентрировал в себе все силы и протянул их к нему, буквально вырвав его из мыслезахвата соперника. Тот растерянно проводил взглядом улетающий мяч. Он явно не понимал, откуда у нас взялась такая сила. А мы уже атаковали. Правда, пока не очень успешно. Нам позарез нужно время, чтобы притереться друг к другу. Этого времени соперники давать нам не собирались. Воспользовавшись оплошностью, они тут же сами шли в наступление. Я попытался отбить удар, но безуспешно. Так... три – один. Фигово.

– Спокойно, Альвандер, – раздался в моей голове невозмутимый голос Феолы. – Просто вы еще не сработались. Сейчас будет лучше. И... Альвандер, не пытайся играть за всех. Вратарь из тебя аховый. Почему не отдал контроль Вере? Дай ей силу всей пятерки, и пусть она сама разбирается с атакующими. Делись своими полномочиями. Если видишь, что не справляешься, передавай управление тому, кто лучше знает, что делать.

– Ты не говорила, что такой трюк возможен! – возмутился

я.

– Вот сейчас говорю! Играем.

И тут мы заиграли... Противник уже основательно изучил слабые и сильные стороны каждого из нас, но сейчас... Сейчас я мог нанести удар как Леонид, а Леонид ловкостью полета сравнивался с Аллой. Слаженность наших действий оказалась невообразимой. Да и как правая рука может конфликтовать с левой? Мы все разом, когда возникала необходимость, становились нападающими и защитниками, вратарями и центровыми. Мы стали командой. Каждый из нас обладал умениями и навыками друг друга. Так что когда мы наконец разобрались с управлением... У наших противников не осталось ни малейшего шанса.

Первый мяч мы забили играючи, просто обведя его мимо всех ловушек – каждый из нас стал обладателем поразительной чувствительности Феолы. Честно говоря, воспринимая мир так, как она, я ей даже позавидовал. Вот уж у кого воистину талант ощущать все живое вокруг. Теперь понятно, почему она биолог. Да с ее-то талантом...

Ага, похоже, наш противник пытался на ходу подстроиться под изменившиеся правила. Но как только они приспособились к одной тактике, мы с ходу меняли ее.

– Атакуйте, – снова раздался голос Феолы. – До конца игры пять минут. А мы все еще проигрываем.

Ах так! Ну, поднажали, ребята!

Мишка отпасовал Алле, та свечой устремилась ввысь.

Кто-то из соперников ринулся за ней. К Алле немедленно присоединился Леонид. Леонид, который раньше летал с маневренностью полена, теперь демонстрировал в воздухе фигуры высшего пилотажа, прикрывая Аллу. Та, прекратив подъем, вдруг сконцентрировала всю силу на удержание мяча и камнем полетела вниз. Трибуны замерли. Наши соперники напряглись. На ней скрестились все взгляды. Одни с тревогой – зрители, другие с напряжением – соперники. А вот из нас никто за ее полетом не следил. Да и зачем, ведь каждый из нас и совершал этот полет. А земля все ближе и ближе. Я буквально кожей чувствовал, как напряглись наши противники. Ну же, вот сейчас она начнет тормозить и отпустит мяч. Вот сейчас... вот сейчас...

Но Алла не ослабила. По трибуне прокатился стон, судья лихорадочно зачем-то сжимал в кулаке левитирующий кристалл, видно готовясь подхватить падающего ребенка.

– В порядке, – протелепатировал я разом и судье и стадиону. Не дай бог кто вмешается. – Все под контролем.

А Алла уже в метре от земли... в полуметре...

Пора! Леонид подхватил ее и перевел в горизонтальный полет. Такого точно никто не ждал. На трибунах ахнули, всполошились соперники. Они все сконцентрировались на том, чтобы отобрать мяч, когда ослабнет контроль девочки, и сейчас просто не успели среагировать. А Леонид неся вперёд, к воротам, толкая впереди и чуть ниже себя Аллу, которая, в свою очередь, тащила мяч. Я пристроился выше,

Михаил отвлекал защитников. Мы приблизились к воротам, и тут же, не теряя ни мгновения, я ударил по мячу наискосок сверху вниз. Мяч ударился о землю и подлетел в воздух практически перед носом вратаря, тот попытался проследить за ним, но элементарно не успел. Самое забавное заключалось в том, что если бы он попытался отбить мяч не мыслью, а руками, что вратарям разрешалось, то это вполне бы удалось. Но привычка действовать силой мысли в игре настолько въелась в каждого из нас, что о такой возможности он даже не подумал.

– Гол! – крик-выдох пронесся над стадионом, а потом трибуны взорвались бурей аплодисментов. Правда во всем этом море восторгов была и парочка приличных ложек дегтя в виде обещаний от родителей после матча непременно высказать нам все, что они думают по поводу подобных маневров.

– Три – три!!! – завопил Мишка.

Я был более сдержан.

– Феол, сколько до конца матча? Ты следишь за временем?

– Слежу. До конца еще три минуты. Можно успеть забить, но предупреждаю, что я выдержу еще минуты две, не больше. Это выматывает сильнее, чем я думала.

– Ясно. Ребята, все слышали? Тогда атакуем. Сразу и всеми силами. Нам надо забивать.

Но сразу атаковать не получилось. Противник, словно поняв, что если позволит нам перехватить инициативу, то про-

играет, теперь наседали сам. Наседал зло и умело. Только вот вымотаны они были основательно. Не знаю, на каких силах еще играют. И если раньше они имели возможность отправлять отдыхать своих игроков вместе с нами, то теперь о таком не приходилось и мечтать. Наша новая тактика требовала от них всех сил. А мы, в отличие от оппонентов, свободно перекачивали энергию любому, кому она требовалась.

Минута потеряна на перехват инициативы... Так... похоже, сообразив, что маневренный бой они проигрывают, соперник перешел к жесткой обороне. Чтобы приспособиться к новой тактике, требовалось некоторое время. А вот его-то у нас и не было.

– Все, я отключаюсь, – передала мне Феола.

– Всем внимание, – принял я решение. – Времени у нас нет. Феола вышла из игры. Разъединяемся, и все вперед. Мяч у меня. Играем в пас. – Я коротким мыслеобразом обрисовал план атаки. – Все, готовы?

– Да.

– Тогда... Вперед!

И в тот же миг мы разделились... М-да, я был слишком оптимистичен, планируя сразу атаковать. Разъединение сродни удару молотом по голове, мир, еще мгновение назад полный невиданных красок, вдруг сужается до твоего привычного восприятия. Если бы нас атаквали в этот момент, то мы даже сопротивляться не смогли бы.

К счастью, такая беспомощность продолжалась недолго,

и наши противники просто не поняли, почему это мы все вдруг неподвижно зависли в воздухе. Скорее всего, посчитали, что мы совещаемся перед штурмом ворот. Поэтому вместо того, чтобы атаковать самим, они теснее придвинулись друг к другу.

– Вперед! – повторил я.

И мы бросились вперед. Перемещаясь совершенно хаотично и постоянно передавая мяч друг другу. Это вызвало в рядах противника замешательство. Они никак не могли определить, у кого сейчас мяч и у кого его отнимать. А мы проскользнули мимо них, в последний момент едва не потеряв мяч, но все-таки удержали. Перед вратарем замелькала Алла, мешая ему сосредоточиться.

Удар – отбит. Еще удар, снова отбит. Так, последняя возможность.

– Леонид! – мыслеобраз-мольба.

Леонид сообразил мгновенно.

Алла, я и Мишка втроем вцепились в мяч, удерживая его на месте. Наконец защитники сообразили, что и отбирать его надо втроем, да поздно. Подскочивший Леонид нанес по мячу свой знаменитый удар. В полную силу. Мяч с огромной скоростью устремился в ворота. Вратарь плюхнулся на землю и бросил против летящего «снаряда» все силы, буквально вцепившись в него. Но тут уже важна уже не ловкость, а обычная мощь. И эта мощь сейчас приподняла вцепившегося в мяч вратаря и понесла его вместе с ним в ворота.

– Ну же! – я затаил дыхание. И в тот же миг прозвучал сигнал окончания матча. Игровое поле накрыло блокирующее поле, заставив всех замереть в тех позах, в которых застал сигнал. Я смотрел на мяч и чуть не плакал. На то, чтобы пересечь линию ворот, ему не хватило буквально двух сантиметров. Ну что стоило закончиться времени на полсекунды позже! Какие-то жалкие полсекунды решили судьбу матча. Три – три. Ничья. А победа была так близка.

Блокирующее поле отключилось, и мяч продолжил уже ставший бессмысленным полет. Я без сил распластался на траве. Какие-то жалкие полсекунды...

– Да хватит тебе, – легла рядом со мной Феола. – Вот заладил, полсекунды-полсекунды. И мы и они знаем, кто тут победитель. А результат... да фиг с ним.

– Не читай мои мысли! – возмутился я.

– Да больно надо, – фыркнула Феола. – И потом, сам знаешь, что читать мысли против воли человека просто невозможно. Но ты так «громко» стонал о своих несчастных «полсекундах», что тебя не услышал бы только глухой. Ладно, хватит валяться. Айда к нашим. Согласись, что игра сегодня получилась потрясающей. Когда еще такое будет?

– Да, игра действительно потрясная вышла, – признал подошедший к нам мальчишка из команды наших противников. Он опустился на землю рядом со мной и протянул руку. – Алькор. Капитан команды. Вы чуть-чуть не сделали нас. А это еще никому не удавалось. И, разрази меня гром, я до

сих пор не могу понять, что вы там сотворили в конце.

Я пожал протянутую руку:

– Альвандер. Тоже капитан.

– Как-то раз два капитана съели целого барана, – пропела вредная Феола. Мы с Алькором переглянулись, и я ему подмигнул.

– Правильная мысль. Айда к столам.

– К каким столам? – изумился Алькор.

– Ты только о жратве и можешь думать, Альвандер! – А это уже сестрица.

– Не хочешь, не иди. Эй, команда, кто хочет есть – за мной!!! И наших противников захватите.

Это предложение вызвало бурю восторгов. Обе команды, еще недавно непримиримые соперники, разделенные центральной линией, сейчас смешались в кучу. Все тут же перезнакомились друг с другом. Я даже заметил, как один парнишка, краснея, подошел к Алле и протянул ей цветок. Та явно смутилась. Так-так. Я хихикнул.

– Ты чего? – удивился Алькор. Я кивнул на парочку. Мальчишка проследил за моим взглядом. – Ух ты! Вот дает! Не ожидал такого от Влада. Так, ну а нам тогда остается подкрепиться. – Он повернулся ко мне. – Если меня не подводит память, гром меня разрази, кто-то приглашал нас за стол?

– Ага! – тут же закивал я. – Ребя, по столам!

– Прямо на стол прыгать? – удивилась Вера-Вероника, распахнув глазенки. Все вокруг расхохотались.

– Можно и не прыгать, – разрешил Алькор. Он вдруг схватил нашего вратаря, подкинул ее в воздух и водрузил себе на плечи. – Давай прокачу. Такого умелого вратаря я еще не встречал.

Вера-Вероника смутилась и покраснела. Все заплодировали, чем смутили девчушку еще больше.

– Не встречал? – с притворной обидой вскричал вратарь наших соперников. – А как же я, капитан?

Алькор оглядел его задумчивым взглядом.

– Нет, – вынес он вердикт. – Тебя я, пожалуй, катать не буду. Мне моя шея еще дорога.

Эта нехитрая шутка вызвала дружный смех.

Уже не разделяясь на команды, мы толпой двинулись к гостевой поляне, на которой обычно и накрывали столы, когда в нашем селении проходил какой-нибудь праздник. На прощанье я обернулся на опустевшее поле. Не совсем опустевшее: Алла демонстрировала какой-то трюк в полете своему новому знакомому, а тот восхищенно взирал на нее с земли. Что ж, судя по эмоциональному фону вокруг них, в пожеланиях счастья они не нуждаются. Счастье и так щедро разлито вокруг. Впрочем, а какое, собственно, мое дело? Сами разберутся. Я побежал догонять команды.

Вокруг врытых в землю деревянных столов уже собрались и жители нашего селения, и все гости.

– А вот и наши герои! – вскричал заметивший нас эльф, судивший матч. На миг воцарилась тишина – все разгляды-

вали нас. Но тут же ее разрушила буря аплодисментов. Как-то так незаметно получилось, что наши команды вдруг вытолкнули нас с Алькором вперед, а сами отошли. И это друзья называются?!

Эльф подошел к нам:

– Поздравляю, капитаны. Великолепная игра.

Вокруг нас тут же разразилась буря аплодисментов. Раздавались подбадривающие крики от зрителей. Смех и шутки от друзей.

Мы с Алькором переглянулись. Мгновенный обмен мыслеобразами, и мы с ним едва не расхохотались на пару. Оказалось, что каждый из нас думал об одном и том же – придумывая страшные кары друзьям, позорно бросившим своих капитанов на произвол судьбы.

– Предложи своей команде выпить соку киу? – мысленно посоветовал я ему. – Обещаю, что этого они век не забудут.

– Сок киу?

– Да. Киу – это ягода, которую недавно вывела моя мама. Очень полезная. После такой игры для восстановления сил самое то. Но пить его в чистом виде я бы не рекомендовал никому. Кислятина страшная. Лично я всегда с медом мешаю, но можно и с сахаром. Кстати, если кто-нибудь из наших предложит выпить его, сразу размешай с медом. Клади не меньше четырех ложек.

– Киу, говоришь? – усмехнулся Алькор. – А знаешь, мне в прошлый раз этот сок так понравился, что я, пожалуй, пред-

ложу его своим друзьям. Только скажи, как он выглядит?

Я усмехнулся в ответ:

– Будем друзьями?

– Конечно!

Праздник шел своим чередом. Над поляной подвесили разноцветные светящиеся шары, плавно вращаясь, они отбрасывали на столы и сидящих за ними людей разноцветные пятна и причудливые тени. Звучала неназойливая тихая мелодия. Наш детский стол располагался чуть в стороне, где мы вполне могли побеситься, не мешая родителям и гостям. Как и те не мешали нам. Правда, после игры особого желания что-то делать никто не выказывал. Сил не было даже на скамьи взобраться. Все тут же вповалку легли на поляне и теперь с тоской посматривали на высокие столы.

– Ладно, – с видом мученика произнесла Феола. – Чего только не сделаешь ради новых друзей. – Она пристально посмотрела на наш стол. Тут вдруг дерево словно ожило, приобретя гибкость, и ножки, изогнувшись, как слуги в поклоне, склонили столешницу к самой земле.

– М-да, – задумчиво оглядел я это безобразие. – Чего только не сделаешь из-за собственной лени. Ну в чем столы виноваты, если тебе лень подняться с земли и взять, что нужно?

– Это кто тут лентяйка??? – сразу вскинулась Феола. – Я?! Сам, между прочим, такой. А встать... посмотрю я, как ты сейчас поднимешься. Не знаю, кто как, но энергии у меня

почти ноль, и ее восполнением я сейчас и намерена заняться.

Глядя на то, с каким аппетитом Феола принялась за еду, мы все последовали ее примеру.

– Алькор, придурок! – прервал общую трапезу чей-то крик. Мы с удивлением обернулись. Чуть в стороне стоял Алькор и трое ребят из его команды. Все сжимали стаканы с соком киу. Но если капитан пил его, блаженно щурясь от удовольствия, то остальные старательно отплевывались, скривив лица.

– Я даже не знаю – и чего они? – деланно изумился Алькор. – Такой великолепный сок. Просто потрясно, гром меня разрази.

– Я тебя сейчас вместо грома разразю! – сердито завопил вратарь, бросаясь на своего капитана.

– Лунь, отстань, – с хохотом Алькор пытался спихнуть с себя приятеля. Но где там. Тем более ему на помощь пришли и все остальные, кому тоже досталось сомнительное удовольствие отведать сока. Наши, прекрасно все сообразившие, глядя на это зрелище, хохотали.

– Вы не того колотите, – вдруг вмешалась Феола, отрываясь от еды. – Или вы всерьез полагаете, что ваш капитан знал про сок киу, когда садился за стол? Его ведь только с медом можно пить. Кто ему, по-вашему, об этом рассказал?

Чтобы сложить два и два, много времени не потребовалось, и теперь обе команды взирали на меня. Но если наши насмешливо, то вот команда соперников весьма зловеще. Я

бы даже сказал зловеще-многообещающе.

– Ну сестренка! – возмутился я.

Сестра вместо поддержки показала мне язык. Потом осторожно взяла копченую селедку с блюда за хвост и внимательно оглядела.

– Да вы бейте его, бейте, – разрешающе махнула она рукой. – На меня не обращайтесь внимания.

– Это твоя сестра? – поинтересовался Алькор, подбегая ко мне.

– Ага, – кивнул я.

– Сочувствую.

– Кто кому будет сочувствовать, это мы сейчас посмотрим. – Сестренка отложила селедку и повернулась к нам. – Так и быть. Я вам посочувствую. Чего не сделаешь ради родного брата.

Тут на нас и накинулись... Я в последний момент подлетел в воздух, сделал сальто и приземлился за спинами атакующих. Но больше лететь мне уже не пришлось...

Когда веселая кутерьма, в которой приняли участие все, даже Феола, немного улеглась, мы уже действительно пошевелиться не могли. Феола плюхнулась рядом со мной и протянула кусок селедки.

– Хочешь рыбки? – предложила она.

Я со стоном отвернулся.

– Пощади ты меня. Дай передохнуть немного.

– Правильно, – ничуть не смутилась сестра. – Алина го-

ворит, что копченая рыба вредна для здоровья.

– Какая еще Алина? – удивился я, а потом сообразил. – А-а-а-а! Это тот дельфин, с которым ты в прошлом году поспорила.

– Не дельфин, а дельфиниха, – возмутилась Феола.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Алькор. – Что за дельфин?

– Да так, – хмыкнул я. – Моя сестра в прошлом году имела глупость поспорить с дельфином на цистерну рыбы, что первой приплывет на Кубу.

– И что?

– Да ничего. Потом упрашивала меня сделать ей кристалл, с помощью которого можно наловить ту самую цистерну рыбы.

– Между прочим, я ненамного и отстала, – смущенно-возмущенно вскричала Феола. – Если бы я не уснула...

– Если бы да кабы... Это не считается. Понадеялась, что океан – это практически бездонный источник энергии, а не учла, что дельфин в этом океане энергии с рождения живет.

– Подумаешь, – махнула рукой Феола под общий смех. – Зато с Алиной подружилась. Кстати, она в этом году меня приглашала на Багамы сплавать. Тебя тоже звала.

– А вы вплавь туда собираетесь? – спросил Алькор.

– Ага. А как же еще? Вместе с дельфинами и поплывем. Стая Алины как раз туда собиралась на лето. Там биологи станцию разворачивают морскую и просили дельфинов по-

мочь.

– А что, там местных дельфинов нет?

– Местные все заняты. В том же районе куча всяческих исследовательских центров. Дельфины там и подрабатывают. Еще там одна из крупнейших колоний русалок. Всю жизнь мечтала с ними познакомиться. В северных широтах они ведь не очень любят жить. Климат для них неподходящий. Тропики предпочитают.

– Я тоже их предпочитаю, – улыбнулся Мишка. – Я, наверное, на несколько месяцев махну в Индию. Там недавно откопали какой-то древний город. Говорят, что он еще докосмической эпохи. Представляете, какая древность? Мою заявку на участие в раскопках уже утвердили. Так вот, архитектура города совершенно не похожа на индийскую. Вроде как его датируют девятнадцатым веком по христианскому летоисчислению. Это время британского господства над Индией. Кстати, уникальнейшее время. Тогда началось бурное развитие...

– Ну понесло, – простонали Феола и Алла, переглядываясь.

– Мишенька, – сладко так пропела сестрица. – Я ничуть не сомневаюсь, что время то было уникальное. И ничуть не сомневаюсь, что оно очень интересное.

– И мы знаем, как много ты всего знаешь о докосмической эпохе, – подхватила эстафету Алла. – Но давай сегодня об этом не будем, а?

– Ну как хотите, – обиженно пробурчал Мишка. – Я только не понимаю, как вам может быть неинтересна история...

– Интересна, – хором вскричали мы.

– Но не сейчас, – добавил я. Мишка прекрасный рассказчик, но сейчас лучше обойтись без лекций.

– Тогда давайте страшилки, – Мишка откинулся на траву, заложив руки за голову. – Кто начнет? Только вот светло очень.

– Это мы вмиг. – Алла встала, раскинув руки в стороны. Вокруг нее образовалась полусфера, сотканная словно из тумана. Полусфера начала расти, захватывая всю нашу небольшую полянку. Сама полусфера была не совсем плотной, и немного света пробивалось сквозь нее, образуя зловещие тени. Кусты стали похожи на неизвестных чудовищ.

– Бррр, – поежился кто-то. – Сюда бы еще замок старинный с привидениями.

Я хмыкнул. И тут вдруг заметил, что среди нас нет Веры-Вероники. Я огляделся, пытаюсь отыскать ее, но бесполезно. Хм... она же больше всех любит слушать Мишкины лекции. А тут вдруг не поддержала его. Куда она могла пропасть?

Не особо прислушиваясь к истории, которую начала рассказывать Феола, я закрыл глаза, отыскивая чувства каждого из нас. Вот Феола. Ее аура ярко пылала, но в ней преобладал лимонный цвет. Явно готовит шутку и теперь вся в предвкушении. Остальные внимают. Я раскинул сеть поиска поши-

ре.

– Гм! – В сознании возникло чувство легкой грусти, перемешанной с задумчивостью, – совершенно неподходящие чувства для сегодняшнего праздника. И человек явно закрывается, чтобы никого не потревожить и никому не помешать. Очень интересно. Такое состояние совершенно не свойственно вечно живой и веселой Вере.

Я осторожно отполз, чтобы никого не задеть. На меня зашикали.

– Я ненадолго отойду, – виновато улыбнулся я.

Наконец мне удалось выбраться за пределы сферы и оглядеться. Определив направление, я зашагал в лес. Я уже почти знал, куда надо идти. Через несколько мгновений, уйдя с освещенной поляны, я погрузился в полумрак. Пришлось потратить пару секунд на перенастройку зрения. Еще раз прислушавшись к окружающему фону, я уже уверенно пустился по лесу, уворачиваясь от веток и переступая через корни.

Моя догадка оказалась верной. Выбрал я, конечно, не самый легкий маршрут. К этому обрыву у реки вела вполне нормальная тропинка. Я же рванул напрямик через лес. На краю обрыва, освещенная полной луной, сидела маленькая фигурка, обхватив руками коленки. Я осторожно подошел и сел рядом.

– Ой, Альвандер, – Вера-Вероника смущенно улыбнулась мне. – Вот пришла на реку. Я люблю тут сидеть по вечерам.

– Почему тебе так грустно? – послал я ей мыслеобраз. Можно, конечно, и заговорить, но я решил перейти на мыслеречь. Здесь одной короткой фразой можно выразить столько всего, чего не скажешь никакими словами. Вот и сейчас в моем вопросе содержалось море оттенков разных чувств. Недоумение, вызванное ее уходом, жалость к ней, желание чем-то помочь, подбодрить, сочувствие и много-много всего разного. Чтобы описать некоторые оттенки, даже слов не придумали.

Вера-Вероника всхлипнула и вдруг прижалась ко мне. Я обнял ее за плечо, притянув к себе.

– Я... я не знаю... Я просто смотрела на вас с Феолой сегодня... Дерри, ты знаешь, я бы хотела иметь сестренку или братика. Маленького. Я бы о нем заботилась. Одной очень-очень плохо. А ведь я из последнего поколения этого цикла... Самый младший человек во всей Солнечной...

Что я мог на это сказать? Как объяснить десятилетнему ребенку, что трехсотлетние циклы – это жизненная необходимость? Что иначе, при нашей продолжительности жизни, возможностей четырех планет со всеми космическими городами и станциями не хватило бы для нормальной жизни людей.

– Иначе нельзя, – беспомощно проговорил я.

Вера посмотрела на меня грустным и все понимающим взглядом.

– Дерри, я ведь не маленькая. Я знаю, что четыре планеты

– это очень мало. Но я все равно завидую вам с Феолой. У тебя есть сестра. А у нее ты. Почему мне не повезло?

– Ты всерьез считаешь, что иметь сестру или брата – это замечательно?

– А ты думаешь, что это не так?

Я вспомнил свои многочисленные сражения с Феолой за лучшее место за столом, за игрушки, за... да за многое мы с ней сражались. Но представил на секунду, что ее нет, и сердце сжала такая тоска, что завывать захотелось.

– Вот видишь, – грустно констатировала она, отворачиваясь от меня. А я не мог ни подобрать слов, ни сформировать подходящий мыслеобраз, чтобы ее утешить.

Вера доверчиво положила мне голову на плечо и посмотрела на небо:

– Дерри, как ты думаешь, а какие они, звезды?

– Звезды? Но ты же, наверное, видела голографические снимки эпохи Империи...

– Я видела... А так, вживую? Как они выглядят? Я вот подумала, может, когда-то давным-давно, когда еще люди не летали к звездам, на этом самом месте сидела какая-нибудь девочка. Может, ее даже звали так же, как меня. А внизу так же текла река. Так же шумел лес.

Я попробовал представить эту картину, и она мне очень даже понравилась.

– А по темному ночному небу плыли облака, изредка загораживая свет далеких звезд, отчего казалось, будто они под-

мигивают ей, – подхватил я эстафету. – И вот с неба сорвалась звезда и покатила по небосклону. Падающая звезда – символ надежды.

Мы замолчали. Каждый из нас представлял эту картину. Каждый словно переживал те давние времена.

– Я бы хотела увидеть звезды, – тихо проговорила Вера. – Не на древних фотографиях, а живую. Как ты думаешь, мы когда-нибудь снова увидим их?

Я закашлялся.

– Знаешь, – медленно и осторожно заговорил я, – очень многие люди ломают головы над тем, чтобы снова подарить человечеству когда-то отнятые у них звезды.

– Надо только победить злое чудовище, – с улыбкой подхватила Вера, – которое прилетело из глубин космоса и проглотило Солнце и четыре планеты. Мне эту сказку мама рассказывала, когда я была совсем маленькой. Но чудовища нет. А есть Барьер. Барьер, который скрывает от нас звезды. Знаешь, о чем я подумала? Если Барьер исчезнет, тогда, может быть, Совет отменит правило трехсот лет? Ведь у нас будет вся галактика! И тогда у меня, может, появится младший братик или младшая сестренка.

До сих пор я не задумывался, каково это, быть самым младшим ребенком во всей Солнечной. Шесть лет каждые триста. Для эльфов, в связи с меньшей продолжительностью жизни по сравнению с людьми, правило определяло шесть лет каждые сто пятьдесят. Именно в этот период разрешено

заводить детей. Не более одного в семье. Исключение делается только для близнецов. Так что сейчас самому старшему ребенку на планете шестнадцать лет. Младшему – десять. Мы с Феолой в середине – недавно нам исполнилось четырнадцать.

– Вер, я обещаю тебе.

– Что? – Вера-Вероника вопросительно посмотрела на меня.

– Я обещаю, что приложу все силы, чтобы подарить тебе звезды. Когда-то мужчины клялись своим дамам, что добудут для них звезду с неба. Я тебе обещаю не одну звезду, а все. Все, какие только есть в галактике.

Девочка недоверчиво хлопнула ресницами. И вдруг всхлипнула и повисла у меня на шее.

– Ты чего? – В таких идиотских ситуациях мне еще бывать не приходилось, и я совершенно не знал, что делать.

– Спасибо тебе, Альвандер. Знаешь, теперь я верю, что увижу звезды. Обязательно увижу. Я верю...

– Ох ты, Вера-Вероника, – пробормотал я. – Давай-ка вернемся на поляну. А то нас скоро уже искать будут. И вытри слезы.

– Конечно, – Вера поспешно краем майки вытерла лицо. Я присмотрелся к ней и покачал головой:

– Нет. Так не пойдет. Пойдем-ка к реке умоемся. – Я подхватил девочку и водрузил на плечи, удерживая ее за щиколотки. Потом разбежался и прямо с обрыва сиганул вниз.

Все-таки я слишком много сегодня энергии растратил, и далеко улететь у нас не получилось. Но вот до середины реки, как я и рассчитывал, сил хватило. А потом были радостные визги Веры и громкий плюх в воду...

– Редиска ты, – весело заявила мне Вера-Вероника, когда мы выбрались на берег. – Вся одежда мокрая. И что мне делать?

– А ничего. Пока дойдем до поляны, высохнет. Ну-ка, давай, кто быстрее.

– Конечно, ты, редиска длинноногая! – совсем развеселилась Вера.

– И совсем я не длинноногий, – притворно обиделся я.

– Так ведь я с собой сравнивала. Но это тебе все равно не поможет. Догоняй!

Прежде чем бежать вдогонку, я осторожно коснулся ауры девочки. Ни грусти, ни тоски в ней уже не осталось. Вера буквально светилась счастьем и восторгом. Я улыбнулся:

– Эгей! Я догоняю!

Глава 4

На следующее утро вставать не хотелось совершенно. Выматывающий матч, потом еще этот праздник, затянувшийся до самого утра. Приоткрыв один глаз, я покосился на окно. Ага, кажется, уже за полдень. Придется вставать, с печальной обреченностью констатировал я.

Откинув одеяло, я натянул свою повседневную серую тунику и нехотя заправил кровать. Ручками. Уже подвиг. Но сейчас делать что-либо, используя пси-силы, я категорически был не способен. Позевывая, спустился вниз.

– А вот и наш соня, – приветствовал меня отец. – Как спалось?

– Мало, – вяло отозвался я. Сидевшая в плетеном кресле Феола прыснула в кулак. Перед ней на столике стоял кристалл всеобщего вещания, в котором сестра смотрела последние новости Солнечной.

Переборов сонливость, я коснулся кристалла мыслью и тотчас погрузился в бьющий жизнью мир, сон сразу пропал. Вокруг кружились мыслесообщения последних известий, развлекательные и познавательные постановки, художественные и специальные каналы, все-все на любой вкус. Сосредоточившись, я отыскал то, что меня интересовало, и просмотрел сводку погоды на неделю. Так. Пять дней планируют тепло, а затем в наш район погонят тучи. Не очень

хорошо.

– Запущен новый космический город, – подключилась вдруг ко мне Феола. – Его выведут на орбиту вокруг Марса. Планируемое население двести тысяч. Это уже двенадцатый. Также расширяют орбитальные верфи. Хотят построить еще один цех. Перевозки между планетами возросли. Не хватает пассажирских кораблей.

Я разорвал соединение и с подозрением посмотрел на Феолу. С чего это ей передавать мне новости про орбитальные верфи? Неужели она у меня в пещере... на связь с руководством верфей я планировал выходить не раньше, чем будет уверенность с кристаллом. Оглянулся. В комнате кроме нас никого не было. Очевидно, пока я слушал последние новости, отец зачем-то вышел.

– Чего это ты мне про верфи сказала? – поинтересовался я.

Сестра достала из кошелька на поясе инфокристалл и протянула мне:

– Сегодня доставили. Из дирекции орбитальных верфей.

Я поспешно выхватил у нее кристалл, сжал в руке и активировал. В голове возник мыслеобраз сообщения.

– Класс! – обрадовался я. – Закупают всю партию моих кристаллов, которые я разрабатывал для управления выращиванием кораблей.

– Здорово! А ты не говорил, что делаешь кристаллы на заказ.

– Жить на что-то надо, – голосом помирающего с голоду бедняка заявил я, смущенно потупившись. – А если серьезно, то я подал заявку на участие в конкурсе по новым структурам управления. Честно говоря, не думал, что выиграю. Мой проект самый дорогой.

– Тогда почему ты победил? – удивленно хлопнула глазами Феола.

– Потому, что он хоть и дорог, но выигрывает в другом. Я применил часть своей новой схемы. Не целиком, конечно, но даже это дало ощутимую выгоду. Новая структура получилась очень гибкой. Теперь при переходе к строительству новых кораблей им не придется создавать новые кристаллы. Можно перестроить существующие. Похоже, это оценили. Даже мою цену не сочли чрезмерной. Просят выслать спецификации.

– Ой, Дерри, поздравляю. – Тут Феола нахмурилась и изучающе посмотрела на меня. – Быстро перестроить схему выпуска на новые типы кораблей?

– Ага, – невинно хлопнул я глазами. – А что?

– Просто я вспомнила, что ты хотел себе яхту. Отец тебе предложил оплатить покупку, но ты отказался. Сказал, что стандартные тебе не подходят.

Гм. Было такое. И кто, спрашивается, меня за язык тянул?

– Мне необходимо будет проводить эксперименты в космосе, – нехотя признался я. – А обычные яхты просто не годятся для моего кристалла. Я хочу корабль, построенный с

учетом моей новой схемы. Но пока я ее только отрабатываю и плохо представляю, что потребуется.

– Ты мне уже все уши прожужжал этой своей новой схемой. Может, объяснишь, что это?

– Я лучше покажу. Как с делами по дому закончим, отправимся ко мне в пещеру, и я покажу.

– Но прежде, чем вы туда отправитесь, – вмешался вошедший в комнату отец, – кое-кто должен вычистить сборник мусора. Надеюсь, этот кое-кто еще помнит об этом?

– Помнит, – пробурчал я. – А кое-кто мог бы об этом и забыть.

– У кое-кого очень хорошая память, – улыбнулся мне отец. – Давай завтракай, вернее уже обедай, и за дело.

Обедасть пришлось в гордом одиночестве, все остальные уже поели и занимались своими делами. Повздыхав над своей тяжелой долей, я вышел из дома, перелетел через невысокий заборчик из кустов ежевики и подошел к задней стене.

– Совсем забыла. Мама просила тебе передать вот это.

Я обернулся. Позади меня стояла Феола и протягивала мне венок из цветов. На ее голове красовался такой же. Волосы же, обычно свободно падающие по спине, она стянула веревочкой.

Я молча взял венок. Покрутил его.

– Что это?

– Это поможет тебе пережить не слишком приятный запах, – улыбнулась Феола. – Мама специально вырастила эти

цветы. После прошлого раза, когда ты чистил дупло.

– Да? – Я водрузил венок себе на голову. Первое мгновение я ничего не чувствовал, а потом вокруг разлился потрясающий аромат. Я даже глаза прикрыл в восторге и дышал. Дышал полной грудью, пытаюсь все легкие наполнить этим запахом.

– Цветы будут пахнуть минут сорок и начнут вянуть, – сообщила мне Феола. – Так что советую поторопиться. И кстати, ты забыл вот это.

Сестра присела и вытянула из-под дома несколько грубых водонепроницаемых мешков. Один из них она развернула и расширила горловину. Потом посмотрела на меня:

– Ну, чего ждешь? Открывай. Я буду мешок держать.

Помогать мне она совсем не обязана. В конце концов, ведь это меня наказали, а не ее.

– Спасибо.

Феола отмахнулась:

– Вот еще. Как будто ты не помогал, когда наказывали меня.

Я кивнул. Потом повернулся к дому, отыскал сучок, открывающий дупло, и мысленно на него надавил. Тотчас в дереве возникла щель, которая стала расширяться. Еще миг, и люк выпал. Я аккуратно отлевитировал его в сторону и приблизился к дуплу. Пахло оттуда... Но сейчас мне уже не приходилось задерживать дыхание, с этим чудесным венком совершенно не ощущались никакие запахи.

– Можно было бы все эти отходы автоматически отводить, – пробурчал я.

– Ты же знаешь, что этот компост нужен для маминого сада.

Я промолчал. Чуть подлетев, заглянул внутрь. Ну не так уж и много там накопилось. Всего лишь до половины. Могло быть и хуже. Что ж, приступим... Попробуем-ка одну штуку, которую я придумал после прошлого наказания.

Я приземлился и достал из кошелька два необычных кристалла зеленоватого цвета. Нормальные кристаллы полупрозрачные, и, когда их касается мысль человека, внутри разгорается маленькая звездочка. Почему эти кристаллы вышли зелеными, я понять не мог. Надо бы в институт на изучение отправить. Ведь полезную штуку сделал... если она работает.

Один из кристаллов я бросил в жижу на дне дупла. Феола удивленно глянула на меня:

– Ты чего? Давай мусор доставай.

– Подожди. Хочу одно свое изобретение проверить.

– Тоже сделанное благодаря новой схеме?

– Нет. Я использовал принцип близнецов. Не отвлекай. – Я достал второй кристалл, положил его к себе на ладонь и вытянул руку вперед. Закрыв глаза, сосредотачиваясь. Вот кристалл у меня на ладони. Тянемся к его собрату. Ага, вот и он. Отлично. Связь установлена. Теперь, через этот кристалл, я могу видеть другой и управлять им. Протянув мыс-

ленные щупы, я осмотрелся. Вокруг лежала сплошная жижа переработанного домом мусора. Я так явственно ощутил ее, что меня замутило. Так, не отвлекаться. Собираем всю эту жижу вокруг моего камешка... собираем... собираем... А теперь медленно и осторожно поднимаем. Вытаскиваем из дупла...

– Ой, – пискнула позади Феола. – Дерри, как тебе это удалось? Ведь нельзя управлять предметами, которые не видишь. И удерживать жидкость...

Удерживать жидкости действительно самое тяжелое. Не каждый может. Концентрация воли и внимания для этого нужны потрясающие. Из нашей компании проделать такое могла только Вера-Вероника. Я несколько раз пробовал, но... почти, как говорится, получалось.

– Подставляй мешок, – перебил я. Потерять в этот момент связь между кристаллами мне совсем не хотелось. Кто потом будет чистить землю перед домом от грязи?

Феола тоже это сообразила и поспешно раскрыла мешок. Я подвесил шар из жижи над ним, чуть ослабил контроль, образовав небольшой канал, и направил по нему мусор в мешок. Когда он наполнился, Феола моментально сплвила взглядом горловину и схватила второй. Потом третий. Всего мешков набралось аж шесть штук. Вот и ладушки.

В воздухе остался висеть лишь один зеленый кристалл, с которого не сводила глаз Феола. Я вернул его к себе в руку и спрятал в кошель. Сестра, словно замороженная, проводила

полет кристалла взглядом, а потом взглянула на меня:

– Это с его помощью ты поднимал жижу?

– Ага, – признал я. – Таких камня два. Они находятся во взаимосвязи друг с другом. Один я бросил в мусор, а вторым собрал вокруг него всю жижу и вытащил из дупла. Осталось почистить само дупло. Где тут шланг валялся?

– Не где-то, а под домом. Ты лучше мешки отнеси в сад маме. А дупло я сама сполосну.

Оставив мешки сразу за изгородью в саду, я хотел было вернуться, когда показала сестра.

– Ты уже все? – удивился я.

– Нет. Там отец пришел. Удивился, что мы так быстро справились. Я ему рассказала о твоём изобретении. Он просил передать, что ты молодец, и отпустил меня. Сказал, что дальше сам все сделает.

– Понятно. Тогда давай венки вернем маме, – вздохнул я.

– Хватит вздыхать. Между прочим, мне надо контролировать рост разума в твоём кристалле.

– Я помню. Поэтому предлагаю поторопиться.

Чтобы отдать венки, много времени не понадобилось. Мама на мгновение оторвалась от какого-то цветка и посмотрела на нас.

– А вы куда сейчас? – поинтересовалась она.

– Ко мне в мастерскую, – честно ответил я. – Я попросил Феолу немного помочь.

Мама покачала головой:

– Альвандер, мне кажется, ты слишком много времени проводишь в своей мастерской. Может, вам с Феолой съездить куда-нибудь, развлечься? Пойми, Дерри, я не возражаю, но ты лишаешь себя детства. У тебя впереди вся жизнь, а ты заперся у себя в пещере и ничем кроме кристаллов не интересуешься. Подумай над этим.

– Мам...

– Не надо, Дерри. Я знаю, что ты скажешь. У тебя очень важный проект, который ты должен непременно закончить...

На какой-то миг барьеры мамы дали трещину, я лишь слегка коснулся ее эмоций. Печаль, грусть, осознание неизбежного и... гордость. Гордость за меня. Она знает! Я понял сразу, хоть и не мог сказать откуда пришла эта уверенность. Как, каким образом? Я так хорошо все прятал. Но... Я посмотрел на маму.

– Я уже давно догадалась, – мыслеобраз предназначался только мне и остался не замеченным сестрой. – Ты напоминаешь одного моего друга. Друга, с которым мы были близки в детстве. Очень близки. Альвандер, ты ведь, наверное, задумывался, почему у тебя нет старшего брата или сестры. А ведь мне уже больше шестисот лет. Это второй трехсотлетний цикл для меня.

– Ты повстречалась с папой только двести лет назад, – ответил я своим мыслеобразом, уже догадавшись обо всем.

– Ты верно все понял, – ответила мне мама. В ее образе

была и грусть, и давняя боль. – Ваш отец – это второй мой муж. А первый... Знаешь, ты напоминаешь мне его своей одержимостью. Он тоже мечтал прорваться через Барьер. Он был инженером-физиком. Их группа работала над какой-то машиной. А потом они попытались прорваться...

Чем закончилась эта попытка, спрашивать смысла не имело.

– И ты все равно позволила мне работать, когда догадалась? После случившегося?

Мама грустно улыбнулась:

– Альвандер, когда у тебя будут свои дети, ты поймешь сам. Я очень люблю и тебя и Феолу. Но здесь... ты ведь не откажешься от твоей идеи? А если все же откажешься, то станешь другим. Не тем жизнерадостным и целеустремленным человеком. Чувства матери требуют спасти тебя даже такой ценой. Но однажды, я знаю, ты придешь ко мне и скажешь: «Что же ты сотворила со мной, мама? Зачем? За что ты изломала мою судьбу?» Как я потом смогу взглянуть тебе в глаза? Так что дерзай, сынок.

Я помолчал, опустив глаза. Раньше я совершенно не думал о чувствах родителей. Не думал о том, как воспримут мою попытку. Я поднял взгляд.

– Спасибо, мама.

Всю дорогу до мастерской я был задумчив. Феола приставала ко мне, пытаясь выведать, о чем я говорил с мамой. Наконец поняла, что разговаривать на эту тему я не намерен,

надулась и до самой пещеры молчала.

У входа я обернулся к ней.

– Знаешь, – тихо проговорил я. – А мама, оказывается, все знала. О моем проекте.

Феола озадаченно уставилась на меня:

– Как это?

– А вот так. Знала, и все. Догадалась. Об этом мы с ней и говорили. – Больше не говоря ни слова, я вошел в лабораторию. Феола, задумавшись, плелась следом.

– Все-таки наша мама потрясающая, – наконец проговорила она.

Ты даже не представляешь какая, с грустью подумалось мне. И не надо тебе пока знать, о чем мы говорили. Я впервые ощутил, что значит быть старшим братом. Пусть даже старшим на пять минут. Порой пять минут и определяют меру ответственности.

– Ладно, давай займемся делами. Сначала кристалл проверим, потом я тебе расскажу о своем проекте.

Я открыл дверь в комнату с кристаллом, пропустил сестру и вошел следом. Феола немедленно расположилась рядом с ванной, положила на нее руки, закрыла глаза и погрузилась в работу. Я проверил уровень и состав раствора, добавил немного энергии в него.

– Где у тебя кристаллы для записи?

Я ткнул пальцем в шкафчик. Феола достала один кристалл и сбросила в него мыслеобраз.

– Вот. Тут отчет о проделанном, а также наброски дальнейшей работы. Тебе сейчас этого хватит, а я пока подготовлю полную спецификацию сегодняшнего и вчерашнего дня.

Я кивнул. Быстро считал информацию. Ого, а сестренка нехило поработала. Ну что ж, теперь моя очередь. Я занял место у ванны и закрыл глаза, мысленно погружаясь в кристалл. Так, сверимся с тем, что тут сделала Феола. Ага, этот канал трогать нельзя – это один из будущих каналов нервных волокон. А тут планируется полость для нервных узлов. Значит, мне для работы вот эта область и эта. Проверяем, что тут произошло за ночь. Эти связи выстроились идеально, а вот здесь слегка поправим, пока все не стабилизировалось. И вот тут поправим. Создадим новый узор и построим каркас решетки. А дальше уже, используя этот каркас, кристалл сам достроит остальное. Чисто косметическая доработка. С каждым таким вот мазком все ближе к совершенству.

Я открыл глаза. Сестра сидела за столом и работала на пси-проекторе, выстраивая какие-то модели. Потом скидывала образы в кристалл и снова возвращалась к расчетам. Я подошел к ней и заглянул через плечо в визор. Описание задействованных клеток, какие-то значки. Считал данные с одного кристалла и чуть не утонул в специфических терминах и понятиях, а также эмоциях, которые испытывала Феола при создании.

– Все понял? – поинтересовалась Феола, не отрываясь от записей.

– Угу, – глубокомысленно заявил я.

– Тогда не лезь. Я же ведь не лезу в твои спецификации кристаллов.

– Ладно-ладно. – Я принес из центральной пещеры второй стул и пристроился на другом конце стола. В отличие от сестры, мне не надо начинать сначала. Только внести правки в уже существующие документы и дать описание. Так что свою документацию я закончил за десять минут, когда Феола все еще продолжала работать. Изредка она подходила к ванне и снова погружалась в изучение кристалла, очевидно, чтобы освежить впечатления.

Я от нечего делать наблюдал за ней. Правильно говорят, работы на час, а писанины на несколько дней хватит. Таков уж удел всех мастеров. Кристалл создать легко, а ты попробуй на него правильно документацию составь. Я покосился на сестру. Да и не только мастеров. Вообще всех псиоников. Какой смысл создать самый совершенный кристалл, если потом его невозможно повторить? Уникальная единичная работа и? Для музея разве что сгодится. Или на выставку. Кристалл, или цветок, или вновь созданный минерал остается всего лишь игрушкой, если нельзя потом повторить весь процесс. Вот для этого и создаются спецификации – слепок работы мастера. А потом уже специально обученные люди считывают эти данные и полностью, шаг за шагом, с абсолютной точностью воспроизводят весь процесс. Сначала это трудно, но, ухватив суть, они уже делают работу быстро и

точно. Производство выходит на поток, и новый вид кристаллов появляется в свободной продаже. И от того, как точно будет создана спецификация, зависит очень и очень многое. Так что халтурить здесь нельзя. А то так и останется этот кристалл уникальным и единственным.

Феола вдруг замерла. Она задумчиво почесала световым стилем себя за ухом. Потом обернулась ко мне:

– А как ты решил назвать кристалл?

– Назвать? – изумился я.

– Не называть же его просто кристалл? Это далеко не обычный кристаллик. Произведение искусства, если хочешь. Он должен иметь имя.

– Пусть будет Великий Кристалл.

– Не годится. – Феола замотала головой. – А знаешь... я его назову... назову я его Кристалл Альвандера. Точно!

– Скромненько и со вкусом...

– Скромность тут ни при чем. – Феола серьезно посмотрела на меня. – Кажется, ты еще сам не понял, что создал. Дерри, я ведь изучила твой кристалл вдоль и поперек.

– И что?

– В нем частица твоей души, Альвандер. Ты в него вложил столько себя, что он теперь навеки будет нести отпечаток твоей личности. И новый разум, рожденный кристаллом, тоже получит частицу твоей души.

Я невольно оглянулся на ванну с кристаллом:

– Ты серьезно?

– А не похоже? – ошетибилась сестрица. – Ты думаешь, я этим стану шутить? И знаешь, что самое интересное? Это не случайный эффект. Я прикидывала и так и этак. Специально еще раз просмотрела твою спецификацию. Каждый созданный по ней кристалл станет неповторимым. Это не копирование. Это – творение. Создание уникального экземпляра, ибо каждый такой кристалл будет нести отпечаток личности мастера. А если тот, кто попытается делать его, не сможет подарить кристаллу часть души, то толку с этого кристалла... Получится просто гигантская красивая игрушка.

– А... но почему???

– Да потому, что разум не может без души. Чтобы создать его – человек должен поделиться своей. Что вложишь – то и получишь. Но кристалл не живой. И я при всем своем желании не смогу дать ему часть своей души. Она закладывается при создании. Именно ее и заберет себе зарождающийся разум. Теперь понял? Какой бы разум ни зародился в кристалле, но он будет обладать твоей душой, Альвандер. А если кристалл получится пустым, созданный ремесленником, то разуму окажется нечего взять. Без души же не может быть настоящего разума. Вот и получим мы дорогущую игрушку.

Я потряс головой, пытаясь собрать мысли. Сестра молча смотрела на меня.

– Похоже, ты создал нечто гораздо большее, чем ожидал.

– Когда я начинал работу, то всегда знал, что будет что-то очень сложное. Но такое...

– Это тяжкий груз, но это и большая твоя заслуга. И сейчас я, пожалуй, могу утверждать, что разум в кристалле разовьется. Ладно. Решено. Записываю твое создание как Кристалл Альвандера.

Я только слабо кивнул. Новость, которую вывалила на меня Феола, оказалась малость неожиданной. Это следовало обдумать. Если все так и есть, то... с созданием новых кристаллов могут возникнуть проблемы. Ремесленник потому и ремесленник, что не может вложить в творение душу. Поэтому за копирование кристалла должны браться мастера. Копирование... Да какое тут копирование? Каждый кристалл будет уникальным.

Ладно. Проблемы стоит решать по мере их поступления. А если кристалл поможет преодолеть барьер, то эта проблема станет уже проблемой Совета и Координатора.

Подперев голову рукой, я с тоской размышлял над очередной, бог уже знает какой по счету, проблемой. Феола продолжала свою работу, тишину нарушал лишь шелест бумаги. Наконец сестра откинулась на спинку стула.

– Все. Дальше уже будем править в процессе работы. А сейчас давай займемся твоей схемой.

– Пойдем. Это не здесь.

Я вышел из лаборатории, тщательно закрыл за Феолой дверь и направился к другой стене, где располагался главный вход в центральный комплекс пещер. Когда кажущаяся неприступной скала просто растворилась перед нами, Феола

слегка поморщилась.

– Уж лучше бы просто отодвигалась. Зачем ты себе такое сделал?

– Мне нравится, – буркнул я. – Лучше шагай.

– А я что делаю? Блин, как тут у тебя холодно. Скажи, а в коридорах обязательно держать такую низкую температуру?

– Мне не мешает.

– Ну конечно. Когда ты за работой, тебе хоть что-нибудь помешать может?

Я промолчал. Очередная стена растворилась в воздухе, открывая проход в большую комнату. Здесь из пола словно росли плоские каменные столбики, уставленные кристаллами. В стенах вырублены ниши, заваленные разными полезными вещами. Большой круглый стол, правда пустой, стоял в центре. В дальнем углу журчал маленький ручеек, сбегая в расселину. Феола, боясь задеть хоть что-нибудь, аккуратно прошла к центральному столу и уселась прямо на него.

– Вообще-то это стол, а не стул, – счел своим долгом просветить ее я.

– Я заметила. Но пол очень холодный. И мне надоело уже ходить по камню. Он мертвый.

Я пожал плечами:

– Ладно. Давай о моей схеме.

– Давно пора.

Феола подобрала ноги, обняла их и положила подбородок на колени. Я взгромоздился на один из свободных от кри-

сталлов столбиков. Устроился поудобнее.

– Короче, – начал я, – как я уже говорил, моя схема проста до ужаса. Почему до нее никто не додумался, сказать сложно, хотя предположения есть – раньше не возникало необходимости. Кристаллы такой сложности еще никто не делал. Функционирующие кристаллы, – поправился я.

– А не функционирующий?

– Ну... было такое. Только... Помнишь, мы в позапрошлом году в Москве в Кремле были?

– Помню, конечно.

– Видела там Царь-пушку и Царь-колокол?

– А-а-а, понимаю. Не годящиеся для своего прямого назначения вещи превратились в произведения искусства.

– Точно. Кристалл можно сделать каким угодно сложным, но потом ему только в музей дорога. Появится в мире еще Царь-кристалл. Да и применения ему не найдется. Все, что людям до того требовалось, можно воплотить и в обычном кристалле. Но когда я стал делать свой... Во-первых, я просто не знал, а что, собственно, мне от него может понадобиться. Конечно, его основной функции – работы с пространством. Но даже здесь куча вопросов возникла. Есть корпускулярно-волновая физика, ядерная, гравитационная. И все это работа с пространством. А я ведь во всем этом ни бум-бум. И как закладывать то, в чем я не разбираюсь?

– Мне казалось, что это вы, мастера, и делаете?

– Не совсем. Что такое кристалл?

– Искусственно выращенный минерал, который может напрямую подключаться к разуму человека по ключ-коду.

– Ключ-код – это функция, заложенная искусственно. Чтобы подключение происходило тогда, когда нужно, а не спонтанно, из-за того, что кто-то мимо прошел.

– Ладно-ладно. Ты ведь понял. Кристалл подключается и использует пси-силы человека, выполняя заложенную в нем программу.

– По сути верно. В кристалл жестко зашиваются некоторые алгоритмы, которые он должен выполнить. Когда ты посылаешь в кристалл ключ-код, он сливается с твоим разумом и черпает из тебя силы, направляя ее согласно алгоритму.

– Ну я то же самое и сказала.

– Не совсем. Ты сказала «программу». А это неверно. Здесь в терминах надо быть точным. Программа – это набор алгоритмов. Так что простейший кристалл – это один алгоритм. Вот смотри.

Я вскочил со своего насеста и, покопавшись в одном из ящичков, достал пять кристаллов. Разложил их в ряд на столе. Перед каждым поставил по предмету: подсвечник со свечой, обрезок проволоки, чашку с водой, детский кубик и мячик. Феола, чтобы лучше все рассмотреть, слезла со стола и теперь стояла рядом со мной. Сами кристаллы, правда, размером с ноготь мизинца, смотрелись очень невзрачно.

– Вот тебе пример простого кристалла, в котором зашит один алгоритм. Тебе даже представлять ничего не надо. Про-

сто дай кристаллу свои силы.

– Послушай, это мы еще в школе в пять лет проходили...

– Феол, прошу тебя. Я ведь не просто так повторяю. Иначе тебе трудно будет понять смысл. Я хочу точно определиться в терминах.

– Хорошо. – Феола недовольно пожала плечами, а потом быстро, один за другим коснулась мыслью каждого кристалла. Тотчас загорелась свеча, согнулась проволока, вскипела в чашке вода, кубик поднялся в воздух, а мячик стал вращаться на месте.

Я затушил свечу и набрал из ручейка свежую воду.

– В каждый кристалл зашит один алгоритм. А вот в этот кристалл уже зашита программа – несколько алгоритмов. – Я достал еще один кристалл, не больше прежних, и положил на стол. – В нем заложены те же пять задач. На этот раз тебе не только надо активировать его, но и выбрать нужную задачу. Ты можешь вызвать их одну за другой в любом порядке или даже все сразу, если, конечно, хватит сил. Видишь разницу между кристаллом с алгоритмом и кристаллом с программой?

– Альвандер-зазнайка, может, хватит лекций?

– Потерпи еще немного. Сейчас все поймешь. Можешь сказать о преимуществах и недостатках каждого такого кристалла?

– Конечно, могу. Преимуществом кристалла с алгоритмом является то, что его достаточно активировать и не заду-

мываться над тем действием, которое хочешь совершить. Во втором случае еще надо знать, что может делать кристалл.

– Ну... в целом верно. Универсальные кристаллы – программные. Степень универсальности зависит от содержащихся в них алгоритмов. Но это все простейшие кристаллы. Такие я мастерил в шесть лет. А есть кристаллы смешанного типа.

– Это которые состоят из множества алгоритмов, которые вызываются из других алгоритмов, – с явной угрозой в голосе проговорила Феола. – То есть ты связываешься с ним и даешь силу, вызывая единственный алгоритм, а уж он вызывает другие зашитые в этот кристалл. Таким образом, человеку не надо заботиться о последовательности их выполнения.

– Гм... – я с опаской покосился на сестру. – Верно. Вот этот кристалл. Он построен как раз по такой схеме. На тех же пяти действиях. Когда ты коснешься его мыслью, он зажжет свечу, поднимет кубик, обмотает его проволокой, подожжет от свечи и опустит в чашу с кипящей водой, после чего вся эта конструкция будет водружена на вращающийся мячик.

– А смысл?

– Обычная демонстрация. Это все я делал для эксперимента. Надо же на чем-то экспериментировать? Выбрал первое, что в голову пришло.

– Так в чем же твоя схема заключается?

– О-о-о! Схема, как все гениальное, проста.

– О да! Еще бы!

– Ладно-ладно. Короче, когда я стал делать свой кристалл, то просто растерялся. Я не знал, что хочу получить. Обычно я как делаю? Задаю конечный результат. Думаю над некоей последовательностью действий, которая должна привести к нему. А потом для каждого действия строю алгоритмы в кристалле и связываю их в программу в нужной последовательности. При этом, сама понимаешь, алгоритмов могут быть миллионы и выполняться они могут одновременно.

– Если энергии у человека хватит выполнять эти миллионы алгоритмов разом.

– Э-э-э... ну да. Это и есть узкое место кристаллов. Поэтому и приходится следить, чтобы одновременно не выполнялось больше сотни. Конечно, тут еще зависит от сложности, но... В общем, не думаю, что тебе интересны такие тонкости.

– Неинтересны, – подтвердила Феола.

– Так вот. Я набросал предварительную схему. Потом понял, что это не все. Нам нужно не только получить доступ к пространству. Надо еще совершать определенные действия. Вариантов же этих действий я насчитал порядка пяти тысяч, а потом бросил. Раз преодолевать барьер, то это полет в корабле. Значит, надо закладывать функцию локации и навигации. В зависимости от результатов, действия опять могут меняться. То есть оказалось, что мне требовался кристалл, способный менять свою программу в зависимости от условий. Ну тут, думал я, просто. Есть человек. Есть простейшие

алгоритмы. Есть набор программ на основные случаи. А если возникнет нужда, человек сам построит нужную программу, используя существующие простые алгоритмы.

– Для этого надо быть таким гением, как ты, олух царя небесного.

– На самом деле проблема даже не в этом, – поморщился я. – Когда число алгоритмов в моем кристалле перевалило первую тысячу, я еще надеялся, что в Солнечной найдется кто-то, кто запомнит их все. Когда же их стало порядка пяти тысяч...

– Биокomпьютер.

– Верно. Ему это по зубам. Но, видишь ли... как ты думаешь, почему возрастало число алгоритмов? Да потому что всегда оказывалось, что я чего-то не учел и не заметил. Ты вообще представляешь себе эти пять тысяч простейших действий? И какова вероятность, что я учел все возможные? Что чего-то не пропустил? Вдруг в самый ответственный момент обнаружится, что мой кристалл чего-то не умеет? Но это на самом деле не проблема. Выращивается новый кристалл, и человек уже действует через него. С программами гораздо хуже. Не учел чего-то, и вот я, зная свой кристалл досконально, выстраиваю новые связи между алгоритмами и добиваюсь нужного результата. И что дальше? Писать инструкцию, чтобы все, кто будет работать с моим кристаллом, вместо элементарного вызова нужной программы проделывали все мои действия по ней?

– М-да.

– Вот тебе и «м-да». А если от этой операции зависит жизнь людей, а сама программа оказывается очень сложной? За какое время они выполнят ее? Конечно, если люди тренированные, то при средней сложности программы... полагаю, что секунд за тридцать. При этом та же программа, уже заложенная в кристалл, отработает почти мгновенно. И если скорость работы – вопрос жизни и смерти... Пяти тысяч простейших алгоритмов хватит на все, что может потребоваться в полете. Но величина возможных комбинаций из них стремится к бесконечности. И предусмотреть их на все случаи жизни нереально. Хотя бы по той причине, что я и сам плохо представляю, что может понадобиться. То есть с накоплением опыта надо будет выращивать новый кристалл с уже вложенными в него возможностями. А опыт будет расти стремительно. Значит, что, менять кристаллы почти непрерывно? Я свой выращиваю уже два года. После отработки...

– Все равно меньше чем за полгода новый кристалл не получишь, – прервала меня Феола. – Разум – не кристалл. Полгода на развитие до полноценного. Два месяца минимум на обучение, но ему еще и личного опыта набраться надо. Но можно ведь вырастить кристалл с новой программой.

– Угу. Со своей стороны заявляю, что кристалл такой сложности меньше чем за месяц не вырастишь. И то только если человек изучит методику досконально. Первое время на каждый кристалл придется тратить не меньше квартала. На-

копление опыта процесс бесконечный. Летать с кристаллами без учета опыта – преступление. А новый кристалл... Можно, конечно. А потом еще кристалл. А потом еще... Целый корабль кристаллов можно с собой возить. И искать среди них тот, что требуется сейчас. Когда до меня это дошло, я чуть не бросил работу. Неделью тогда сам не свой ходил.

– Постой-постой... Это не в прошлом ли году было? Ты тогда все в лес убегал и забирался на наш столетний дуб. И желуди с него зачем-то кидал.

– Ну да, – смутился я. – Мне так думалось легче. Но тут все встало. Мертво. Я не мог предвидеть бесконечное число вариантов. Не мог даже реализовать многие известные – знаний не хватает. А кристалл надо делать – он не может ждать. Я лихорадочно роюсь в учебниках, обзваниваю институты, чтобы они выслали мне спецификации на уже имеющиеся модели кристаллов. Изучаю их, вношу изменения, проверяю. А тут новая программа должна быть уже заложена, а она не проверена.

– Бедненький. – Я покосился на Феолу. Нет, она не смеялась. Она на самом деле искренне мне сочувствовала.

– Думаю, ты и сама поймешь то, что тогда понял я. Один я кристалл не сделаю. У меня не хватит ни времени, ни знаний. Но даже сделанный – он будет бесполезен, ибо его невозможно изменить. И тогда меня вдруг стукнуло...

– Яблоком? – ехидно поинтересовалась Феола.

– Желудем, – отшутился я. – А если серьезно, то тогда я

и придумал свою схему!

– Да?

– Да!

– И где она?

– Здесь. – Я достал из ящика очередной кристалл и протянул Феоле. Выглядел он еще невзрачнее предыдущих. Сестра недоверчиво взяла его и покатала на ладони. Потом осторожно коснулась мыслью. Поскольку ничего не произошло, она озадаченно взглянула на меня. Я молча скрестил руки на груди и улыбнулся. Это был откровенный вызов, и Феола его приняла. Она еще раз внимательно изучила кристалл. Даже понюхала зачем-то. А дальше погрузилась в изучение структуры. Это много времени у нее не заняло, но по окончании она казалась еще более озадаченной, чем раньше.

– Если бы я не знала, что этот кристалл делал ты, то решила бы, что его смастерил какой-то недоучка, который бросил работу на полпути. Он... он незавершенный. В него можно вкачивать энергию, но она из него улетает во все стороны. В пустоту и без всякой пользы.

– Точно! – Я, довольный, поднял вверх палец. – Незавершенный! В этом его смысл. Он на самом деле не завершен. Но при этом он самое совершенное мое творение! У этого кристалла только одно предназначение – управлять. Это управляющий кристалл. И в нем практически ничего нет. Ни одного алгоритма. Ни одной программы.

– Для чего же тогда он нужен?

– Он? О-о! Это мой шедевр! Мое спасение! – Тут я заметил многообещающий взгляд сестренки и поспешно закрутился: – Лучше покажу.

Я достал неширокую ленту из кожи дракона. Взял все те же пять кристаллов, разместил их на поясе на равном расстоянии друг от друга. Под моим взглядом все кристаллы погрузились в кожу, став с ней одним целым. А потом на свободное пространство положил управляющий кристалл и тоже вживил в кожу.

– Перед тобой полный аналог кристалла с программой из пяти алгоритмов. Тебе достаточно только коснуться мыслью центрального кристалла и вызвать один из алгоритмов.

Феола недоверчиво посмотрела на меня. Внимательно изучила конструкцию. Говорить ничего не стала, но послала ключ-запрос на центральный кристалл. Внутри него вспыхнула на миг звездочка, и стоявшая на столе свеча загорелась. Феола нахмурилась. Новый мысленный запрос – взлетел кубик.

– Как это происходит? – Она озадаченно покрутила поясик в руке.

– На самом деле просто. Внутри кожи я вживил особые проводящие нити. Что-то вроде волноводов. Они обеспечивают связь между кристаллами. Управляющий же кристалл, когда я присоединил его, просканировал подключенные к нему кристаллы – на этот случай я специально встроил в него небольшой заряд силы. Кристалл определяет, что дела-

ют подключенные к нему кристаллы, и встраивает их в свою цепь. Таким образом, и выходит как будто единый кристалл. Если мне нужно будет, я любой из кристаллов заменю другим. Могу заменить сам управляющий камень. Тут у меня еще один управляющий кристалл. Я его могу встроить на место старого. Здесь, конечно, все немного посложнее. Этот управляющий кристалл содержит в себе последовательность действий с определенными простыми алгоритмами. Теперь если к нему подключить кристаллы с нужными алгоритмами, то мы имеем аналог кристалла с программой.

– Но как тебе это может помочь с твоим кристаллом?

– Неужели не догадалась? – удивился я. – Это же очевидно! Мне больше не нужно встраивать в мой кристалл миллиарды программ на все случаи жизни. Мне достаточно встроить управляющий кристалл.

– Я же видела его в твоём кристалле! – вдруг хлопнула себя по лбу Феола. – Но не поняла, что это такое, и решила, что ты еще просто не доделал этот фрагмент!

– Верно. А дальше можно подключать к нему управляющие кристаллы с некоей логической структурой. Мой кристалл обращается к управляющему, а тот получает доступ ко всем алгоритмам и программам Кристалла Альвандера. И, согласно заложенной в него логике, выстраивает из них новую программу. А если нет алгоритма в моем – тоже не беда. Встраиваем его в управляющий. Для ускорения работы, пришлось провести стандартизацию всех простых алгорит-

мов. Теперь, делая такие вот управляющие кристаллы, надо вызывать алгоритмы из Великого Кристалла строго определенным образом каждый. Может показаться неудобным, зато скорость выполнения возросла на порядок. И нет нужды встраивать механизм опознавания алгоритма. То есть если сказано, что обратиться таким образом, значит, вызовется только этот алгоритм и никакой другой. А человек уже не задумывается о том, какой кристалл ему вызывать. Он обращается к Великому Кристаллу, а тот сам находит нужную программу – у себя ли внутри или подключенную внешне.

– Я поняла, – тихо сказала Феола.

Я, оживленно рассказывающий о возможностях своей схемы, удивленно повернулся. Сестра во все глаза смотрела, но не на кристаллы, а на меня.

– Ты чего?

– Дерри. Я все поняла, – торжественно произнесла она. – А вот ты болван. Ты ведь даже не сообразил, что создал.

– А что я создал? Новая схема...

– Нет, мой брат все-таки идиот. Да ты же перевернул всю науку о кристаллах.

– Такой нет.

– Значит, ты создал! Да пойми ты, это же какие возможности открываются!

– Так я об этом и говорю, – совсем обиделся я. – Такие управляющие кристаллы, самые сложные из которых любой сделает за пару дней. А значит, нет проблемы совершенство-

вания. И не надо выращивать новый Великий Кристалл, если что-то в него не будет заложено. Легко подключается новая функция к имеющимся. Система чрезвычайно гибкая получается.

– Все-таки ты болван, – вздохнула Феола. – За своим Великим Кристаллом ничего не видишь. А ведь на самом деле ты просто открыл способ создавать кристаллы любой сложности. С любыми сложнейшими программами.

– Да?

– Да! Ну подумай! Я хоть и не мастер, но все же сообразила. Что ограничивает сложность кристалла?

– Ну... невозможность управления им. Но это если он очень сложный. А так... невозможность сразу произвести точную настройку... – тут я замер с открытым ртом.

– Наконец-то сообразил, – с показным облегчением вздохнула Феола. – А сейчас мы создаем единую схему, а настраиваем уже на месте, подгоняя такие вот блоки. И вскоре мы имеем схему, которая делает самую сложную и тонкую работу, недоступную человеческому разуму.

– Мне надо на воздух, – слабо пробормотал я.

– А ведь это еще наверняка не все возможные применения твоей схемы, – утешила меня на прощанье сестренка. – Только то, что первым в голову пришло.

Я не ответил. Даже не убрав в комнате, я направился к выходу.

Глава 5

Я лежал на спине, закинув руки за голову, и разглядывал проплывающие облака. Феола сидела рядом, изредка бросая в мою сторону любопытные взгляды.

– А знаешь, – мудро изрек я в конце концов, – ты не права.

– В чем? – немедленно отозвалась сестра.

– В том, что моя схема перевернет мир и все такое прочее. Она повлияет, и сильно, но вовсе не так глобально, как по-твоему выходит. Понимаешь, настройка кристаллов тут не самое главное. Тут проблема в сложности самого процесса и чисто практических ограничениях. Представляешь стоимость такой конструкции? Дешевле и проще использовать старые и проверенные методы. Моим методом заинтересуются, но только в качестве эксперимента. Не более. И никак не на промышленном уровне. Разве что выступят какие-нибудь сдвинутые по фазе, что разум человеку дан для того, чтобы он все делал с его помощью.

– Ты с этим не согласен?

– Со временем мы придем и к этому. Но пока совершенно непрактично, да и невозможно, честно говоря. Есть куча вещей, которые мы разумом делать не в состоянии. От этого никуда не деться. Тем более что проще и дешевле использовать старые методы даже там, где можно применить психику. Так что я за разумный подход. К тому же как быть с

теми, у кого пси-силы развиты не сильно? Им что делать? Помнишь, мы проходили по истории период беспорядков?

– Помню, конечно.

– Тогда ведь Солнечная едва на два лагеря не распалась. На государства псиоников и технарей. Представляешь, какой кошмар был бы? И так изоляция, а тут еще два враждебных лагеря. К счастью, именно тогда появились кристаллы. Это решило много проблем.

– Но напряженность остается, – кивнула Феола. – Ты прав. Но твоя схема поможет и им. Уж ключ-код они отправить на кристалл смогут. Правда, вопрос внутренней силы... ее у таких людей не очень много.

– Это как раз не проблема. – Я перевернулся на живот и сфокусировал взгляд на божьей коровке, качающейся на травинке. – Кристалл силы так же легко подключается к кристаллу управления, как любой другой. Так что человеку вообще не обязательно тратить собственные.

Феола некоторое время молчала.

– И ты об этом так спокойно говоришь?

– Ну и что? А-а-а! Знаю-знаю. «Это перевернет понятия о кристаллах и откроет новую эру...»

– Щас стукну.

– Не надо. Феол, ну что ты хочешь, чтобы я сделал? Перевернет так перевернет. А если нет – значит, еще не время.

– Мне достался в братья идиот. Пусть и гениальный. Но ладно, эту проблему я сама решу.

Теперь уже я подозрительно косился на сестренку. Что это она задумала? Надо ее срочно отвлечь, пока не кинулась исполнять задуманное.

– Вообще-то, это не все, что я тебе хотел показать. Не только схему. Ты тут слегка огорошила меня своими предположениями, и я малость подрастерялся.

– Ты? Растерялся? Ладно, можешь попытаться отвлечь меня от этой темы, но я о ней не забыла. Что еще сделал?

Отвлек, называется.

– Разное. Понимаешь, если мой кристалл срабатывает, то мы опять сможем летать в галактике. А значит, нам нужны корабли.

– У нас есть корабли.

– Не смеши. В наших кораблях используются всего четыре кристалла: силы, движения, локация и поддержка жизнеобеспечения. А биокомпы стоят только в космических городах. По всей территории Солнечной натканы навигационные маяки и спасательные станции. Корабли спасения до любой точки доступного нам пространства добираются за полторы минуты. Это ты называешь полетами? Летать на таком корабле в галактике все равно, что в корыте пытаться переплыть океан. Вот я и занялся совершенствованием кристаллов для дальних полетов.

– Совершенствованием?

Я пожал плечами. От этого движения божья коровка слетела с листа и затерялась в траве.

– А зачем изобретать велосипед? Все уже придумано до нас. Просто надо довести до ума. И начал я с локаций.

– И что?

– Ты пользовалась кристаллом локации когда-нибудь? Стандартным, я имею в виду.

– Нет, конечно. Где бы я его взяла?

– А я пользовался. Все, на что он способен, – определить местоположение объекта и выдать его простейшие характеристики.

– А что еще надо?

Я сформировал мыслеобраз пещеры, где демонстрировал Феоле свою новую схему. Показал необходимый кристалл.

– Сможешь принести?

– А сам?

Э-э-э... не говорить же, что подниматься лениво...

– Мне надо тут место подготовить.

Сестра внимательно поглядела на меня.

– Лентяй, – констатировала она. Но все же поднялась и направилась в пещеру.

Подготавливать я ничего не стал, а просто уселся поудобнее и стал ждать сестру. Феола вернулась почти сразу с кристаллом, размером с кулак, в руке. Я осторожно принял его и водрузил на траву.

– А теперь прошу. Ключ-код, и ничему не удивляйся.

Феола опасливо покосилась на кристалл, но все же послала ключ-код и замерла... Я улыбнулся и тоже подключился.

В тот же миг окружающий мир исчез. Я был в космосе. Точнее не сам я, а мое сознание. Вот мимо проплыл спутник. Ага, транслятор солнечной энергии на Землю.

– Кто здесь? – услышал я испуганный голос.

– Это я, Феол. Не пугайся. Как тебе?

– Что происходит? – голос звучал не очень уверенно, но испуг в нем больше не чувствовался.

– Ничего особенного. Кристалл отправил твою мысль в космос с помощью гравитационных струн.

– Каких?

– Да знаю-знаю, что термин дилетантский. Вот отдам свой кристалл физикам, они разберут его на запчасти и придумают умные слова, описывающие этот эффект, напишут кучу совершенно непонятных формул. А пока пользуйся теми, что я придумал.

– Так ты придумал этот локатор или усовершенствовал существующий?

– Усовершенствовал... на новых принципах. Я ведь строил кристалл для работы с пространством. Может, я и не могу все это описать формулами физики, но чувствую я его лучше многих в Солнечной. Давай прекращай болтать. Я тебе экскурсию сейчас устрою. Держись.

И мы понеслись. Разум захлестнули различные образы. Видны были почти все мелкие и крупные космические тела. Вон та точка – космический город, только что скрывшийся за Солнцем. А вон второй поплыл. И корабли – тысячи кос-

мических кораблей.

– Первая остановка – рудники на Луне. Полетели.

Мгновение, и вот уже поверхность Луны.

– Как видите, миледи, в общем ракурсе мы можем следить практически за всеми объектами Солнечной. Можно настроить фильтр, и исчезнут все естественные тела. – Хоровод пятнышек уменьшился. – Если заинтересует какой-то объект – его можно изучить и поближе. Вот как эти прииски.

Под нами несколько гигантских сооружений бурили Луну. Автоматические повозки исчезали в прорубленных шахтах, а обратно уже выползали груженные рудой. Весь процесс добычи полностью автоматизирован и в участии человека не нуждается. Вот интересно, сторонники все делать пси-силами как себе представляют добычу нужных элементов на Луне? Посадить в будку человека – и пусть управляет кристаллами? И не забыть приковать его там. Чтоб не сбежал от тоски. А так пусть механическая, но полностью автоматическая добыча. Люди прилетают только в случае поломки.

Я старательно исследовал весь прииск. Ага, а вон и жилые комплексы под защитными куполами.

– А почему у меня ничего не получается? – недовольно спросила Феола.

– Что именно?

– Я хотела исследовать вон то пятно, но у меня ничего не вышло.

Уловив направление, я пригляделся.

– Не получается, потому что ты тут в качестве гостя. У тебя нет разрешения на управление кристаллом.

– Как это?

– Очень просто. Я встроил два типа ключ-кода. Первый стандартный, под которым вошла ты. Второй код на право управления. Если к кристаллу подключаются несколько человек, то управлять им сможет только тот, кто вошел под вторым кодом. Остальные вынуждены будут следовать за ведущим.

– А зачем ты так сделал?

– Объясняю. Допустим, к кристаллу подключилось пять человек. Одному захотелось посмотреть Меркурий. Второму изучить спутники Марса. Третий решил глянуть на Венеру. Четвертый какой-нибудь корабль решил разглядеть, пятый еще что-то захотел увидеть. Кристалл старается выполнить все их пожелания. Что дальше будет?

Феола задумалась.

– Кристалл жалко.

– А мне жалко мой труд, ибо кристалл придется делать новый. Нет уж. Если подключилось несколько человек, то управлять им сможет только один.

– А если несколько человек подсоединятся с первым ключ-кодом?

– Не подсоединятся. Двух людей с общим ключ-кодом кристалл не подключит, если не будет человека с ключ-кодом полного доступа.

– Понятно. Слушай, а мы долго еще будем на орбите Марса висеть? Кто-то мне экскурсию обещал.

– Извини. – Я бросил взгляд вниз. Зеленая планета. Изумруд. С орбиты отлично видны гигантские озера и огромные пространства лесов и лугов. Да, это уже не та красная планета, которую описывали древние хроники. Собственно, ничего красного в ней уже не осталось. Тысячелетия терраформирования принесли свои плоды. До установления Барьера тут было несколько городов, закрытых защитными колпаками, где жило примерно два миллиона человек. Сейчас здесь проживает около четырех миллиардов. Из тех старых городов теперь сохранился лишь один. В качестве музея. И, на мой взгляд, там не хватает таблички с надписью: «Так жить нельзя». Да и на Земле городов как таковых не осталось. Самый крупный с населением около двухсот тысяч. Зато на Земле сохранялись города-музеи. Москва, Петербург, Лондон, Париж, Рим и многие-многие другие. В свое время мы с мамой и сестрой совершили целое турне по самым известным городам мира.

– Что интересного в этом Марсе?! – не выдержала ожидания сестра. – Чего ты тут застрял?

– Да так. Смотрю. Ведь когда-то Марс называли красной планетой.

– Ну и что? А Венеру когда-то называли планетой бурь. Теперь там самые шикарные курорты во всей Солнечной. Дальше что?

– Дальше? Выбирай, куда летим.

Мы перемещались по всей Солнечной почти мгновенно. Исследовали несколько городов, торжественно плывущих по океану космоса, искусственные спутники. О, а вот какой огромный корабль. Сразу видно, грузовой. Мы пролетели мимо него почти вплотную к корпусу. На нем видна каждая царапина...

– Дерри, посмотри. Похоже, один контейнер скоро оторвется.

Находясь в соединении с кристаллом, каждый из нас чувствовал, куда смотрит другой. Я присмотрелся к тому, что разглядывала сестра. А действительно. То ли роботы ненадежно закрепили, то ли от нагрузок крепление ослабло, но один из контейнеров уже заметно накренился. Если корабль сделает хотя бы пару рывков при торможении, этот контейнер сорвет и он протаранит следующий. Не страшно, конечно, только груз потом будут дня три из космоса вылавливать. И хорошо, если там руда. А если что-то, что не выдержит нахождения в вакууме?

– Щас сделаем. – Я переместился так, чтобы оказаться перед кораблем, и телепатически вызвал капитана.

– Кто говорит? – удивился он вызову.

– Гм... простите, капитан. Это говорит Альвандер. Альвандер Морозов. Вы вряд ли обо мне слышали.

– Ничего, скоро услышат, – усмехнулась сестренка.

Я мысленно продемонстрировал ей изображение кулака и

продолжил разговор с капитаном.

– Простите, я тут случайно мимо пролетал и увидел, что у вашего третьего контейнера разболталось крепление. Боюсь, что при торможении его сорвет.

– Да? – в мысленных образах капитана появилась озабоченность. Сразу чувствовалось, что ему уже не до меня. – Спасибо, Альвандер. Сейчас исправим.

– Не за что, капитан. Рад был помочь.

Разорвав связь, я остался на месте и понаблюдал, как два человека в скафандрах вышли в космос и занялись ремонтом.

– Ладно, возвращаемся.

– Ой, Дерри, а давай еще немного полетаем? Ну пожалуйста!

– Хватит. Потом, если хочешь, можешь забрать этот кристалл себе и летай на здоровье куда угодно.

– Правда?!!! – В мыслеобразе сестры высветился такой восторг, что я даже усмехнулся.

– Правда. Все равно кристалл еще не доведен до ума. Экспериментальный образец.

– Все равно он хороший.

– Кто ж спорит? Ну все.

Мы снова вернулись на поляну. В первое мгновение я сидел неподвижно, все еще плохо соображая, где я. Постепенно все встало на место. Вернулись краски и запахи. И усталость. Все-таки при этом путешествии энергию мы не попол-

няли, а очень даже наоборот. Рядом приходила в себя сестра.
– Прелесть, – прошептала она.

– А что это было? – вдруг раздался чей-то крайне заинтересованный голос. – Мне сказали, что вы пошли сюда. Прихожу, а вы не шевелитесь. Сидите рядом, как два болванчика. Я уж не стал вас трогать.

Я осторожно повернул затекшую шею. Блин! Быстренько мысленным усилием разогнать кровь. Уф, хорошо-то как! Теперь можно и на гостя взглянуть.

– Ой, Алькор, привет. Ты откуда это?

Капитан команды наших соперников по футболу улыбнулся:

– Из дому. У нас в селении сегодня закончили гиперпортал монтировать. Я сразу и махнул к вам в гости. Хотел найти тебя с сестрой. Мне посоветовали искать в твоей пещере. – Алькор огляделся. – А ты действительно мастер-кристалловед? Честно говоря, даже не верится.

– Лучше поверь, – посоветовала сестренка. Она плавно поднялась и потянулась, как довольный котенок. – Дерри, так я этот кристалл забираю?

– Я же сказал, забирай. Он мне все равно больше не нужен. Феола тут же сцапала его.

– Как думаешь, а на какое расстояние можно с его помощью видеть?

– Теоретически где-то на сто астрономических единиц. Дальше детали с расстоянием станут расплываться.

– А что это? Или секрет?

– Не секрет, – Феола чуть ли не мурлыкала, изучая игру света внутри кристалла. – Это мой братик кристалл изобрел новый. Прелесть. С его помощью можно на расстоянии смотреть, как в бинокль.

– Это тебе не бинокль, – обиделся я. – Это все-таки лока-тор.

– И в чем разница?

Ясно, мой кристалл обречен отныне служить в качестве бинокля для разглядывания предметов на сверхдальних расстояниях. А между прочим, это его не самая важная функция, хотя, надо признать, самая эффектная. Еще есть сканирование структуры предметов, возможность изучения ментального фона, может работать сканером любого диапазона частот всех существующих в природе волн... впрочем, все это теперь история. Отныне он бинокль. Даже обидно.

– На расстоянии? – Алькор без интереса взглянул на кристалл. – А зачем? Можно быстро слетать и посмотреть все, что хочешь.

– И на Луну? – поинтересовалась Феола.

– А-а-а, вы в смысле про большие расстояния. Тогда можно кристалл-телескоп взять.

– Еще раз повторяю! – чуть ли не прорычал я. – Мой кристалл не телескоп и не бинокль. Это локатор. С полным набором функций.

– Да поняли мы, поняли, – отмахнулась Феола. – Алькор,

хочешь покажу? Никакой телескоп с этим не сравнится! Тут мой брат прав.

– Давай! – согласился Алькор без энтузиазма.

Феола повернулась ко мне:

– Какой там второй ключ-код?

Я демонстративно сложил руки на груди и отвернулся. Сестренка тут же подскочила ко мне со спины и обняла:

– Ладно-ладно. Пошутила я. Твой кристалл самый лучший в мире локатор. Не бинокль и не телескоп. Дерри, ну не сердись, пожалуйста.

Вот что, скажите, с ней делать? Я послал ей мыслеобраз пароля, и Феола, довольная, вернулась к кристаллу.

– Алькор, давай подсоединяйся к кристаллу и ничему не удивляйся.

Через мгновение я уже мог наблюдать две неподвижно лежащие на траве рядом с кристаллом фигуры. Тоже, что ли, присоединиться к ним? Да ну. Уже насмотрелся на все это, пока тестировал его. Я снова плюхнулся на траву и закрыл глаза. А все-таки Феола, несмотря на свою вредность, права. Моя новая схема действительно расширит возможности применения кристаллов. А ведь я об этом даже не думал. Просто понадобилось сделать мой кристалл как можно более универсальным. Ну да ладно, специалисты найдут применение каждый в своей области. Пусть они и думают.

Мне же теперь пора подумать над другой проблемой. И эта проблема гораздо более неприятная, чем все предыду-

щие, вместе взятые. Так, для начала надо понять, что мне нужно для ее решения. Точнее, не так. Что мне нужно, чтобы как можно более четко сформулировать саму проблему. До сегодняшнего дня, когда сестра заявила, что почти уверена в успехе с развитием разума в кристалле, об этой проблеме я как-то даже не думал. Но сейчас, похоже, подошло время. Итак... для начала я послал несколько запросов в автоматические справочные. Получив оттуда ответ, старательно рассортировал данные. Многое осталось непонятно. Пришлось снова посылать уточняющие вопросы. Ключевыми словами я выбирал «дипломатия», «война», «империя Земли», «разведка». Снова получил массу ссылок. Быстро уяснив некоторые новые для себя понятия, я уже более четко сформулировал запрос по каждому пункту. Постепенно становилось ясно, что мне на самом деле требуется.

Прикрыл глаза и послал вызов одновременно в несколько крупнейших библиотек Солнечной. Дежурные немедленно отозвались. Кажется, они были слегка удивлены тем, что вызов идет сразу нескольким библиотекам, но вида не подали. Наверное, и не к такому привыкли.

– Здравствуйте, – поздоровался я со всеми. – Альвандер Морозов. Мне нужно сделать заказ на копии некоторых инфокристаллов.

– Это не займет много времени, – заговорил один из дежурных. – Полагаю, копии всех заказанных вами кристаллов могла бы предоставить любая библиотека.

А это уже плохо скрытый вопрос: зачем это ты столько занятых людей здесь потревожил? Только чтобы заказ такой сделать? Так его любая библиотека выполнит. Те материалы, что не окажутся у нее, – закажет.

– Дело в том, что мой заказ довольно специфичный. И боюсь, что много из того, что мне нужно, просто не окажется на инфокристаллах. Только в записях на жестких носителях времен империи Земли.

В мыслеэфире воцарилась слегка растерянная тишина.

– А что именно вас интересует?

– Я вот тут сформулировал те темы, которые мне нужны. Сейчас я брошу мыслеобраз по ним. Там у меня заказ на полную дипломатическую переписку империи с разными расами, чертежи военных кораблей империи, история контактов, карты имперской территории в период расцвета. Еще мне нужны политические и экономические атласы галактики той эпохи, военные уставы, учебники по тактике и стратегии. А также полные архивы военной и политической разведки Земли. Донесения дипломатических миссий. Далее по списку... я там коротко набросал.

– Коротко? – неуверенно проговорил кто-то.

– Понимаете, на самом деле я еще сам не знаю, что мне нужно. Сориентируюсь на месте. Большинство материалов наверняка не переведены на инфокристаллы. А читать это все в распечатке или с компьютеров той эпохи, даже смоделированных биокомпани, – займет много времени. Поэтому

я и вызвал столько людей. Мне нужны не материалы сами по себе, а их переводы в инфокристаллы. Переводы той информации – которой на них еще нет.

– Сейчас посмотрим.

Похоже, смотреть отправились все дежурные библиотек разом, поскольку я их перестал ощущать. Наконец один появился. А следом, с небольшими промежутками, появились и остальные. Они быстро обменялись результатами проверки друг с другом и договорились, кто из них будет отвечать.

– Значит, так. Все архивы по дипломатической переписке той эпохи и архивы разведок на инфокристаллы переведены. С ними много работали историки. С уставами сложнее. Ими интересовались мало. Остальное придется записывать. Чертежи... их никто и не пытался переводить. Зачем? Никто же после изоляции такие корабли не строил.

– Тогда примите заказ. Те материалы, что у вас уже есть на инфокристаллах, перешлите мне, а остальные постарайтесь подготовить в течение двух недель.

– Двух? Гм... Наверное, можно выполнить заказ за такой срок, если подключить дополнительных людей. Но...

– Если необходимо, подключайте. Мне действительно нужна эта информация.

– Очень хорошо. Тогда мы оформляем ваш заказ. Оплачивать будете сейчас или после исполнения?

– Как вам будет удобнее. Мне все равно.

– Тогда, наверное, после выполнения. Мы ведь пока не

знаем, как распределяться ваши заказы по библиотекам. А в конце все станет ясно.

– Спасибо. В таком случае я жду те материалы, которые уже есть на инфокристаллах.

– Заказ будет доставлен через два часа.

Еще раз поблагодарив собеседников, я отключился. Все-таки удобная вещь телепатическая связь.

Я открыл глаза. Алькор и Феола по-прежнему сидели рядом с локатором, пребывая в «нирване». Видать, путешествие по Солнечной их увлекло. А все-таки интересно, можно ли сделать локатор, который видел бы и за массивными объектами? Такая возможность лишней точно не будет. Пока все мои опыты в этом направлении закончились неудачей.

– Потрясающе!!!

Я приподнял голову: что там такого потрясающего обнаружила эта парочка? Алькор был в полном восторге. Довольная Феола ласково поглаживала кристалл.

– Я тебе что говорила? А мой братец еще нос воротит. Говорит, недоработанный.

– Ха! Если эта штука недоработанная, тогда не знаю, что ему нужно. Совершенства?

Мы с сестренкой переглянулись, одновременно вспомнив о Кристалле.

– Совершенство я уже видела, – задумчиво проговорила Феола, но тут же тряхнула головой, прогоняя все мысли о работе. – Ты просто моего брата не знаешь. Пока не добьется

идеала, будет ночи просиживать в пещере, выращивая эти кристаллы.

– Здорово!

– Здорово? – нахмурилась Феола. – Это ведь мне придется регулярно извлекать его из пещеры и за шкуру тащить домой.

– Ну... судя по тому, что я видел, – улыбнулся Алькор, – тебя отсюда тоже приходится за шкуру тащить.

Феола покраснела.

– Один раз всего было. У нас с братом совместный проект. И еще я ему помогаю писать его работу на степень магистра.

– Чего????!!!! – Я с открытым ртом уставился на сестру.

– Того! Между прочим, твое открытие с лихвой тянет на это. Так что с завтрашнего дня и приступим.

– Ни за что!!!! – возмущенно завопил я. – У меня и времени нет!!!

– Найдем, – пообещала сестренка. – Тебе это будет полезно и для работы.

– Это с какого бока??!

– А с такого. Систематизируешь все, что сейчас у тебя разбросано по сотням инфокристаллов и пергаментов. Глядишь, некоторые моменты станут более понятными.

– Это же сколько времени займет! – На этот раз возмутился я уже менее уверенно. А ведь она права.

– С помощью Василия – немного.

– Гм... Ладно, подумаем, – сдался я. – А пока хватит о

делах. К нам все-таки гость пришел.

– А мне даже интересно, – отозвался Алькор. – Что это за открытие ты сделал, которое тянет на степень магистра?

– Новый метод управления кристаллами, – нехотя отозвался я. – Но пока еще все в процессе экспериментов.

– Тогда ладно, – отозвался Алькор, видя, что я не горю желанием распространяться о работе. – Я, собственно, чего вас искал. Хотел, чтобы вы посоветовали мне, что у вас тут можно осмотреть? Я раньше из Америки никуда не уезжал.

– А ты где там жил?

– В сельве. Южная Америка территория Бразилии. Бывал на территории США.

– Серьезно? Ты вообще нигде дальше обеих Америк не бывал? – удивилась Феола.

– Не-а. Отец у меня ведь инженер. А в Бразилии сосредоточено почти все производство кристаллов и м-молекул. Не понимаю, с чего совет решил расширять производство? Куда нужно столько м-молекул?

Я пожал плечами:

– Для кораблей. Растет их производство.

– Да это я понимаю. Где еще нужны материалы подобной прочности? Разве что в разных институтах на их ускорителях и реакторах. Но эти уже обеспечены м-молекулами выше крыши, и заказов от них нет.

– А действительно, зачем строят столько кораблей? – заинтересовалась Феола.

– Не строят, – отозвался я. – Испытывают. Совет решил организовать испытания для разных конструкций. Отсюда и возросшие потребности в м-молекулах. К тому же собираются строить еще два города в космосе. Сегодня в новостях сообщали.

– А-а-а. Тогда понятно. В общем, нам предложили переселиться в ваши места. От нашего селения приехала почти половина жителей. Еще часть народу из Африки прибыла. Вчера как раз стали разворачивать завод.

– Так вы давно уже здесь? – заинтересовался я.

– Неделю уже. Только раньше мы обустроивались, вот и не ходили никуда. Потом, когда вырастили дома, стали знакомиться с соседями. А когда узнали, что в вашем селении самая сильная футбольная команда...

– Да, – заулыбался я. – Матч еще тот получился. Надо будет повторить. Эх, если бы он длился хотя бы на несколько секунд дольше...

– Тогда бы вы победили. Но на этот раз не рассчитывай, что мы поддадимся на ваши уловки. Мы вас сделаем.

– А вот это мы еще посмотрим.

– Посмотрим.

– Эй, петухи. Угломонитесь, – вклинилась Феола. – На поле проверим, кто кого сделает. А по поводу твоего вопроса – у меня есть предложение. Давайте все вместе отправимся на экскурсию по городам Европы. Можно прямо завтра и начать.

– А какие тут ближайшие города? – поинтересовался Алькор.

– Ты и этого не знаешь?

Алькор виновато развел руками:

– Мы собирались в такой спешке, что я просто не успел ничего узнать.

– Ну ладно. Вот река Сок. Приток Волги. Ниже по течению Самара. Выше Нижний Новгород. Но они сейчас занимают небольшую площадь. Это раньше они были индустриальными городами. Так что здесь все равно куда идти. Зато потом можно отправиться в Москву, Питер, Киев.

– Лучше сначала по Золотому кольцу пройтись, – заметил я.

– Разберемся. Значит, Киев, Минск, Варшава, Прага, Берлин, Париж... ничего не забыла? – покосилась на меня Феола.

– Не знаю. Ты уверена, что за один день мы осмотрим их все?

– Не успеем, так на следующий день продолжим.

– Мне бы не хотелось вас отвлекать... – неуверенно начал было Алькор. Мы с Феолой дружно повернулись к нему. Тот под нашими взглядами заерзал. – Ладно-ладно, я понял.

– То-то. А вообще, собирай всех своих и отправимся вместе. Тогда можно будет даже попросить кого-нибудь из историков побыть нашим гидом.

– Феол, ты гений! – обрадовался я. А я-то гадал, как мне

получить нужные сведения об интересующей меня эпохе. А вот такая простая мысль, как обратиться к историку, в голову не пришла. Вот болван! Ведь расцвет всех тех городов, которые перечислила Феола, пришелся как раз на эпоху империи Земли. Точнее, финальной стадии ее существования. Нижний Новгород и Самара – когда-то мощнейший производственный узел, обеспечивающий вооружением солидную часть ВКС Земли. Все это нам рассказывали на истории края. Такие же по мощности промышленные зоны находились еще в Детройте, Багдаде и Токио. Но это все сейчас неважно. Важно то, что теперь можно совместить приятное с полезным. Заодно, может, историк какую литературу по той эпохе посоветует. – Давайте завтра с утра и соберемся!

– Договорились, – обрадовался Алькор. – Тогда я победил, своим скажу. Завтра встретимся.

– Отлично.

У Феолы возражений тоже не возникло.

– Ага. – Алькор сорвался было с места, но в последний момент затормозил. – А где у вас гиперпортал?

Я быстро сформировал мыслеобраз карты нашего района и переслал его Алькору.

– Спасибо. – Через мгновение Алькор скрылся в лесу.

Феола проводила его взглядом, потом повернулась ко мне:

– Чего это ты так обрадовался экскурсии? Я думала, ты долго отбиваться будешь, ссылаясь на занятость.

– Меня заинтересовала история империи.

– С каких это пор?

– С тех самых, как ты сказала, что разум в кристалле разовьется. Но давай пока не будем об этом? Не хочу сглазить.

Сестричка подозрительно взглянула на меня, но спорить не стала.

– Как хочешь. А вот систематизацией твоих работ заняться придется все равно.

– А ты мне поможешь? – умоляюще спросил я.

– Куда ж я денусь? – вздохнула Феола. – Ладно, если на сегодня у тебя никаких планов нет, то возвращаемся домой.

– Надо только прибраться у меня немного. Заодно еще кое-что покажу.

Феола быстро прикинула по Солнцу время и кивнула:

– Давай.

Убирать тут особо было нечего. Я только разложил свои бумаги по стопкам. Если буду работать над систематизацией, то начать придется как раз с них. Первые заметки и дневники наблюдений. А к ним вот эти инфокристаллы. Все это я аккуратно упаковал и сложил у входа.

– Что это? – Феола осмотрела получившуюся кучу.

– Бумаги с моей работой. Дома просмотрю.

Попутно, прибираясь в многочисленных комнатах-пещерах, я демонстрировал сестре образцы своих экспериментов. Так что, когда мы вышли на улицу, Феола держала в руках пакет с десятком кристаллов различных размеров и форм, выключенных у меня «на память». Впрочем, все равно они

мне уже не нужны. Только место занимают.

Так мы и подошли к дому, я – с пачкой папируса и пакетом инфокристаллов, и Феола с кристаллами. У дома нас встретил отец.

– Что-то вы сегодня рано? – усмехнулся он.

– Пока в пещере нечего делать, – пропыхтела Феола, сваливая кристаллы перед крыльцом. – Наш эксперимент развивается успешно, и сейчас чем меньше к нему лезешь, тем лучше.

– Ясно все с вами. Экспериментаторы. Альвандер, там тебе заказ принесли. Целую коробку с инфокристаллами. Сказали, что ты заказывал.

– Это, наверное, из библиотеки. – Я кинулся было в дом, да вовремя вспомнил о пакете с документами. Пришлось вернуться. У себя в комнате кинул все это в угол и подбежал к стандартному ящику-хранилищу инфокристаллов. Откинул крышку. Там аккуратными рядами были уложены кристаллы с записями.

Схватив первый попавшийся, я целиком погрузился в его изучение, позабыв обо всем на свете. Все-таки хорошо, что теперь информацию можно получать напрямую образами. Представляю, сколько месяцев я потратил бы на чтение, хранись она в виде книг. Или на жестких носителях эпохи империи.

Теперь же я просто считывал содержащиеся на кристаллах образы, решив отложить обдумывание данных на потом,

когда уже буду иметь более полную картину того времени. И от чтения информации меня не смогло отвлечь даже приглашение на ужин.

Глава 6

Утро началось привычно – Феола забарабанила в дверь:

– Поднимайся!

– Ты изверг! – простонал я, хватаясь за голову. После того объема информации, который я загрузил себе вчера, удивительно, что она хоть что-то соображает. Все-таки я перестарался. Счастье еще, что не пытался усвоить полученную информацию. Вот тогда был бы действительно кошмар. Беда в том, что сделать это придется в любом случае. Иначе то, что я вчера запомнил, будет выскакивать в самые неожиданные моменты. Попробуй тогда о чем-нибудь думать, когда в голове постоянно всплывают сотни разрозненных сведений. Да еще сестренка родная подняла меня в семь утра.

– Вставай, – без тени жалости снова потребовала она из-за закрытой двери, в которую только недавно тарабанила кулаками. – Ты забыл про экскурсию? Алькор со своими, между прочим, уже прибыли.

– Изверг, – повторил я. Феола не ответила. Очевидно, уже ушла. Делать нечего, пришлось вылезать из-под одеяла и приводить себя в порядок.

Завтрак не затянулся – пришлось на ходу похватать, чего под руку подвернулось, что вызвало неудовольствие матери. Пришлось в качестве компенсации пообещать непременно отобедать.

Алькор с приятелями дожидался нас на футбольном поле. Оказалось, что с собой он привел не только свою футбольную команду, но и других ребят из своего селения. Здесь же стояли и многие наши. Судя по всему, знакомство находилось в самом разгаре. Тут и там можно было видеть незнакомых ребят, о чем-то оживленно беседующих с нашими. Здесь же околачивался и дракон Гоша, всюду старающийся обратить на себя внимание. Хотя не обратить внимания на такую тушу весьма проблематично. Он подходил к каждому незнакомому человеку, склонял голову и в своей незамысловатой манере представлялся:

– Гоша.

После чего терпеливо ждал ответа от растерянного собеседника. Подождав минуту, дракон фыркал:

– Грубиян. – После чего отворачивался и уходил. Тут кто-нибудь из наших, прекрасно знающих привычки дракона, просвещал гостя, и тот спешил исправить ошибку, представляясь по всей форме, что очень льстило дракону. – Очень приятно, – повторял он. – Очень приятно.

Тут, правда, не совсем ясно, что ему приятно. Знакомиться или то, что ему отвечают. Я думал, что последнее. А вот Феола, когда я высказал это предположение, обозвала меня черствым, бесчувственным человеком.

– О, а вот и профессор. – Феола махнула рукой незнакомому мне человеку в какой-то странной одежде. Представляла она собой что-то типа короткой куртки черного цвета.

Вот только сзади зачем-то приделаны два длинных нелепых хвоста. Такие же черные брюки, и ботинки блестящие, словно отполированные. Рубашка белая и на вид жесткая, как из бумаги, с таким тугим воротничком, что даже глядеть страшно. Я как все это увидел, мне чуть плохо не стало. Это как же сквозь всю эту груду одежды энергию получать? Человек в нее словно в доспехи закован. На свободе оставались только ладони и голова.

Незнакомец в ответ на приветствие Феолы слегка поклонился и направился к стадиону под общими удивленными взглядами.

– Вижу, мои юные друзья, вы удивлены моим видом, – улыбнулся профессор. – Надеюсь, вы все поймете чуть позже. Пока же разрешите представиться – профессор истории Танаки Соарт. С уважаемой Феолой Морозовой я уже имею честь быть знаком. Вчера вы были весьма настойчивы и убедительны в своих просьбах провести с вами экскурсию.

Феола покраснела. А профессор перевел взгляд на меня:

– А вы, я полагаю, брат Феолы – Альвандер? Она весьма красноречиво поведала мне о ваших замечательных талантах.

Теперь покраснел я, а профессор уже общался с Алькором, который стоял рядом со мной. Так он познакомился со всеми.

– А меня звать Лука! – вдруг раздался радостный голос.

Ну конечно, как же без него? Чтоб он и пропустил такое

событие? Странно только, что первым не вылез. Проспал, наверное, и опоздал.

– Очень рад нашему с вами знакомству. Теперь настало время ответить на вопрос, который, как я полагаю, у многих вертится на языке. Я не псионик. Правильнее сказать, очень слабый псионик. Все, что могу, – это пользоваться кристаллами. – Профессор ловко извлек из нагрудного кармана кристалл и продемонстрировал его нам.

Я невольно посочувствовал ему. Я, конечно, знал, что есть люди, довольно слабые в пси. С каждым новым поколением их становилось все меньше и меньше, но такие все же оставались. И обычно они шли в техники. Никого из них до этого встречать мне не приходилось. И я почему-то считал, что они специально прячутся, стыдясь своего уродства.

– Ага, я вижу, кое-кто уже начал сочувствовать мне, – усмехнулся профессор, глянув на меня. Феола тут же вlepила мне мысленно подзатыльник. Я же был так смущен, что даже не огрызнулся. – Не стоит, ребята, поверьте. Конечно, в нашем нынешнем мире это не совсем удобно, но ко всему можно привыкнуть. А заниматься любимым делом мне это ничуть не мешает. К тому же я всегда могу воспользоваться кристаллами.

Кристаллы – это как костыли. Они могут делать все то же, что человек делает с помощью пси-сил. Но когда ты не чувствуешь работы... Поэтому я всегда предпочитаю, если есть возможность, делать все только мыслью, без использования

кристаллов. Тем более что это и тренировка хорошая. Кристалл же всего лишь инструмент. Работает четко и точно, но и только.

– Вот и хорошо. Если все готовы, то давайте начнем нашу экскурсию...

– А откуда мы начнем? – спросил кто-то из наших гостей. – С Москвы?

– Почему же обязательно с Москвы? Чем плохо это место?

– Это место? – растерянно спросил Мишка, оглядываясь. Я тоже заозирался, вместе со всеми. Футбольное поле. В стороне холм, на котором расположено наше селение. И лес кругом.

– Именно это место. Как я понял уважаемую Феолу, вас особо интересуют события пятитысячелетней давности. Время до установления Барьера.

– Точнее, время последней войны, – вставил я.

Профессор с интересом глянул на меня.

– Любопытно, почему вас интересует именно это время?

– Ну... ведь именно та война явилась переломным моментом для всей нашей цивилизации.

– Что ж, хорошо. Пусть будет так. Полагаю, что основные сведения о той эпохе вам известны.

– А нам еще не рассказывали про это, – призналась Вера-Вероника. – Мы пока прошли только историю докосмического человечества.

– О, прошу прощения, госпожа Вера. Как я мог забыть. –

Профессор искренне огорчился. – Тогда давайте сделаем так. Я просто буду рассказывать. Даже если вы это уже проходили, все равно полезно будет послушать повторение. Есть возражения?

Возражений ни у кого не было.

– Тогда приступим. Вот с этого самого места и начнем нашу экскурсию. Это сейчас здесь лес. А в те времена, пять тысяч лет назад, тут располагался один из крупнейших промышленных центров Империи Земли. Этот комплекс тянулся на всем протяжении от Самары до Нижнего Новгорода...

По мере рассказа профессора я почувствовал, как сознание словно поплыло, увлекаемое речью Танаки. Ого, а похоже, будет интересней, чем я думал. Не сопротивляясь, я дал себя увлечь потоку слов. И вот уже передо мной развернулась грандиозная картина. Лес и поле исчезли. Мы все словно парили в воздухе, а вокруг, насколько хватало глаз, простирались забетонированные дороги, нескончаемым потоком неслись летающие машины – грузовые флаеры, вспомнил я картинку из учебника истории. Высоченные дома из пластика и стекла. Чахлые газоны, вкрапленные то тут, то там между домами. Они казались чужеродными элементами, непонятно как очутившиеся в царстве металла, стекла и пластика. И везде куда-то спешили люди.

– Так выглядело это место пять тысяч лет назад, в эпоху последней войны. Один из арсеналов империи. Здесь выпускались истребители. Впрочем, вы ведь, наверное, не знаете,

что такое истребители.

– Класс легких военных кораблей, предназначенный как для сражения в космосе, так и в атмосфере планет, – выдал я непонятно откуда всплывшую в голове информацию. От, зараза! Все-таки прорвались эти чертовы знания.

– Верно, – отозвался профессор с легким удивлением. – Вот уж не думал, что кто-то настолько сильно интересуется той эпохой.

– Я только вчера читал об этом, – ответил я.

– Понятно. Однако, Альвандер, сведения о военных кораблях можно встретить только в весьма специфической литературе. Но все же продолжим. Такие корабли здесь и выпускали. Кроме истребителей здесь еще строили корабли классом помощнее: корветы, десантные корабли, разведчики. И детали для линкоров и разрушителей. Такие корабли собирались уже на орбите. Альвандер, может, ты знаешь, что такое линкоры и разрушители?

Я только покачал головой. Слова незнакомы, и никаких сведений больше не всплывало.

– Линкоры – класс космических кораблей, предназначенных для эскадренного боя с основными силами противника. А разрушители создавались для штурма космических крепостей. Корабли с огромной разрушительной мощностью и защитой. Но не думаю, что всем это будет интересно.

Иллюзия рассеялась, и мы вновь оказались на стадионе.

– Вот так выглядело это место пять тысяч лет назад.

– Жуть, – выразил всеобщее мнение Алькор. – Жаль, нельзя почувствовать в этой иллюзии эмофон. Интересно, что тогда ощущали люди и как они могли жить среди всего этого стекла и бетона.

– Многие историки тоже горюют по этому поводу, – ответил профессор. – Увы, но в то время инфокристаллы еще не придумали. Да даже если бы и придумали, то псиоников тогда можно было по пальцам пересчитать. Так что приходится довольствоваться видеоизображениями. А сейчас перемещаемся в Москву.

Танаки сделал вызов на спутник гиперпортала. Локальный сельский гиперпортал принял сигнал, на миг вокруг все потемнело, а когда снова стало светло, вся наша компания оказалась у границы исторического центра города. Было немного странно видеть по эту сторону утопающие в зелени невысокие дома в пять этажей максимум, а по ту гигантские небоскребы с подвесными дорогами между ними, площадками приема летательных аппаратов, покрытые строительным пластиком дороги. С этой стороны жизнь буквально была отовсюду, а с той царила тишина и покой. Покой сна. Словно все разом уснуло. Под стазис-полями, закрывающими центры всех крупных городов планеты, любая вещь могла храниться почти вечно.

Из-за деревьев к нам шагнула молодая девушка.

– Здравствуйте, – поприветствовала она нас с улыбкой. – Я Страж Москвы Хранительница Тайя. Танаки, рада вас ви-

деть. Опять с экскурсией?

Мы все дружно поздоровались. Профессор смущенно кивнул девушке:

– И я тебя тоже, Тайя. Вот, ребята изъявили желание поближе познакомиться с историей.

– Это хорошо. – Девушка улыбнулась всем нам. – Историю надо помнить. Хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок. Я сейчас принесу кристаллы, и вы сможете пересечь границу.

Вернувшись, она каждому из нас вручила по кристаллу на шнурке.

– Надевайте на шею. Тогда вы сможете свободно перемещаться в стазис-поле.

С кристаллом антистазис-поля мне еще иметь дело не приходилось. Выиграл профессиональный интерес, и я самым внимательным образом изучил структуру врученного мне кристалла. Очередное подтверждение истины, что все гениальное – просто. Я-то думал, тут что-то навороченное... а здесь три с половиной связки. И ведь работает. Я надел кристалл на шею и активировал его.

Из-за своего любопытства я оказался последним – все остальные находились уже за границей поля. Смущенно улыбнувшись Хранительнице, я бросился догонять друзей. Феола сердито показала мне кулак, но от воспитательных бесед воздержалась.

– Вот мы и в Москве, – заговорил профессор. – Столице

территории в составе федерации под названием Россия.

– Профессор, а откуда взялись эти территории и названия? – поинтересовалась Вера. – Алькор вон говорит, что он с территории Бразилия. Мы на территории Россия.

– На самом деле все просто. Это названия когда-то существовавших стран. Если есть желание, то можно в библиотеке взять политический атлас той эпохи и посмотреть, где пролегли границы. Когда же произошло объединение планеты, то территории стали называться как ранее располагавшиеся здесь страны. Главным же городом планеты стала Женева. Там располагалось правительство Земной федерации. Мы с вами непременно побываем на том месте. И пусть это послужит всем вам уроком.

Женева. Даже спустя пять тысяч лет не было на Земле человека, кто не слышал про этот город, уничтоженный почти случайно прорвавшейся сквозь земную оборону вражеской эскадрой. Как раз перед появлением Барьера.

В Москве мы с сестрой уже бывали. Но все равно эта экскурсия для нас оказалась не менее интересной, чем для других. Сведения, сообщаемые профессором, были более глубокими и полными, чем на обычной экскурсии.

Город мы рассматривали с высоты птичьего полета, каждый раз останавливаясь над каким-нибудь историческим зданием или местом. МГУ, Останкинская башня, Воробьевы горы... Вообще, эти старые города еще до космической эпохи очень интересны: чем ближе к центру – тем ниже зда-

ния. Если на границе стазис-поля стояли громады в сто и более этажей, то к центру высота домов снижалась до двенадцати-шестнадцати. В самом же центре располагался приземистый на фоне окружающих гигантов Кремль. Тут мы задержались надолго. Даже прошли внутрь Алмазного фонда и Оружейной палаты. Красота холодного оружия буквально заморозила меня. В прошлый раз с сестрой мы так сюда и не попали, но сейчас... Нет, понятно, что это оружие создано для убийства и многое из этой коллекции даже участвовало в боях. Но стазис-поле мешало мне прощупать эмофон клинков, а их суровая красота замораживала. Надо будет обязательно добыть книги о холодном оружии и прочитывать о нем подробней. Из Оружейной палаты я уходил очень неохотно.

Следующим городом нашей программы оказался Санкт-Петербург. И опять сначала внешний осмотр города: Петергоф, Петропавловская крепость, Кронштадт, а потом уже более подробное знакомство. Эрмитаж, Исаакиевский собор, Зимний дворец. Интересно, как жили цари в этих хоромах? Прекрасных, но холодных даже в красоте. Жаль, что нельзя прощупать эмофон. Эти стены, наверное, смогли бы многое рассказать о тех временах. И возможно, после этого дворцы уже не казались бы мне такими прекрасными, если верить тому, что нам рассказывали на уроках истории. Сколько тайн хранят стены Михайловского замка? А камни казематов Петропавловской крепости? Нет, наверное, все-таки хорошо, что нельзя чувствовать гнев, боль и отчаяние истории.

Остались лишь древние стены, по которым можно провести рукой, да сухие строчки учебников и энциклопедий.

В последующие несколько часов мы побывали в бывших столицах практически всех европейских территорий. Или, как называл их профессор, – стран. Женеву профессор оставил напоследок. Уже ближе к вечеру мы оказались над огромным озером. Его спокойствие под стазис-полем казалось неестественным, и в нем совершенно не чувствовалось жизни. Для земных водоемов это практически невозможно, но...

– Вот здесь когда-то и стояла Женева – столица федерации Земли, – заговорил профессор, прервав тягостное молчание. – Эскадра из трех кораблей прорвала оборону земных станций. Они успели сделать только один залп. От города и его жителей осталась лишь раскаленная лава на дне огромной воронки. Со временем разлом заполнился водой и превратился в озеро. В память о тех жертвах это место закрыли стазис-полем. Озеро обречено вечно оставаться мертвым среди живых.

Мы подавленно молчали. Это было неестественно и страшно.

– Но за что? Почему? – всхлипнула Вера-Вероника.

Профессор повернулся к ней:

– Вины наших предков в том, что здесь произошло, не меньше. Они начали эту войну. Они получили ответ. Что посеешь....

Уже когда мы вернулись в селение и сидели на поляне вокруг костра, а рядом лежала запеченная на углях картошка, я подсел к профессору:

– Профессор...

– Называй меня Танаки, Альвандер. Ты что-то хотел спросить?

– Да, про... Танаки. Почему нам говорят об истории имперской Земли, эпохи империи, а вы говорили о Федерации Земли? Разве в то время правил не император?

Профессор рассмеялся:

– Нет конечно. Тут возникает обычная путаница в понятиях. Почему-то все полагают, что империей обязательно правит император. Но вот существовала когда-то Британская империя, а правил ею король. Или вот американская империя. У них даже королей не было – правили президенты, которые избирались голосованием на четырехлетний срок. Так что в терминах той эпохи империя означает прямое или косвенное господство одного государства над другим...

– Гм... – я озадаченно посмотрел на профессора. – Вы говорили, что раньше территории назывались странами или государствами. Но как одна территория может властвовать над другой?

Танаки растерянно посмотрел на меня:

– Как бы попроще объяснить... Государства того времени – это не только некоторая территория. Но и власть прави-

тельства над жителями этой территории. Она устанавливала законы, по которым жили люди. Следила за их соблюдением, обеспечивала некоторый набор услуг, которыми люди не могли обеспечить себя сами. Это понятно?

– В общих чертах. Но все равно непонятно с властью.

– А тут еще проще. Каждая такая власть, которую обеспечивают определенные люди, стремилась расширить свои полномочия и на другие группы людей с той или иной целью. Чем больше людей в подчинении – тем больше власть. Потом еще стремление захватить контроль над ресурсами, находящимися на той или иной территории.

– А не проще их купить?

– Проще. Но ведь продать их могут и врагам. Значит, лучше захватить их под свой непосредственный контроль. Я, конечно, объясняю очень схематично. На самом деле все не так примитивно. Но суть в этом. И вот страны, обеспечивающие контроль территорий, которые ими завоеваны прямым военным путем или подчинены другим способом, и называли империями. Таким образом, Землю того времени можно смело назвать империей, поскольку она контролировала кроме собственных территорий, куда можно включить планеты Солнечной системы и колонизированные планеты дальнего космоса, еще и территории других рас. Две из них находились под полным экономическим контролем Земли. Собственно, и война та началась за захват новых территорий.

Жуть. Мы это все изучали по истории, но нам преподава-

ли несколько... мягче, наверное. Танаки же совершенно откровенен и не пытается приукрасить действительность. Все-таки нужно побольше узнать о той эпохе. Понять взаимоотношения рас.

– Только не надо так огорчаться подобным поведением предков, – заметил мое состояние профессор. – Поверь, остальные расы тоже были отнюдь не ангелы. И тоже стремились урвать себе кусок пожирнее.

– Это оправдывает наших предков?

– Нет. Это помогает их лучше понять. Стоит учесть еще тот факт, что сразу после выхода Земли в космос были крупные столкновения с агрессивными расами.

– Ой, я помню, нам об этом говорили, но как-то вскользь.

– Вот это и плохо. После того как Земля проиграла свою войну и вокруг четырех планет появился Барьер, мы стали во всем винить себя. Это понятно, гораздо проще принять «заслуженное» наказание. Но намного лучше все-таки знать всю правду. Такую, как она есть. После тех боев наши предки стали активно закупать военные технологии у других рас. Стали расширять жизненное пространство, обеспечивая защиту. Только в один момент разумная забота о безопасности превратилась в неразумную. Так обычно и бывает, когда благие намерения перешагивают некоторую границу и обращаются в свои противоположности. Требуется очень большая мудрость, чтобы удержаться в рамках. Наши предки, увы, не сумели этого сделать.

– Кажется, я понял... Все-таки надо побольше прочитать о том времени.

– Такой интерес похвален, хотя и несколько необычен. А могу я задать тебе один вопрос?

Я насторожился.

– Да, конечно.

– Ты знаешь, что такое истребители, и я заметил твой интерес к холодному оружию в Оружейной палате. Тебя интересует оружие?

Гм... ожидал какого угодно вопроса, но только не это. И что отвечать? Не говорить же, что меня все это интересует только как составляющая возможной модели мира за пределами Барьера? Тогда придется объяснять, зачем это нужно. Наверное, придется сказать правду... но не всю.

– Понимаете... я вот о чем думаю. Если Барьер возвели наши враги, то они могут снова появиться здесь. Как я читал, пригодные для жизни планеты ценились во время активной колонизации очень высоко. А тут целый мир. Может быть, о нас и забыли окончательно за пять тысяч лет, но полагаться на это не стоит.

– Вот, значит, как? – Профессор выглядел задумчивым, а я никак не мог понять его состояния. – Вот что, – Танаки поднял голову, достал из нагрудного кармана небольшой инфокристалл и протянул его мне, – сделаем так... Здесь не совсем подходящее место и время для серьезного разговора. Вот тут записан адрес одного человека, который также ин-

тересуется подобными вопросами. Он большой знаток того времени и всего, что к нему относится. Думаю, тебе интересно будет с ним встретиться.

Я принял инфокристалл и повертел в руках, с трудом поборов соблазн немедленно считать с него информацию. Интересно. И непонятно. Ну ладно, если этот человек действительно такой специалист, то разговор с ним и правда может быть полезен.

– Спасибо, профессор. А он тоже историк?

– Гм... как бы это сказать поточнее... Он скорее практик.

– Практик? Это как?

– Это лучше увидеть. Объяснить, боюсь, не смогу.

– Ну... хорошо. Обязательно навещу его. – Слова профессора звучали загадочно и крайне меня заинтриговали.

– Вот и хорошо. Только прошу, сообщи мне, когда соберешься. Если не возражаешь, мне бы хотелось присутствовать при вашем разговоре.

Все страньше и страньше.

– Да, никаких проблем. Конечно, сообщу.

– Договорились. – Танаки отвернулся и с энтузиазмом включился в спор по поводу недавно прошедших соревнований по футболу. Оказывается, он ярый болельщик. Я же остался сидеть с инфокристаллом с адресом. Еще раз изучил его со всех сторон, а потом махнул рукой. Ладно, разберусь. Сунул его в кошель на поясе и потянулся к запеченной картошке.

Утром меня никто не будил. Хорошо-то как. Но тут я вспомнил о своих планах на этот день, и мне стало уже не так хорошо. Это же надо дать обещание сестренке начать работу над диссертацией! О чем я думал? А вот и она, легка на помине.

– Ты еще не взялся за работу? Кстати, как ты думаешь назвать диссертацию?

– Длинно и умно, – хмуро буркнул я. – Чтоб никто не догадался, о чем она.

– Ужасно остроумно. Я же серьезно спрашиваю.

– Не знаю еще. Распределенные системы управления, наверное. Как-то так. Подумаю. Феол, сначала сделать надо, а потом уже название искать.

– Ну думай. Только недолго. – Не желая тратить время на такие вещи, как открывание дверей, Феола взмыла в воздух и вылетела в раскрытое окно. Я проводил ее сердитым взглядом. Небось с подружками куда-то помчалась. А мне теперь что остается?

Делать, однако, нечего. Надо приниматься за работу. По крайней мере, хотя бы начать.

– Мне тут Феола сказала, что у тебя намечается глобальный труд, – встретил меня отец, когда я спустился вниз.

– А что она еще сказала? – хмуро поинтересовался я.

Отец чуть приподнял бровь и изучил меня с ног до головы.

– Ничего. Только предупредила, что тебе может понадо-

биться Василий.

– Ой, а ты мне можешь его дать на время?

Отец вздохнул.

– Ну, он мне не принадлежит. Так что если сумеешь его уговорить заняться твоим делом...

– Ага! – обрадовался я, выскакивая за дверь, даже не дослушав отца. До меня донесся его смешок.

Васька тихо и мирно покоился на столе в отдельной комнате и притворялся пнем с вставленным в него кристаллом.

– Вась, привет, – послал я мыслеобраз.

– Здравствуй, Альвандер, – сухо приветствовал он меня. – Слышал, тебе нужна моя помощь? Конечно, только тогда ты обо мне и вспоминаешь, когда нужен старый ворчливый биокомп. А ведь я тебя, можно сказать, вырастил. Пленки менял...

– Только не надо о пленках! – взмолился я. – Эту душе-раздирающую историю я слышал от тебя неоднократно. Ты лучше прямо скажи – поможешь или нет?

– В данный момент имеем тридцать четыре процента свободных ресурсов. Из них могу выделить тебе, заметь, исключительно из личных симпатий, шесть процентов. Целых шесть процентов моих почти безграничных возможностей.

– Предел безграничных возможностей смотри в спецификации на странице... На какой, кстати, странице?

– Да ну тебя, – Васька демонстративно надулся. – Я тут от щедрот своих...

– Ладно-ладно. Когда я могу начать работу?

– Да вот прямо сейчас и можешь.

– Тогда я за инфокристаллами.

– Стой! Что хоть мы делать будем?

Я объяснил. Васька секунды три молчал, что для биокомп-па очень и очень много.

– Вот уж не ожидал от такого разгильдяя, как ты. Мне даже интересно стало. И если твоя работа окажется интересной, то так и быть, я тебе еще процента два накинута.

– Сейчас оценишь, – пообещал я. – Только пока эта информация не для общего пользования. А то знаю я тебя. Растреплешь друзьям по всей Солнечной.

– Я никогда личные дела своей семьи не обсуждаю. А это твоя работа. И только ты можешь принять решение о ее разглашении. – В мыслеобразе Васьки ощущалась уже непри-творная обида.

– Извини, Вась, – с искренним раскаянием переслал я ему свой мыслеобраз.

Василий не ответил. Интересно, почему комп выбрал себе такое имя? Звучало совершенно не солидно, но нравилось оно ему. А каково мне? Когда друзья спрашивали, как зовут наш биокомп, что я должен отвечать? Василий? И это перед их Электронами, Мыслителями и другими. Был даже IBM. Как он мне говорил, в честь создателей компьютеров. Аббревиатура, собранная из первых букв их имен.

Я специально рылся в справочнике, но не нашел людей с

такими инициалами среди создателей компьютеров. Наверное, это очень древняя история. Но звучало все равно красиво. А тут Васька. Как кот...

Ящик с инфокристаллами я взгромоздил прямо на стол.

— Я буду давать тебе кристаллы по порядку. Так тебе легче разбираться. Поэтому запоминай их порядок.

— Принято. Давай первый.

Я открыл коробку и достал кристалл. Аккуратно пристроил его в выемку на биокомпе. Кристалл слабо мигнул.

— Считано. Следующий.

Я убрал его назад в ящик и достал второй.

— Считано.

В общем-то, муторно и скучно. Кристаллов много. Я никогда не систематизировал их и просто сбрасывал все дневные события, которые так или иначе касались моего проекта. Здесь и спецификации кристаллов, и мои рассуждения, и результаты экспериментов. Даже мои мечты о том времени, когда наконец-то удастся преодолеть Барьер.

Тут я заметил, что уже давно не воспринимаю эмофон биокомпа. Где-то после десятого кристалла он вдруг закрылся и теперь просто считывал записи. Только когда я мешкал со следующим кристаллом, он чуть приоткрывался и слал мне нетерпеливый мыслеобраз. Я удивленно уставился на Ваську. Он опять приоткрылся на мгновение и послал сигнал о готовности принять следующий кристалл. Но на этот раз я призыв проигнорировал. Проигнорировал и следую-

щий призыв. Наконец Васька не выдержал:

– Ты чего?

– Это я хотел спросить – ты чего? Чего закрылся?

Васька помолчал.

– Я анализирую, – признался он. – Я отключил почти все задачи, которые можно остановить, и выделил восемьдесят процентов ресурсов на анализ. Сейчас работаю на пределе.

– А как же шесть процентов? – удивился я.

– Что?!!! – в мыслеобразе биокомпа появилось такое возмущение, что я даже попятился невольно. – Он тут подсывает мне натуральную сверхновую и думает, что я ограничусь жалкими шестью процентами ресурсов?! Слушай, давай потом поговорим, подавай инфокристаллы!

Я пожал плечами. Чего это с ним? Впрочем, сам потом объяснит. Когда проанализирует. Я потянулся за очередным кристаллом. Блин, надо бы купить устройство параллельной записи. Там сразу информацию с нескольких сотен кристаллов можно передавать в память. Только раньше оно как-то без надобности было. Ладно, сейчас отмучаюсь, а дальше легче будет: по одному – два в день, не больше.

Наконец последний кристалл. Я отнес коробку обратно в комнату и вернулся к компу. Но тот на все мои запросы отмалчивался. Я рассердился.

– Ах, так! Ну, погоди! – Я сосредоточился и стал слать импульс за импульсом.

– Ай! Ты чего? Больно же.

– А кто обещал, что выделит мне ресурсы для работы?

– Ну погоди немного, мне проанализировать надо...

– Знаешь что...

– Понял. Ладно-ладно, не сердись. Работай.

– Спасибо, – со всем возможным сарказмом отозвался я, усаживаясь перед биокомпом. Тот сарказм проигнорировал. Как и мои слова. Ну и фиг с ним. Я устроился в кресле поудобнее, закрыл глаза и послал ключ-код в кристалл, вживленный в биокомп. И в тот же миг оказался внутри. Васька, правда, до предела ограничил пространство, но мне много и не надо – доступ к данным и возможность их сортировать.

Итак, приступим... Первым делом я последовательно исключил все намеки на свой основной проект и стал вызывать информацию о распределенных системах. Это будет вступлением. Я заново переформировал мыслеобразы, скомпоновав их так, чтобы получился связный рассказ. Первый эпизод: я мучаюсь над проблемой, которую никак не удастся решить обычными средствами...

Стоп. Что за проблема может быть? Упомянуть основной проект пока не хочу... Ладно, неважно. Скажем, мне потребовался сложный кристалл, который необходимо регулярно обновлять по мере необходимости. Итак, я мучаюсь над этим проектом, но кристалл сложный. Вносить изменения после завершения роста невозможно, а выращивать заново долго. Вот мне приходят первые идеи. Что такое сложные кристаллы? Набор программ, работающих согласованно в одном

кристалле. То есть любой сложный кристалл можно представить как набор простых. Компонуя их, можно получить объект любой сложности. И вот с этой мысли началась моя работа над проектом распределенных систем. Уф.

– Вась, сформируй по моему рассказу инфообраз.

Васька, удивительное дело, спорить не стал и выполнил просьбу моментально. Я еще раз прослушал собственный рассказ, корректируя его по ходу. Вроде нормально. Теперь распечатать и еще раз прочитать, уже словами. Сухо, конечно, неинформативно, но рассказ обязательно должен быть читабелен и на бумаге. Не знаю уж, почему предъявляют такие требования в комиссии, но раз есть правила, надо их соблюдать. Так, но прочитаю я его потом. Дальше первая часть. Эксперименты.

Я продолжил формирование образов. Но теперь это уже не просто рассказ. А выдержки спецификаций, поясняющие мои мысли, описание экспериментов, отсылки к выращенным мной кристаллам. Надо будет потом их тоже систематизировать соответственно тем ссылкам, что я сейчас создаю. Собственно, лично мне это и не требовалось. Я и так помнил каждый свой эксперимент так, словно делал его вчера. Еще бы... ведь за каждым из них стояли часы непрерывной работы, бессонные ночи и спецификации готовых кристаллов, снящиеся мне по ночам. На этот раз работа продвигалась медленно. Каждое утверждение следовало доказывать либо экспериментально, либо теоретическими расче-

тами, если провести эксперимент невозможно по какой-либо причине. Но самостоятельно я расчеты делал редко. Если видел, что практикой проверить нельзя, а вычисления сложны, то просто отсылал начальные условия в институты, где мне и проводили все расчеты. Их я и прикладывал к своей диссертации с соответствующими ссылками и пояснениями.

Увлечшись работой, я не сразу сообразил, что кто-то усиленно пытается достучаться до моего сознания. Нехотя я оторвался от процесса.

– Наконец-то, – принял я недовольный мыслеобраз сестры.

– Сама настаивала, чтобы я начал работу, – буркнул я.

– Правильно. Но ведь не пять часов подряд. Ты не забыл, что нам надо кристалл проверить?

– О шшшшшшшорт.... Вась, сохрани то, что я накропал.

– Сохранено, – кратко отозвался биокомп и снова пропал.

Интересно, что там можно анализировать так усиленно?

Я отключился и вскочил с кресла:

– Побежали.

– Оглашенный, – крикнула Феола мне вслед, когда я проскочил мимо нее. – Может, сперва поедим, чтобы потом родители нас не дергали? – Я затормозил.

Есть – это отрываться от работы. Не хочется, но придется. Иначе потом обязательно оторвут от важного дела. Поэтому пришлось слегка изменить вектор движения в направлении помещения для приема пищи...

Брррррр. Что сейчас сказал? Вот диссертация чертова. Еще неделька, и начну таким образом с друзьями изъяснять... тьфу... говорить. Они посмеются, а мне каково?

– Согласен! – прокричал я в ответ.

За столом я вертелся как на иголках под осуждающими взглядами родителей.

– Спасибо, все было очень вкусно! – успел крикнуть я, закончив обед и выскакивая из-за стола. Что там мне ответили, я уже не слышал.

Сестра догнала меня уже у входа в пещеру.

– Ну и куда ты так рванул? Поверь – лишние пара минут ничего не решат. Пока разум в кристалле более-менее не разовьется, нам остается только ждать.

– Пусть.

Как Феола и говорила, ничего делать практически не пришлось. Я еще раз обследовал состояние Кристалла Альвандера (придумала же сестра названьице!), скинул результат на инфокристалл и сунул его в кошель, чтобы дома сгрузить информацию Ваське. Пробежался по вспомогательным работам, но и здесь все в порядке. Действительно, остается только ждать. Поэтому из пещеры я вышел недовольный.

– Альвандер, Феола, а я вас ищу! – К нам бежал Лука. – Наши собираются к эльфам за ягодами. Вы пойдете?

– Гм... – я задумался. – Вообще-то, я еще поработать хотел.

– Поработать? – Лука уставился на меня как на сумасшед-

шего. – А где ты, кстати, все утро пропадал?

– Да вот, Феола захотела стать сестрой не просто мастера-кристалловеда, а магистра кристалловедения.

– Это что ты сейчас сказал?!

О, идиот! Я, понятно.

– А это далеко? – поспешно спросил я друга.

Тот сразу все понял.

– Думаю, сразу не найдет.

– Тогда полетели, быстро!

– А ну стой, Альвандер!!! Я тебе сейчас устрою! Стой, кому говорю!

– Да я просто пошутил! Феол, ну пошутил я, ты что, шуток не понимаешь?! А-а-а! Не надо меня в воду макать! В воду не надо!!!

– Воображала, – фыркнула Феола. И уже более спокойно продолжила: – Между прочим, я тоже начала работу над диссертацией.

Мы с Лукой одновременно повернулись и зависли прямо перед ней. Феола попыталась облететь неожиданное препятствие, но не тут-то было.

– О чем?

– О чем, о чем. Чего встали? Сращивание кристаллов и живых клеток. Вот о чем. – Феола посмотрела на меня. – Полагаю, что за полгода материала наберу. Ты не возражаешь?

– Гм... я подумаю над вашим предложением.

– Альвандер!!!

– Ладно-ладно. Конечно, не возражаю. – Попробовал бы я возразить. – Но ты ведь понимаешь...

– Дерри, не надо очевидных вещей говорить. Никто ничего не узнает до завершения проекта.

– Ну вы даете, ребята, – удивился Лука. – А что у вас за проект совместный?

– Ты же слышал, – ответил я. – Феола исследует возможность сращивания живой материи и кристаллов. Я, если ты помнишь, мастер-кристалловед, а ей для работы нужны кристаллы. И не просто кристаллы, а выращенные особым образом.

– Понятно, – отозвался Лука, явно ничего не поняв. – О, а вон и наши на поляне.

– Ну наконец-то! – встретил нас дружный крик. – Дерри, Феол, вы где пропадали?

– Не поверите, – тут же сдал нас Лука. – Они пишут диссертации на получение звания магистра.

– Класс! – восхитился Мишка. – Ребя, всем молчать! Никаких вопросов! А то неинтересно потом будет. Но мы, чур, первые слушатели.

– Договорились, – облегченно вздохнул я. Все-таки Мишка классный парень. Сразу все понял и нас спас. Ребята, правда, недовольно загудели. Всем хотелось узнать все и сразу.

– Ну ладно, пойдем тогда, – потащила меня за руку Вера-Вероника. – Но ты не забудь! Мы первые читаем.

– Вер, ну там же скучно. Это же не художественный инфообраз.

– Но ведь это же твой инфообраз.

М-да. Умеет девчушка смутить. Феола хихикнула и ткнула меня в бок. Я сделал вид, что ничего не понял и ничего не почувствовал.

Эльфы встретили нас недалеко от своего селения.

– А-а-а, наконец-то, – радостно приветствовал нас Эльдар. – Мы уже заждались вас, клянусь Профессором.

– Это все из-за Альвандера и Феолы, – пожаловались на нас. – Мы их долго искали.

Эльдар укоризненно посмотрел на меня. Я только руками развел. Так получилось, извини. Эльдар был моим ровесником и заводилой среди своих. Большинство проказ исходило от него. Порой их жертвами становились и мы с Феолой. Хотя такие шутки были чреватые, ибо месть следовала незамедлительно, а как псионики люди сильнее эльфов. Так что на каждую удавшуюся проказу Эльдара приходилось три неудавшихся. Но его такое соотношение ничуть не смущало, и эльф усиленно оттачивал мастерство, уже переходившее в совершенство. Эх, эту бы энергию да в мирных целях...

– Ульвин нашел потрясающую грибную поляну. Сами увидите. Заодно покажем вам наше озеро. Мы недавно закончили очистку. Посмотрите, во что превратилось то болото. Помните, в прошлом году мы там были? Теперь вы и не узнаете те места.

– Эльдар, кончай болтать, – добродушно посоветовал Мишка. – Лучше показывай.

«Альвандер».

– Что? – Я не сразу сообразил, что имя прозвучало у меня в голове. Феола недоуменно повернулась ко мне. Я успокаивающе махнул ей рукой. – Кто-то вызывает меня. Идите. Я сейчас поговорю и догоню вас.

Феола кивнула и умчалась.

– Я слушаю. Кто это?

– Это Танаки Соарт.

– А-а-а, профессор! – искренне обрадовался я. – Очень рад вас слышать. Что случилось?

– Ты помнишь, я тебе вчера рассказывал о знакомом, которого тоже интересует история человечества до Барьера?

– Это который не историк, а практик?

Профессор хмыкнул.

– Верно. Понимаешь, он завтра улетает на неделю. А я бы очень хотел, чтобы ты с ним встретился до его отлета. Я ему рассказал о тебе, и он заинтересовался. Ты не мог бы прямо сейчас отправиться к нему? Если, конечно, ничем не занят.

– Я... – Я задумался. А чем, собственно, я занят? За ягодами иду? Так я и на той неделе за ними ходил, и на следующей пойду. Тут же явно что-то интересное наклевывается. – Хорошо, профессор, я готов.

– Вот и хорошо. Жду тебя через полчаса. – Танаки скинул мне мыслеобраз с картой местности.

– Ага, понял. Спасибо.

Связь прервалась. Я еще некоторое время постоял, а потом бросился вдогонку за друзьями. Феола обидится. Наверняка обидится.

Глава 7

Через гиперпортал я переместился почти к месту, которое, хоть ни разу не видел, узнал по мыслеобразу профессора сразу. Я огляделся. Селение. Гораздо больше нашего. По самым скромным прикидкам, здесь жило тысяч десять человек. Прощупав эмофон, я поразился его слабости. Для такого количества людей он должен быть гораздо мощнее. Но, присмотревшись к домам, сообразил, в чем дело. Это селение техников. То есть людей с ограниченными пси-способностями. Интересно, где я? Судя по всему, где-то в районе Северной Америки. Надо было поинтересоваться, куда меня приглашают. Я же ограничился только тем, что скинул управляющему биокомпью переданный мне профессором мыслеобраз.

По тропинке я спустился с холма и вышел на улицу. Мимо промчался мальчишка лет двенадцати. В отличие от меня одетый не в привычную мне тунику, а в безрукавку, шорты и сандалии. Я успел ухватить его за руку прежде, чем он успел убежать.

– Э-э-э... привет.

– Привет. – Мальчишка с интересом оглядел меня с ног до головы. – А ты действительно псионик?

Гм... В общем-то, я полагал, что это и так ясно. Только псионики ходят в туниках и босиком.

– Наверное, да, – осторожно отозвался я. – Мне бы хотелось узнать...

– Правда?!! А покажи что-нибудь? Ты так умеешь?

Мальчишка нахмурился и посмотрел на камень. Тот взмыл в воздух и устремился ко мне. В последний момент я выставил щит, и камень отскочил в сторону.

– Ой, прости. Случайно вышло. – Но ни в голосе мальчишки, ни в его эмофоне не чувствовалось никакого раскаяния.

– Врешь.

– Вру, – не стал он спорить. – А что делать? Есть тут у нас некоторые... Нацепят туники и думают, что стали псиониками.

– А зачем? – искренне удивился я.

– Ну... считают, что им тут особый почет будет.

– Странные люди.

– Люди разные, – хмыкнул мальчишка. Да уж, с таким заявлением не поспоришь. – А ты чего хотел?

– Я ищу профессора Танаки. Он мне скинул мыслеобраз местности, где его искать, но хотелось бы уточнить все-таки. Честно говоря, я первый раз в таком большом селении.

– Это разве большое? – пренебрежительно махнул рукой мальчишка. – Ты на побережье не был. Вот там большие. Но все равно это ерунда по сравнению с селениями предков. Бывал я как-то в одном. Чикаго назывался. Представляешь, как там люди жили?

В Чикаго мне бывать не приходилось, но и без него я видел множество других крупных городов предков.

– Как в муравейнике, – передернуло меня.

– Это точно, – неожиданно легко согласился со мной мальчишка. – Честно говоря, мне тоже не хотелось бы там жить. А профессор Танаки у нас не живет. Он в гости приходит к Стиву Дональдсону. Пойдем провожу.

– Да ты лучше объясни. Я же видел, что ты куда-то торопился.

– Пустяки. Подождет. А помочь другу профессора и Стива – святое дело. Профессор вообще-то у нас часто бывает. Он так интересно рассказывает о прошлом... А ты как с ним познакомился?

– Он вчера у нас экскурсию проводил. Пригласил в гости.

– Понятно. – Мальчишка с интересом посмотрел на меня. – Гарнер, – протянул он мне руку.

– Альвандер, – представился я.

– Айда, Альвандер.

Гарнер довольно шустро побежал в селение. Чтобы не отстать от него, я тоже вынужден был приналечь. Наконец мальчишка остановился и с уважением оглядел меня:

– Надо же, даже не запыхался. А я слышал, что вы, псионики, очень слабы физически, потому что все делаете мыслью.

– Ошибочное мнение. Поверь, мы вовсе не все делаем пси-силой. Эдак действительно можно ходить разучиться.

И вообще, в здоровом теле – здоровый дух! Или мысль! – хмыкнул я.

– Понятно. Вот дом Стива.

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Гарнер. А ничего домика. Солидный. В три этажа с мансардой. Интересно, чем же занимается этот практик, как его охарактеризовал профессор?

Мальчишка тем временем, ничуть не смущаясь, подошел к двери дома и распахнул ее передо мной.

– Заходи. Чувствуй себя как дома.

– Как это? – подозрительно посмотрел я на него.

– А ты чего? Еще не сообразил? – расхохотался Гарнер. – Стив Дональдсон – мой отец. Я думал, ты давно понял.

Ах, я остолоп! Ведь чувствовал все время что-то, но считал неэтичным применять свои способности эмпата в этом селении. Ведь мог же догадаться! Мог!

– Да я...

– Не применял своих способностей, – хмыкнул Гарнер. – Ну и дурак. Слушай, Альвандер, то, что это селение называется селением техников, вовсе не значит, что здесь живут полные нули в псионике. Некоторые из жителей дадут сто очков вашим. Просто они выбрали себе профессию, связанную с техникой. Кстати, я тоже хочу стать конструктором космических кораблей. Хочешь, покажу свою коллекцию? Да ты проходи, чего стоишь?

Я осторожно вошел в коридор. Огляделся. Нашел ванну

для мытья ног и тут же забрался в нее. Не дома, чай. Это там можно забыть о такой процедуре, а потом в качестве наказания перемыть все полы. Здесь, как я подозревал, мыть полы никто заставлять меня не будет. А значит, не стоит и пачкать. Гарнер же просто скинул сандалии и зашлепал в дом.

– Пап! Тут к тебе гости!

– Я же просил сегодня меня не беспокоить! – донеслось откуда-то из глубины дома. – Я жду одного очень важного человека.

Я покраснел. Ну вот, приперся, называется. Но ведь профессор... Додумать я не успел. В коридор вышел могучего сложения человек. Круглое добродушное лицо, обрамленное короткой бородой. Я едва глаза не протер. Бородатых людей я не видел еще ни разу. Конечно, я знал, что это такое и что она растет у мужчин, но обычно все избавляются от нее сразу и навсегда. А тут, похоже, не только не избавились, но и старательно за ней ухаживали.

– Простите, – пробормотал я. – Я не знал, что вы кого-то ждете. Просто профессор сказал...

– Профессор? А-а-а, ты, должно быть, и есть Альвандер, – расплылся в улыбке мужчина. – Тебя-то я и жду!

Я с сомнением оглядел себя. Под определение «очень важного человека» я точно не подходил. Любопытный взгляд Гарнера свидетельствовал, что его тоже заинтересовала эта загадка.

– Да. Мастер Альвандер, – представился я.

– Да ты проходи. Проходи давай, что в коридоре мнешься. За мной попытался было проскользнуть и Гарнер, но того отец ухватил за плечо:

– А вы куда, молодой человек? Вас я, по-моему, не приглашал. Сходите-ка погуляйте. Вы ведь куда-то торопились?

– Ну пап...

– Никаких пап. У меня важная встреча. Все, дуй отсюда.

Гарнер обиженно засопел, но спорить не стал. Отец проводил его суровым взглядом, но стоило за мальчишкой закрыться двери, как вся суровость испарилась и мужчина расплылся в улыбке.

– Вот сорванец, – усмехнулся он. – Между прочим, мог бы стать сильнейшим псиоником. Но мечтает строить корабли. – Тут мужчина опять нахмурился. – Мечта у него есть: построить корабль для полетов в галактику. Изучил чертежи всех кораблей эпохи империи. Да ладно, что говорить, сам понимаешь...

Я понимал. Я прекрасно понимал, что, пока существует Барьер, мечта этого мальчишки неосуществима. Никто не будет строить корабли, которым тесно в Солнечной. Но если я сумею добиться успеха... Не думать об этом. Никаких ложных надежд. Если получится, значит, получится.

– Да, я понимаю. Я сам... мечтал...

– Да уж. – Стив Дональдсон хлопнул меня по плечу и направился в дом. Открыв дверь в одну из комнат, Стив кивнул на нее. – Проходи, подожди меня здесь. Мне еще надо

сделать одно срочное дело. Минут через пять я подойду. И не стесняйся, если что тебя тут заинтересует – смотри. Можешь трогать все, что захочется.

– Хорошо, – вежливо кивнул я. Последнее напутствие мне показалось странным. Что меня может заинтересовать там настолько, что мне захотелось бы это потрогать? Но, едва оказавшись в комнате, я понял, что имелось в виду – одну из стен целиком занимало оружие. Причем если мечи и сабли я узнавал, как и старинное огнестрельное оружие, то некоторые образцы меня поставили в тупик. Я осторожно подошел к стене. Закрыв глаза и выставил перед собой ладонь. Поводил ею вдоль стены, внимательно изучая все образцы. Их внутреннюю структуру и устройство. С холодным оружием все ясно. С огнестрельным чуть сложнее, но тоже. А остальное... Здесь, похоже, подсоединяется мощный источник питания. Да, в прошлом люди не умели отдавать свои силы и вставляли в разные предметы переносной источник. А в эту камеру подавался какой-то материал. После чего происходило... А что, собственно, происходило? Моих знаний катастрофически не хватало. Эти вот штуки явно микролазеры. Похоже, они обстреливали тот материал, что оказывался в камере. Ну и что должно было происходить дальше? Ага, катушки. В стволе должно возникать индукционное поле, выталкивающее тот самый материал наружу. Да-а, жуткий примитив. Это ж какой расход энергии впустую? Да и после нескольких таких выстрелов оружие в руке не удержишь.

Я подошел к следующему экспонату. Это уже получше. Расход энергии сведен к минимуму. Но все равно примитив. Только тут я сообразил, что оружие расположено по эпохам. Слева висели короткие мечи, копья, щиты. Дальше шли алебарды, длинные мечи, сабли. Пороховое оружие, заряжаемое с дула. Или со ствола, не знаю, как правильно. Дальше уже магазинные винтовки, самозарядные пистолеты. Да уж, если бы не таблички с пояснениями, никогда не догадался бы о названиях. Револьвер, пицаль, гладий. А та штука, которую я рассматривал, называлась плазмотрон. Плазма! Конечно же! Вот зачем обстреливалось вещество в камере лазерами – чтобы превратить его в плазму. А потом плазму выбрасывало наружу магнитным полем. Интересная штука.

Воспользовавшись разрешением, я снял плазмотрон со стены и изучил со всех сторон. Надо будет заказать себе такое. Конечно, кое-что изменить, внести дополнения... Да ему же цены не будет при строительстве пещер мастеров-кристалловедов!

– Вижу, тебе понравилась эта штука?

Я обернулся. На пороге стоял Стив и с интересом смотрел за моими действиями.

– Да, – не стал скрывать я. – Ее бы до ума довести – цены ей не будет. Знаете, как я мучаюсь, когда надо что-нибудь в пещере закрепить? А тут раз и идеально ровная дырка. Если правильно рассчитать, то даже глубину прожига можно регулировать. Замечательный строительный инструмент!

Стив вытаращил на меня глаза и несколько секунд внимательно изучал. Потом вдруг расхохотался:

– Строительный инструмент?! И это все, что тебе приходит в голову?

Я растерялся.

– Ну... – смущенно потоптался я, все еще вертя плазмоторн в руке, не зная, куда его деть. – Не знаю. Я просто подумал о том, что ближе мне. Другие, может, какое еще применение найдут.

– Да уж. – Стив отсмеялся и плюхнулся на диван. – Альвандер, а тебе не приходило в голову, что на этой стене висит оружие?

– Почему? Я сразу об этом догадался. Я же был в музеях. Оружие и оружие. Оно же ни разу не применялось. Это бы я почувствовал. А когда увидел вот эту штуку и сообразил, как она работает, то подумал о своей проблеме и...

– И забыл обо всем. Понятно, – усмехнулся Стив. – А ты знаешь, мне твой подход нравится. На Земле наступило счастливое время, раз подростки стали видеть в оружии только лишь инструмент по хозяйству. Тебе ведь даже в голову не пришло, что все это можно применить по прямому назначению.

– Прямому назначению? – нахмурился я. Потом сообразил: – В качестве оружия? Но против кого?

– Например, против тех, кто поставил Барьер. – Дверь раскрылась и в комнату вошел профессор Танаки. – Разве не ты

говорил, что они могут вернуться?

– М-м-м... да, – растерялся я. – А к чему вы ведете?

Мужчины переглянулись. Профессор подошел ко мне и, взяв за локоть, осторожно подвел к креслу. Сам сел напротив. Я же наконец избавился от плазмотрона, просто положив его на стол перед собой.

– Мы об этом говорили вчера. Разве нет?

– Ну да. Я полагаю, что наших бывших врагов вполне может заинтересовать то, что творится по другую сторону Барьера.

– А как ты думаешь, какими будут их намерения?

Я задумался.

– Трудно сказать. История империи Земли закончилась пять тысяч лет назад.

– История империи Земли еще даже не начиналась, когда пираты совершили свой рейд по внешним базам Солнечной системы.

– Но ведь прошло пять тысяч лет. Все могло измениться за это время.

– Альвандер, я же историк. И мы, я имею в виду всех историков Земли, ведем постоянные исследования тенденций развития обществ. В том числе строим модели развития цивилизаций за Барьером. Так вот, даже самая оптимистичная модель не подразумевает кардинальных изменений. Верно то, что наши старые враги могли измениться в лучшую сторону или исчезнуть со сцены, но на смену им пришли новые

расы. Такие же, как в свое время наши предки. Молодые, упорные, считающие, что им сама Вселенная подвластна.

Во всем этом меня заинтересовало одно – модель развития общества за Барьером. Я ведь сам планировал сделать заказ на подобные исследования. А оказалось, они уже давно ведутся.

– А могу я ознакомиться с результатами?

Танаки озадаченно посмотрел на меня:

– Тебя это так интересует?

– Очень! – честно ответил я.

Профессор опять переглянулся со Стивом.

– Конечно. Сейчас принесу, – поднялся Стив. – У меня где-то валялся прошлогодний анализ. Есть и более свежий, но он в институте. За ним нужно ехать.

– Меня устроит и прошлогодний.

Стив вернулся быстро и протянул мне инфокристалл. Несколько секунд мне понадобилось, чтобы впитать информацию и освоить ее. Некоторые моменты остались непонятными из-за отсутствия необходимых знаний, но общую суть вполне ухватил. Озадаченно потер виски.

– Получается, что, если Барьер исчезнет, нам придется учиться себя защищать?

– Или если Барьер откроют с той стороны с недобрыми целями.

– Об этом я не думал, – пробормотал я. Вот зараза! Только решишь одну проблему, как перед тобой оказывается де-

сять новых! Еще более изощренных. А что, если я добьюсь успеха? Открою Барьер? И что тогда? Беззащитная Земля, где никто не умеет владеть оружием?

– Мне показалось, что вчера ты был озабочен как раз этой проблемой, – заметил профессор.

– Не совсем, – отозвался я. – Но то, что я узнал от вас... это очень серьезно... Получается, что, если Барьер когда-нибудь будет снят, людям, возможно, придется учиться обращаться с оружием?

– Да? – Стив с интересом посмотрел на меня. – Ты считаешь, что этого достаточно?

Я повернулся к нему:

– В каком смысле? Как я понимаю, вопрос в достаточно хорошем оружии и умении с ним обращаться. Это же как обычный инструмент.

– В общем, верно. С оружием, как с любым инструментом, надо уметь обращаться. Но оружие все-таки несколько специфический инструмент, и одного умения мало.

– Как это?

– Я лучше покажу. Так будет понятнее. – Стив поднялся с дивана, подошел к стене и вытащил из ножен саблю. Поманил меня. Я, не понимая задумки хозяина, встал рядом с ним. Стив протянул мне саблю рукояткой вперед: – Возьми.

Я осторожно принял ее. Взвесил в руке. Немного тяжело-вата.

– Интересная штука.

– Да. Интересная. Требуется хороших навыков в обращении и длительного обучения. Хотя, полагаю, основы я могу тебе передать. Раскрой сознание. Не бойся, ничего страшного не будет.

Гм... Любопытство победило опасения. Я раскрылся, и в сознание хлынули начальные данные по обращению с этим видом оружия. Конечно, теоретические, но я тут же перенаправил их на себя, показывая каждой нужной мышце то или иное движение. В общем, произвел обучение собственного тела. Потом осторожно попробовал проделать несколько приемов.

– Весьма неплохо, – похвалил меня Дональдсон. – Конечно, эту теорию не мешало бы закрепить практикой, но пока так сойдет. По крайней мере, не порежешься. А теперь встань напротив меня. Ближе.

Я встал как просил Стив, опустив саблю острием к полу.

– Так?

– Так. А теперь слушай. Что бы ты сейчас ни делал, никакого вреда мне не причинишь. Поверь, я совершенно не хочу пострадать.

– Я вовсе не хочу причинять вам...

– Не перебивай. У тебя сейчас есть зачатки умения, их хватит, чтобы нанести удар. Вот перед тобой стою я. Сопротивляться я не буду. Ударь меня. И помни, ты не сможешь причинить мне вреда.

– Ударить вас? Зачем?

– Ты же спрашивал о сути оружия? Вот она, суть, – этот инструмент применяется не против бездушного материала, а против людей. У тебя есть оружие. Есть кое-какое умение. примени его на практике.

– Но...

– Ты не причинишь мне вреда.

Стив совершенно открыт, и я чувствовал его уверенность. Он точно знал, что ударь я его, все равно ничего не будет. Почему – непонятно, но уверенность твердая. Сомневаться в этом глупо. И все же... Я покосился на саблю. Острая. Интересно, что происходит, когда такая вот сабля опускается на человека...

– Ну же! – крик Стива сбил мысли. Я осторожно поднял саблю над головой. Дальше следовало с силой опустить ее. Так что же произойдет? Вот сабля опускается. Острая кромка создает давление на препятствие с силой... можно даже подсчитать с какой... она вопьется в голову, круша кости... Мастер-кристалловед не может иметь слабое воображение. И я никогда на него не жаловался. Поэтому вся картина моментально встала перед глазами. Сабля в моей руке, кровь и человек, рухнувший на пол. Меня затрясло. Сабля так и оказалась поднята над головой. Я боялся даже просто опустить ее, не то что ударить. А вдруг кто-нибудь случайно окажется под ней. Этот панический страх вымыл остатки сознания.

– Нет! – прошептал я. – Нет! Я не хотел! Я не хотел этого!!! Нет!!!! – Я уже кричал. Воображение подменило реаль-

ность, и теперь я был уверен, что удар нанес и вот передо мной лежит с разрубленной головой Стив. – Я не хотел этого!! Господи! Я же не хотел! Как же теперь... Зачем?..

Как можно жить, совершив убийство? Я медленно опустил саблю. Я убийца! Больше мыслей не осталось. Убийца! Убийца!

Я быстро развернул саблю острием к себе. Да воздастся каждому по делам... В последний миг чья-то железная рука перехватила мою кисть. Руку заломили за спину. Все тело пронзила боль, и сабля упала на пол. Я лежал на полу, а надо мной склонился белый как мел Стив.

– Ты жив, Стив? – мне вдруг страшно захотелось коснуться его, убедиться, что это живой человек, а не игра воображения – Господи, я же был уверен...

– Мальчик, ты как? – Стив осторожно потряс меня за плечо. – Ты как?

– Я был уверен, что убил тебя.

– Подмена реальности, – спокойно отозвался с кресла профессор. – У людей с богатым воображением такое бывает.

– И это все, что ты можешь сказать? – взъерился Стив. – Он же чуть не убил себя!

– Так ведь не убил. Ты же рядом стоял. Не думаю, что он успел бы это сделать.

– Что происходит? – Я попытался подняться, Стив подхватил меня и осторожно перенес на диван.

– Лучше полежи пока. А что произошло...

– Нет, я все помню. Ты... вы просили нанести удар. Я попытался представить, что будет... а потом... а потом я был уверен, что удар нанес и вы лежите передо мной с проломленной головой...

– Да уж. Вообразить такое... Извини меня, Альвандер. Но я даже не предполагал, что ты так отреагируешь. Я ведь думал, что ты просто откажешься бить.

– А если бы я все же ударил?

– На мне надета защита. Сабля просто отскочила бы от препятствия. Никакого вреда ты мне причинить не смог бы. А вот о таком развитии событий мы не подумали. Еще раз извини нас. Но я действительно не думал, что ты так остро отреагируешь на это.

– Я сам не ожидал, – устало отозвался я. – Вы это имели в виду, когда говорили про специфичность такого инструмента, как оружие?

– Да. Мало иметь оружие. Главное – это готовность пустить его в ход. Вот это самое тяжелое. В нашем обществе убийств не было уже около трех тысяч лет. А вот в галактике, где активно идет соперничество, войны распространены.

Я закрыл глаза. Мне было плохо. Моя мечта оказалась разбита. Разбита вдребезги. Я заплакал.

– Альвандер? – Стив встревоженно коснулся меня. – Все уже прошло. Не расстраивайся так!

– Дело не в этом, – отозвался я безжизненным голосом. –

Ведь получается, что Барьер не только мешает нам вырваться в Галактику... Получается, он еще охраняет нас от Галактики?

Я не открывал глаза. Не хотелось никого видеть.

– Получается, так, – наконец ответил Стив.

– Значит, Барьер должен остаться?

– Гм... этот момент мы можем обсудить. – Я резко распахнул глаза и уставился на Стива. – Какой бы ни была благоустроенной тюрьма, она останется тюрьмой.

– Только Земля тогда будет беззащитной?

– Почему это? – удивился Стив.

– Вы же сами говорили про готовность...

– Вот об этом мы и хотели с тобой поговорить. Хотя... – Стив метнул на профессора сердитый взгляд, – похоже, что кое-кто совершил ошибку. Впрочем, теперь уже поздно что-либо менять. Давай я расскажу одну историю, а ты уж сам делай выводы.

Я сел на диване и недоверчиво посмотрел на Стива. Сегодня меня ничем больше удивить было невозможно.

К ужину я опоздал. Отец, встретивший меня на пороге и уже хотевший что-то сказать мне по этому поводу, увидев мое состояние, передумал. Лишь молча кивнул. А вот сестренка оказалась более настойчивой. Но в конце концов и она что-то уловила в моем изменившемся эмофоне и отстала. Не раздеваясь, я плюхнулся на кровать и так пролежал до позд-

ней ночи. Не знаю, сколько было времени, когда я встал и прошел в комнату Василия, сел перед ним в кресло и стал внимательно его разглядывать. Василий закрылся, но я все равно улавливал сквозь щит его заинтересованность и растерянность.

– Ты знал? – не прибегая к мыслеобщению, спросил я.

Словами Васька ответить мне почему-то не захотел и ото-звался мысленно:

– О чем?

– О Стиве Дональдсоне и обо всем остальном. Ты ведь не мог не знать. Ты же общаешься со всеми биокомпани.

– Точно так же, как ты общаешься со всеми людьми. Можно ли слушать всех сразу и услышать то, что тебя интересует?

– Не увиливай.

Разговор был довольно странный. Я говорил вслух, а Васька отвечал мысленно.

– Я все равно не понимаю, что ты хочешь от меня.

– Почему ты ничего не говорил мне?

Васька молчал. Я терпеливо ждал.

– А почему ты не все говоришь мне? Например, почему я о твоей работе узнал только сегодня?

– Ну... я... гм... это же совсем другое! Это личное... и потом, это не доделано. Работа еще не закончена.

– А та работа не будет закончена никогда. Зачем о ней знать всем? Пусть знают только те, кто ей занимается. Ты считаешь правильным всем об этом рассказывать?

– Я...

– Это была просьба тех людей. И просьба Координатора. Эта новость для меня оказалась неожиданной.

– Даже так...

– А ты как думал? Ты все еще недоволен, что я молчал? А тебе было нужно это знание? Если бы у тебя возник интерес, ты их легко бы нашел. Как, собственно, и произошло.

– Не интересуешься – значит, знать не надо?

– Тебе же наверняка объяснили этот момент.

– Объяснили, – буркнул я.

– И у тебя есть какие-то возражения?

– Никаких. Просто я думаю, как поступить мне.

– В каком смысле?

– В смысле присоединиться или нет.

Васька помолчал.

– Тут решать тебе. Только я не думаю, что тебе это будет интересно.

– Дело не в интересе. Если я добьюсь успеха... Знаешь, Вась, что самое паршивое? Что выбора-то у меня и нет. В случае если мне удастся преодолеть Барьер, эти люди в первое время будут нужны Солнечной больше всего. Если верить их прогнозам. Но имею ли я право приговаривать людей к такому будущему? Я хочу знать, что ожидает людей в случае моего успеха. Не в теории.

– Это, конечно, похвально.

– И это все, что ты можешь сказать?

– А что ты хотел услышать? Совет? Ты в нем не нуждаешься. Если ты задумываешься над такими проблемами, значит, уже достаточно взрослый, чтобы и решать их. И еще, если бы не сегодняшний разговор, я бы попытался отговорить тебя от твоей работы.

– Что?!!!

– Да. По тем же причинам, о которых говорил сейчас ты. Я бы просил отложить ее до тех пор, пока ты полностью не осознаешь всех последствий. К счастью, ты все понял сам.

Я совершенно по-новому взглянул на биокомп.

– Думаешь, у тебя получилось бы?

– Не знаю. Я старался бы. Сильно старался.

– Но...

– Пойми, пока ты не осознавал это, твоя работа была опасной. Опасна своей неожиданностью, непредсказуемостью. Ты же обязательно постарался бы проверить все сам. И не думаю, что ты кому-либо сообщил бы об этом. И только оценив опасность и зная о ней, ты мог бы продолжать эксперименты... или не продолжать. Как бы ты поступил на моем месте?

Хороший вопрос. Как следует поступить, если ребенок играет силами, последствия игры с которыми даже не осознает? Постарался бы уговорить отложить игру, пока не вырастет. А ведь я таким ребенком и был. До сегодняшнего дня. До дня, когда передо мной приоткрылось кое-что из тайн Солнечной. И наверняка это еще не последние.

Я встал:

– Пойду спать. А завтра продолжу изучение истории. К Стиву я отправлюсь только когда буду уверен, что поступаю правильно. Кое на какие вопросы я должен получить ответы без его помощи.

– Не доверяешь?

– Хочу сам разобраться.

– Что ж. Если будут вопросы, приходи. Постараюсь помочь.

– Спасибо.

Я был уже у двери, когда Васька остановил меня:

– Знаешь, Альвандер...

– Да? – обернулся я.

– Я бы хотел познакомиться с твоим кристаллом, когда тот обретет разум. С ним, наверное, будет интересно поговорить. Тем более что у него часть твоей души.

Я постоял у двери.

– Знаешь, мне бы и самому очень хотелось с ним поговорить. Несмотря на то, что я создал тот кристалл, я так и не смог постичь его целиком. Порой мне обидно. Я сам его создал и не могу понять.

– Наверное, так бывает обидно и Творцу, когда он пытается разобраться в своих созданиях – людях.

Я хмыкнул.

– Не общался, но... может, и похоже...

На этот раз я уснул сразу, как только коснулся подушки. А

утром встал в пять часов и после зарядки занялся изучением библиотечных кристаллов. На этот раз я их не просто считывал, но и осваивал, анализируя информацию. Заодно раскладывал по полочкам то, что считал в прошлый раз. Усваивал новые термины и понятия. Основное, что меня сейчас интересовало, – это политическое устройство и экономика разных рас. Данных оказалось много, и если бы не те аналитические работы, которые проделали до меня и гораздо лучше, чем смог бы проделать я, то не знаю, когда разобрался бы во всем этом потоке информации.

– Эй, соня... ба, да ты уже не спишь. Читаешь? Дерри, ты маньяк!

– Спасибо, я тебя тоже люблю. Что случилось?

– Ничего. Разве что завтрак готов. Будешь есть или продолжишь корпеть над своими кристаллами?

Вопреки ожиданиям Феолы я поднялся без споров и спустился вниз.

– Ты вчера задержался, – встретил меня отец в столовой вместо приветствия.

– Прости, пап. Была важная встреча.

– Это связано с твоей диссертацией?

Я помялся.

– Отчасти. Я вчера узнал такое, что меняет кое-какие мои представления о работе. Еще не знаю, в какую сторону.

– Что ж, надеюсь, ты примешь правильное решение.

Я подозрительно покосился на отца. Нет, не похоже, что

он знает что-нибудь о Стиве.

– Я тоже надеюсь.

После завтрака я снова заперся в комнате и погрузился в изучение инфокристаллов. Напрасно Феола колотила в дверь, пытаясь выманить меня на улицу.

– А как же твой кристалл? – наконец прибегла она к последнему аргументу.

– Можешь и одна сходить. Я занят.

Сообразив, что если я не отреагировал на такой аргумент, то остальные повлияют на меня еще меньше, Феола отстала. Почти до самого вечера я провозился с данными. К тому же к обеду привезли следующую партию инфокристаллов. За ужином я был рассеян и задумчив. Мать с отцом обменивались тревожными взглядами, но не мешали мне думать. Перед сном я снова засел за книги. В общем-то, одного дня явно мало, чтобы действительно качественно поработать с таким объемом информации. Но основные выводы сделать уже можно.

Отложив кристаллы, я сидел на кровати по-турецки и слегка покачивался, размышляя о прочитанном и об услышанном в доме Стива. Наконец я решился и закрыл глаза.

– Стив.

– Альвандер? Ты?

– Да. Я согласен.

– Подожди, мы же с тобой вроде говорили, что произошла ошибка. Ты согласился...

– Никакой ошибки не было, Стив. Профессор, может, меня и неправильно понял, но только в частности. Извините, но пока не могу объяснить вам причину.

– То есть ты предлагаешь принять тебя, но отказываешься сообщить нам о причине своего поступка? Альвандер, так не делается. Мы должны знать, зачем человек идет к нам. На нас слишком большая ответственность, и цена ошибки может оказаться очень высокой.

– Я понимаю. Но я и не хочу идти к вам насовсем. Я вот тут читал исторические книги... Думаю, термин «работник по контракту» подойдет.

– Работник по контракту?

– Именно. Мы заключаем с вами контракт. Полагаю, вы уже выяснили мой рейтинг среди мастеров-кристалловедов. У вас есть специалисты моего уровня?

Стив грустно хмыкнул:

– У нас нет даже плохеньких мастеров.

– Вот видите. Даже не видя ваши кристаллы, я могу сказать, что спроектированы они далеко не лучшим образом. Я мог бы помочь вам, но для этого должен реально представлять, что вам нужно. Причем должен узнать на собственном опыте. Только тогда получится что-то стоящее. Потому вы показываете мне все, что мне нужно, а я делаю кристаллы по вашим заказам. Вас устраивает такое предложение?

Стив задумался. Я ждал.

– Заманчиво. Очень заманчиво. Но я никак не могу по-

нять, что хочешь получить ты.

– Ощущения. Я хочу понять, что чувствуют люди, проходя обучение по вашей специальности.

– Зачем?

На этот раз пришла моя очередь молчать.

– Я не могу сказать.

– Альвандер, ты понимаешь, как бы твоё предложение ни было заманчиво, мы не можем его принять, пока не уясним мотивы?

Тут они правы.

– Хорошо, – решил я. – Но вы должны мне пообещать кое-что.

– Вот как? Ладно, готов выслушать.

– Обещайте, что кроме вас об этом никто не узнает.

– Гм...

– Вы поймете.

– Что ж, хорошо.

– Тогда ловите. – Я сформировал мыслеобраз, включив в него краткую информацию о цели моей работы, а также причину, по которой я хочу прийти к ним, и отправил его.

– Ага, получил. Сейчас посмотрю. – Секунда молчания... – Великий космос!!!

Глава 8

Феола нервно хлестала себя прутиком по ноге и изредка бросала в мою сторону сердитые взгляды.

– Не ты ли говорил, что о твоей работе никто не должен знать? Кто такой вообще этот Стив Дональдсон?

– Один человек, который сильно сможет облегчить нашу с тобой работу. Или осложнить ее.

– Осложнить? Что ты хочешь сказать?

– Сама поймешь. Он будет не один.

– Не один?!!! Ты еще кому-то сказал?!! Ну знаешь ли...

– Не я, а Дональдсон сказал. Он уговорил меня сообщить ему.

– Кому?!!! – чуть ли не взывала Феола.

– Сейчас сама все увидишь. – Я поднялся и отряхнулся от веточек. Феола встала рядом. В тот же миг перед моей пещерой образовался гиперпортал. Когда он исчез, перед нами оказался Стив Дональдсон, а рядом стоял очень и очень старый мужчина. Морщины избородили все его лицо, но в глазах светился ум.

– Ко... координатор? – все еще не веря, прошептала Феола. Второго мужчину она словно и не заметила.

Координатор улыбнулся ей и чуть склонил голову.

– Полагаю, вы Феола Морозова? Сестра мастера Альвандера?

– Это он мой брат! – тут же привычно возмутилась Феола. Координатор с трудом сдержал смех.

– Что ж, возможно и так. Прошу прощения. – Старик повернулся ко мне. – Альвандер, правильно?

Я поклонился.

– Стив Дональдсон говорил вам, чего я хочу?

– Гм... А ты не любишь откладывать разговор. Да, Стив рассказал мне о твоей просьбе. Должен сказать, совершенно необычной. – Тут он посмотрел на Феолу, которая недоуменно переводила взгляд с меня на Координатора, а потом на Стива. – Твоя сестра ведь не в курсе?

– Нет. Но я не мог не взять ее. Она участник моего проекта. Без нее у меня ничего не получится.

– Понимаю. Тогда давайте посмотрим на ваше творение.

Я двинулся в пещеру, показывая дорогу.

– Альвандер, что происходит? – шипела мне в ухо Феола. – Что тебе нужно?

– Давай потом поговорим? – предложил я.

Феоле ничего не оставалось, как согласиться.

Я провел всех в свою тайную мастерскую и остановился рядом с ванной. Координатор и Стив подошли к ней и замерли, рассматривая кристалл. Стив ошалело оценивал его размер, а вот Координатор... Он протянул руку над ванной и закрыл глаза.

– Осторожней! – вскричал я. – Не погружайтесь в него слишком глубоко! Можно не вернуться назад!

Координатор едва заметно улыбнулся.

– Не переживай, Альвандер. Все будет хорошо.

Я склонил голову, хотя сомневаюсь, что Координатор заметил мой жест, и стал наблюдать за ним. У него даже морщины разгладились, настолько глубоко погрузился в кристалл. Судя по всему, внешнего мира для Координатора уже не существовало. Медленно текло время. С каждой прошедшей минутой я нервничал все сильнее и сильнее. И даже Стив начал проявлять беспокойство. Но тут раздался глубокий вдох старика, и он открыл глаза. Медленно повернулся ко мне и несколько секунд разглядывал.

– Это потрясающее творение, Альвандер. Ничего подобного я не встречал. И ты прав, в нем легко заблудиться.

Я моргнул. Не то чтобы похвала мне была неприятна, но я ожидал не этого. Координатор же медленно прошел к креслу и так же медленно опустился в него, погрузившись в размышления. И никто из нас не посмел прервать их.

– Да, – наконец снова заговорил он. – Таким образом решить проблему Барьера еще никто не пытался. Его ломали, продавливали, разрушали... но никто не пытался просто обойти. А ведь он действительно не может распространяться бесконечно в n -мерности пространства. Хотя гипер он и перекрывает.

– Гипер, – страстно заговорил я, – всего лишь частный случай n -мерного пространства. Причем всего лишь вершина. Если проводить аналогии, пространство можно сравнить

с океаном. Чем глубже погружаешься, тем сложнее законы. Гипер – это метров пятнадцать от поверхности. Люди освоили его, даже не поняв до конца, и на этом остановились. А ведь есть и другие уровни!

– Ты сам до этого дошел?

Я смутился.

– Нет. Я читал об этом в книгах, когда пытался разобраться с гипером. Мне тогда случайно попалась теория, что гипер – это всего лишь верхний уровень. А потом я нашел кучу расчетов и проведенных опытов, подтверждающих это.

– И тогда ты решил попробовать?

– Да. Я уверен, что Барьер не может распространяться слишком глубоко. Иначе надо признать подобие физических законов для различных n -мерных пространств.

– А ты считаешь, что это не так?

– Гипер – всего лишь верхний слой. Но уже в нем действуют совершенно другие законы. В частности скорость света. Она намного больше, чем в нашем пространстве, что и позволило в свое время освоить дальние полеты.

– Гм... – Координатор задумался. – Что ж, я могу подтвердить многое из того, что ты сейчас говорил. В свое время я сам занимался физикой пространства.

– Вы? – изумился я. Вот ведь болван! А я тут рассказываю ему азы. Каким же самонадеянным ребенком я ему кажусь? Видно, барьер я удержал плохо, поскольку Координатор уловил мои эмоции.

– Ничего страшного, – улыбнулся он. – Я бы все равно задал тебе эти вопросы. Я должен понять, как ты себе все представляешь. Насколько реалистичен твой план.

– И? – замер я.

Координатор поднялся и снова подошел к ванне. Еще раз внимательно осмотрел кристалл.

– У тебя может получиться, – наконец вынес он вердикт и задумался. – А знаешь... – медленно заговорил он. – Я ведь вспомнил... такой проект уже существовал... Очень и очень давно. Я читал только в архивах. Но в то время не было технологии, позволяющей его осуществить. А здесь... Вы решили создать в кристалле разум потому, что не могли управлять им?

Переход был несколько неожидан, я растерялся. Только что Координатор вспоминал о похожем проекте, и тут вдруг вопрос, с ним не связанный. К счастью, Феола оказалась сообразительнее меня.

– Да. Таким кристаллом может управлять только тот, кто будет понимать его на уровне рефлексов и инстинктов. Я пыталась разобраться хотя бы в верхних уровнях, но едва не провалилась.

– Я тоже был далек до дна, – признал Координатор. – И мне понадобилось очень много времени, чтобы выбраться обратно.

– Так что насчет моей просьбы? – Я решил, что пора брать быка за рога.

– Это решать должен Стив, – отозвался Координатор. – С моей стороны возражений нет. Я бы даже рекомендовал удовлетворить просьбу юноши.

– Но такого никогда раньше не было! – возмутился Дональдсон.

Координатор повернулся к нему:

– Если план этого юноши сработает и удастся преодолеть Барьер, то нам придется делать много такого, чего раньше не было. И мы должны измениться сами, чтобы суметь выжить в новом мире.

Стив покорно кивнул:

– Хорошо. Я принимаю предложение. Завтра, юноша, жду вас на базе. Координаты ее вы знаете. Допуск вам будет выписан сегодня.

– И мне!

– Что? – мы втроем повернулись к Феоле.

– И мне пропуск! Я не знаю, что вы там затеваете, но чувствую, что для брата это будет тяжело. Я не отпущу его одного!

– Феола, ты не понимаешь... – начал было я.

– На месте пойму! – отрезала она.

Стив в безмолвной молитве возвел глаза к небу, а потом махнул рукой:

– Завтра обоим быть в академии. Все!

Дональдсон развернулся и направился к выходу. Даже Координатора ждать не стал. Но тот, впрочем, ничуть не оби-

делся. Только посмеялся. Он вдруг подошел ко мне:

– Я вам вот что хотел сказать, Альвандер. Вы затеяли, безусловно, важное дело, но в своем юношеском максимализме вы не оценивали последствий этого шага. О них вы стали задумываться только сейчас. И тут же взялись строить всякие модели и теории. Однако поверьте моему опыту, что все теоретические модели и построения, как правило, весьма различаются с реальностью. Поэтому не надо строить свое представление о внешнем мире, основываясь на моделях.

– Как же тогда...

– Как тогда быть?

– Ну да. Может, лучше вообще не трогать ничего? Пусть будет как есть? А Барьер неплохо защищает нас.

– Логично... весьма логично, – покивал головой Координатор. – Как клетка.

– Что?

– Я говорю, что прутья клетки так же хорошо защищают своего обитателя. Надо признать, что Барьер очень помог нам. Наша цивилизация в настоящем виде появилась благодаря ему. Но чтобы двигаться дальше – нужна свобода. В клетке надежно, но лишь расправив крылья воспарить в небо.

– Я... я понял...

– Правильно. Не останавливайся, юноша. Может быть, уже пришла пора расправить крылья?

Мы сидели на поляне в лесу перед родником. Я задумчиво полоскал в нем ладонь. Феола изучала верхушки деревьев.

– Стив Дональдсон – командующий? – в очередной раз переспросила она.

– Угу, – в очередной раз кивнул я. – Стив Дональдсон – командующий земными оборонительными силами.

Феола потрясла головой:

– Оборонительными силами?! От кого нам обороняться? И ты хочешь сказать... Подожди, я совсем запуталась.

– Ты сама себя запутала, – недовольно буркнул я. – Я же ясно все сказал. У Земли есть вооруженные силы. И командует ими Стив Дональдсон.

– Но... но... Но почему об этом никто не знает?

– Потому что об этом никто не говорит.

– То есть держат в тайне?

– Можно и так сказать. На самом деле никто этого не скрывает. Надо просто задать правильные вопросы.

– Но почему???

– Могу ответить их словами.

– И?

– Зачем об этом сообщать? Вероятность того, что этим силам придется принять участие в сражении, мала, хотя и недостаточно мала, чтобы эти силы распустить. А еще из-за метода комплектования.

– Метода комплектования?

– Опять-таки могу объяснить только их словами. Понима-

ешь, они не зазывают к себе. К ним приходят сами. И только так можно стать солдатом армии Солнечной. Когда человек начинает осознавать, что, возможно, есть опасность из-за Барьера, что те, кто его создал, могут вернуться, он начинает искать выход. Выходит на Координатора с предложением по обеспечению безопасности. Или начинает что-то делать сам. В любом случае рано или поздно такой человек окажется в поле зрения кого-то из тех, кто связан с армией. Тогда ему и предлагают вступить в нее. Понимаешь?

– Не совсем.

– Вот и я не сразу понял. Потом дошло. Они ведь и на меня так вышли. Когда я заинтересовался военными делами империи, они подумали, что я беспокоюсь о безопасности Солнечной. Если бы они немного подождали, то сообразили бы, что меня это все интересует с несколько других позиций. Танаки же оказался связан с армией как их советник, специалист-историк по дипломатическим отношениям имперской Земли и других рас. Он задал мне вопрос, а я ответил не всей правдой. Так я и попал к Стиву. Там-то они ошибку выяснили, но менять что-либо было уже поздно. Вот я и оказался посвященным в самую большую не-тайну Солнечной.

– Чего ты несешь? Какую не-тайну? Ты хотел сказать, просто тайну?

– Что хотел, то и сказал. Сегодня утром, зная, что искать, я без труда раздобыл весь материал по армии Солнечной. И ты бы его без труда нашла, захоти только. Существование

армии не тайна. Но о ней никто не желает знать. Все войны остались в далеком прошлом. Никто не задумывался, что война может прийти оттуда, из-за Барьера. А кто задумывался... кто задумывался, те и оказывались в этой самой армии.

— Это что же... — Феола потрясенно уставилась на меня. — Выходит, что о нашей безопасности заботились только эти люди? А все мы... все остальные, выходит, ничего не делали... Это же...

— Думай, что болтаешь! — разозлился я. Феола удивленно глянула на меня, и я тут же послал извиняющийся мыслеобраз. — Прости. Просто... нехорошо ты говоришь. Неправильно.

— Но ведь...

— Что ведь? Что? Ты хочешь сказать, что наша мама ничего не делала для безопасности Солнечной? Ее растения обеспечивают жизнь нескольким космическим станциям. Ее водоросли работают опреснителями на побережье океанов. А отец, который проектирует дома, в которых живут многие люди? В том числе и некоторые из солдат Солнечной. Он тоже ничего не делает? А ты, биолог и целитель, тоже ничего не делаешь? А многие и многие миллионы людей, эльфов и гномов, что честно трудятся и занимаются своим делом, тоже ничего не делают?

— Ой...

— Вот тебе и ой. Ляпнешь, не подумавши. По-твоему, всем надо в армию записываться? Кто бы тогда хлеб растил? Кто

бы поддерживал погоду? Кто бы занимался терраформированием Марса и Венеры?

– Значит, туда к ним шли те, кто сам их находил? Вот, значит, как...

– Да. – Я лег на траву и закрыл глаза. – Если мы пройдем Барьер, все изменится. Солнечная больше не будет изолированным в себе миром. И не только галактика откроется перед нами. Мы тоже станем открыты перед галактикой.

– Это плохо?

– Почитай историю контактов. Армию на Земле не ради роскоши содержали. Империей Земля стала много позже.

– Думаешь, Солнечная может оказаться под угрозой вторжения?

– Не знаю. Феола, я ничего не могу сказать. Хочется верить, что галактика изменилась за пять тысяч лет по сравнению с той, что знали наши предки. Только вера очень и очень слабая.

– Но... тогда... тогда, выходит, мы не имеем права...

– Слышала, что сказал Координатор? Крылья можно расправить только вне клетки. Вне ее, безусловно, может быть опасно, но... Похоже, человечеству пришла пора в очередной раз покидать Эдемский сад. Только на этот раз по своей воле.

– А ты не скромничаешь.

Я только вздохнул. Если бы Феола знала, как мне сейчас тяжело. Но я попытался спрятать свои чувства как можно

надежнее. Похоже, впервые мне это удалось.

– Ладно! – Я резко поднялся. – Пора за работу. Мне надо сегодня первую часть диссертации закончить и приступить ко второй. Еще хочу почитать книги из библиотеки.

Не дожидаясь ответа, я взмыл в воздух и направился к дому.

Вопреки настойчивым требованиям друзей, гулять я не пошел. Отказался и от матча в футбол, в который призывал меня сыграть Алькор. Отказалась и Феола. Я ее заметил рядом с Васькой. Очевидно, лазила в сети в поисках информации по вооруженным силам Солнечной. М-да, вот и поработал с материалами. Конечно, для Васьки не составит никакого труда подключить к системе и меня... Ладно, пусть сестра занимается.

– Слушай, – неожиданно спросила меня Феола из кресла, даже не повернув головы. – А зачем ты решил пойти в эти вооруженные силы? Сам же говорил, что с их стороны твое приглашение ошибка.

– Верно. И я не иду к ним, я заключаю контракт. Они делятся со мной своими знаниями, а я улучшаю их кристаллы.

Тут, похоже, я Феолу сразил. Она даже не попыталась скрыть изумления.

– Зачем?!

– Зачем? Разве не понятно? Если Барьер рухнет, армию уже нельзя будет прятать. Она станет частью нашего общества, хотим мы того или нет. И возможно, пойти служить ту-

да придется многим людям. Имею ли я право обрекать их на такое, не пройдя этот путь сам? Я должен сначала понять, что это такое вообще и стоят ли звезды такой цены.

– А что в этом особенного? – еще больше удивилась Феола.

Что особенного? Я вспомнил свои ощущения, когда стоял с занесенной саблей перед Стивом, и поспешно закрылся. Похоже, напрасно. Феоле мое внезапное исчезновение из эмофона сказалось даже больше, чем любые слова.

– Прости, – пробормотала она. – Я, честно, до сих пор не понимаю...

Я немного помолчал.

– Феол, я сделаю все возможное, чтобы тебе не пришлось переступить через себя. Ты целитель. Ты можешь пойти завтра со мной, но проходить их программу я тебе не позволю.

Феола, вопреки обыкновению, спорить не стала. Очевидно, что-то все-таки почувствовала у меня. Что-то, что заставило ее воздержаться от споров. Я же, чтобы не продолжать этот тяжелый разговор, вернулся к себе в комнату, плюхнулся на кровать и засунул голову под подушку. Какую же цену придется мне еще заплатить за детскую наивную мечту вернуть людям звезды?

На следующее утро я самым наглým образом сбежал на базу один, оставив Феоле записку с просьбой посмотреть за кристаллом. Конечно, по возвращении она обязательно вы-

скажет мне все, что думает, но в первый раз на эту загадочную базу мне хотелось попасть без нее. А вот потом мне точно понадобится костюм высшей защиты. Интересно, на этой базе мне смогут его одолжить?

– Ты с утра пораньше прибыл, я гляжу.

Я обернулся. Позади меня стоял Стив и улыбался.

– С утра? – Я поглядел на стоящее почти в зените Солнце.

– Ну, насколько я понимаю, у тебя дома сейчас очень раннее утро.

– Верно, – признал я. – Я пораньше ушел, пока сестра спит.

– Да? Учти, прятать тебя здесь мы не будем.

– Вы уже так хорошо изучили мою сестру? – рассмеялся я.

– Мы изучаем всех, кого приглашаем на Базу, – серьезно ответил Стив.

Я оборвал смех и огляделся. И это База? Ничего необычного. Селение как селение. Как сотня и тысяча других. Правда, некоторые дома уж очень большие, но тоже ничего сверхнеобычного. Люди еще ходят в какой-то странной одежде, напоминающей комбинезоны, но в Солнечной чего только не встретишь. Каждый наряжается как ему нравится. Так что странной здесь была не сама одежда, а то, что люди ходили в одинаковых комбинезонах. Точнее, повторяющихся, поскольку я заметил, что типов комбинезонов несколько.

– Не так представлял базу?

– Ну... я просмотрел некоторый материал.

– Понятно. Не разочаровывайся раньше времени. Настоящие базы располагаются в космосе на станциях. А здесь всего лишь учебный центр с учебной эскадрильей. Люди в серых комбинезонах – это курсанты. Они проходят обучение. В черных – преподаватели.

– Вот как... – я озадаченно присмотрелся к людям. Все они были совершенно разных возрастов. Только вот сверстников не заметил. – Я полагал, что курсант – это... это...

– Немного моложе? – усмехнулся Стив. – Альвандер, вспомни, как мы набираем людей. Нас должны сами найти. Только так к нам можно присоединиться. Как правило, молодежь интересуют другие проблемы. Так что у нас оказываются люди зрелого возраста. Здесь они проходят обучение.

– И чему учатся у вас? Владению оружием?

– Нет. – Стив положил мне руку на плечо и развернул в сторону одного из домов. – Научиться владеть оружием не проблема. При наших возможностях это можно сделать за месяц. Главное, чему мы учим – умению уважать врага.

Многое я ожидал, но такого заявления... Я оторопело уставился на Стива. Тот с улыбкой глянул на меня и покачал головой.

– Никто не понимает с первого раза. Это трудно объяснить, это надо показывать. Со временем поймешь. А пока давай пройдемся, я тебе все покажу. В том числе и оружие.

Стив неторопливо зашагал по посыпанной песком тропинке, попутно знакомя меня с центром.

– Там у нас столовая. Вон там мастерские. У нас ведь используется разная техника. В том числе и самая обычная, в которой не используется пси. У нас здесь гораздо больше людей с низким уровнем пси-способностей. Беда в том, что такие люди не могут управлять истребителями. Те целиком работают на псионике. И люди с уровнем пси-способностей ниже определенной границы просто не справятся с ней. Для них мы тоже находим работу. В войсках десанта, в обслуживании.

– Десант?

– Я понимаю, что немного смешно звучит. Десант ведь означает, что куда-то придется десантироваться. Считай это данью традиции. Когда-то так назывались самые боеспособные части Земной Федерации. Сейчас так называют людей, обученных воевать на поверхности планет. Ты, кстати, где бы хотел проходить обучение? В десанте или пилотом?

– Наверное, будет лучше, если я попробую и там и там. Я ведь пришел не учиться воевать, а познавать. Значит, чем больше я познаю – тем лучше.

– Гм... у тебя оригинальное мировоззрение. Ладно, полагаю, с этим мы разберемся. Пойдем, я тебе покажу оружие.

Мы миновали несколько строений непонятного для меня назначения и остановились перед громадным зданием. По дороге нам встретились несколько курсантов и преподавателей. Те приветственно кивали. С некоторыми Стив перебрасывался парой слов. Перед самым же зданием нас встретил

мужчина в черном комбинезоне. При виде нас он неторопливо подошел и важно кивнул Стиву. Улыбнулся мне.

— Кроул, — представил мне подошедшего человека Дональдсон. — Наш гений инженерии. Такого мастера еще поискать. Из любого хлама соберет полезную в хозяйстве вещь.

Мужчина польщенно улыбнулся:

— Это малость преувеличение. Не все же псионикам делать. Надо что-то и руками мастерить. А ты, как я понимаю, наш новый курсант?

— Не совсем, — честно ответил я. — Я мастер-кристалловед. И у меня есть определенные обязательства.

— Ишь ты! — Мужчина был явно удивлен.

— Я предложил свои услуги по улучшению ваших кристаллов.

Мужчина почесал голову.

— Честно говоря, в этом я мало что понимаю. Я хоть и занимаюсь нашими ласточками... — Поймав мой недоумевающий взгляд, он пояснил: — Так пилоты между собой истребители называют. Я хоть и занимаюсь обслуживанием наших машин, но в эти дела не лезу. Подключаю, что есть. А дальше пилоты сами настраивают.

Я фыркнул. Примерно так я и предполагал. Эти защитники Солнечной со своим набором курсантов перехитрили сами себя. В результате у них не оказалось ни одного специалиста кристалловеда. И не потому, что те никогда не задумывались о безопасности Солнечной. Просто у них работы,

как правило, хватало и без этого. Не менее важной. Ремесленники же могли работать с готовым материалом, но никогда ничего не создавали. А я, не зная требований, не мог пока ничего предложить взамен.

Мой скептицизм не укрылся от собеседников. Они переглянулись. При этом аура Кроула окрасилась откровенно в недоверчивые цвета. Мол, пришел тут какой-то мальчишка и собирается нас учить. Стив покачал головой и явно отправил какое-то мысленное сообщение, после чего аура Кроула окончательно превратилась в темно-синюю – цвет крайнего недоверия и скептицизма.

– Я не обещаю что-то сделать, – заметил я. – Я обещаю только посмотреть и попробовать.

Недоверие Кроула не исчезло, но он только пожал плечами и раскрыл дверь. Мы оказались в просторном помещении, где аккуратными рядами на специальных подпорках лежали вытянутые сигарообразные машины темно-синего цвета. Чем-то они напоминали гоночные катера. У некоторых из них возились люди в черных и серых комбинезонах. Другие стояли разобранными с разложенными на летающих рядом грузовых погрузчиках запчастями. Около таких машин работали в основном люди в черных комбинезонах. У одной такой разобранный машины мы остановились. Наше внимание не очень нравилось рабочим, но никаких протестов они высказывать не стали. Интересно. Лично я сразу бы послал наблюдателя, который вздумал бы вот так мешать моей работе,

если бы тот сам не сообразил уйти, заметив изменившийся цвет моей ауры. Впрочем, наблюдал только я. Стив и Кроул смотрели скорее за мной, чем за рабочими. Я же подошел почти вплотную и с интересом изучал, как очередная деталь присоединяется к тем, что уже лежали на погрузчиках. Некоторые я рассматривал особенно старательно. Порой, чтобы разобраться в механизме, я протягивал над ним руку и закрывал глаза, пытаюсь проникнуть в суть вещи. Кристаллы я пока не трогал.

– Интересно, – пробормотал я, обходя истребитель и заглядывая внутрь. Один из ремонтников что-то недовольно буркнул и повернулся к Кроулу. Тот, в свою очередь, посмотрел на Стива. Стив отрицательно покачал головой. Рабочий недовольно повернулся ко мне:

– Э-э-э...

– Мастер Альвандер, – помог я ему.

– Мастер Альвандер, вы что-то хотите узнать?

– Да. Как работает эта штука? В общих чертах.

Рабочий моргнул.

– Это не штука, а истребитель. Работает по тому же принципу, что и все корабли малого тоннажа. Вот здесь, – рабочий хлопнул ладонью по корме, – располагается двигатель. Им управляет биокомпьютер. Энергия для двигателя запасается в кристаллах силы. Они располагаются вот в этом отсеке. Для ее восстановления используется та энергия, что вырабатывается мхом. Видите, изнутри все стены покрыты им.

– И ее хватает для восстановления? – скептически поинтересовался я, разглядывая стенки истребителя.

– Нет конечно, – поморщился рабочий. – Он позволяет немного продлить ресурс корабля. Не больше. Для полного восстановления кристалла этого мха, понятно, маловато. К тому же это его не главная функция. Мох обеспечивает истребитель воздухом, а также перерабатывает другие отходы. А эти кристаллы служат для управления кораблем в полете...

– Сразу все? Или только один из них? – поинтересовался я, рассматривая четыре кристалла.

– Один навигационный, второй управление, третий связь, а четвертый кристалл фокусировки. Он – оружие истребителя. Работает он...

– Прошу прощения, можно я сам постараюсь догадаться? – Не спрашивая разрешения, я забрался внутрь истребителя, уселся на покрытое мхом кресло. Оно моментально ожило, мягко охватывая меня со всех сторон, оставляя снаружи только голову и руки. Как я понимаю, в полете руки тоже скрываются в этом коконе, но сейчас я недвусмысленно дал понять креслу, что желаю оставить их свободными. Кресло мой мысленный приказ выполнило моментально.

– Так, теперь посмотрим. – Я закрыл глаза и провел рукой над кристаллами, активируя их и внимательно слушая ответы, уже не обращая внимания на недоуменные взгляды техников. Я даже не заметил, что к нам подошли некоторые

преподаватели и курсанты. Для меня теперь внешнего мира не существовало — я целиком был в своем.

Присутствие биокомпьютера в машине не ощущалось. Очевидно, его извлекли в начале ремонта. А жаль. Было бы интересно кое о чем его расспросить. Он мог бы скинуть мне образы некоторых своих полетов. Тогда многие функции кристаллов мне стали бы более понятны. И какие из этих функций действительно важны, а какие остались со времен своей гражданской службы. Ведь эти кристаллы я узнал почти моментально. Их спецификации можно найти в любом информационном издании по космическим полетам. За исключением кристалла фокусировки. Этот из геологии. С его помощью прорубают тоннели в скалах. Еще они поставлялись гномам в обмен на разную руду.

Интересный момент. Перед сегодняшней поездкой сюда я много читал о войне. Читал и про оружие. Почему люди не применяли оружие в геологии, а шахтные лазеры не использовали на кораблях? Значит, все-таки нельзя эти вещи совмещать.

Очевидно, мои мысли были настолько прозрачны, что Кроул не выдержал:

— Ты чего сравниваешь разные вещи? Лазеры различались по мощности и дальностью. Для геологических работ требуется большая мощность на небольших расстояниях. А в битве на очень больших. Отсюда и разные требования к ним. А для пси какая разница, на какое расстояние бить? Главное,

видеть этот предмет, а концентрируешь силу ты уже сам.

Угу. Я уж не стал объяснять, что энергию мысли тоже по-разному можно сфокусировать. И с разной скоростью. А главное здесь в том, чтобы видеть то, на чем ты хочешь сосредоточить силу. «Видят» же они, как я понимаю, с помощью навигационного кристалла. Он же локатор и пеленгатор. Интересно, зачем им еще кристалл связи? Ведь кристалл-локатор работает по тому же принципу и его свободно можно использовать для связи. Но тут же понял почему так. Я подошел к проблеме с позиции своего нового метода распределенного управления. Тут же, если кристалл занят работой, отвлечь его для другой можно только прервав предыдущую. Да уж. Хотя... может, так и надо?

Отдав мысленную команду креслу отпустить меня, я выбрался наружу. Сразу потеряв интерес к истребителю, я двинулся по центральному проходу, с интересом осматриваясь по сторонам. Стив и Кроул шли следом.

– Ты ничего не скажешь? – наконец не выдержал Дональдсон.

– А что я могу сказать? Я знаю назначение каждого кристалла в истребителе. Знаю, как и зачем их можно применить. При необходимости любой из них выращу за полчаса, особо не напрягаясь. Но вы ведь не это хотели узнать?

– Не это, – очень уж спокойно заметил Стив.

– А другого ничего сказать не могу. Разве что про ваш локатор. Я тут недавно сестре в качестве игрушки подарил ло-

катор. Так вот, он на порядок по возможностям превосходит тот, что стоит у вас.

– На порядок? – не поверил Кроул.

– Или больше, – сообщил я мыслеобразом, чтобы исключить малейшее непонимание. – Как по возможностям, так и по заложенным в нем функциям.

Кроул взглянул на Стива:

– А когда мы сможем получить такой кристалл и попробовать?

– Пока никогда.

Такого ответа от меня не ждал не только Кроул, но и Стив. Сейчас они оба недоуменно смотрели на меня. Я постарался объяснить свою позицию.

– Понимаете, я пытаюсь подойти к проблеме комплексно. У вас не отдельные кристаллы надо улучшать, а все. Переделывать всю систему управления. Но что от чего должно идти, мне совершенно непонятно. Что в истребителе центральный стержень? Очевидно, не оружие. Оно нужно только в бою. И его надо навести. Значит, система наведения? Опять-таки она нужна только в бою. Движение? А как определить, куда двигаться? Не зная всего этого, что-либо улучшать бессмысленно и даже может оказаться вредным. Допустим, дам я вам кристалл. И окажется, что все внимание пилота отвлечено им, и он уже не может нормально летать и воевать. Кристалл получится мощным, великолепным и... бесполезным.

– Логика в этом есть. Но как можно узнать это, не попро-

бобав? – поинтересовался Кроул. – Поговоришь с пилотами, выслушаешь их рекомендации...

– Нет! – Я решительно мотнул головой. – Создать единую систему, не понимая ее работы досконально, невозможно. А понять ее можно, только поработав с ней.

– В этом и заключался контракт, – заметил Стив. – Мастер Альвандер согласился разработать для нас какой-то свой комплекс, а мы обучаем его без записи во флот или армию.

Кроул удивленно глянул на меня:

– Зачем тебе это, парень?

– У него есть важные причины, Кроул. Поверьте, – ответил вместо меня Стив. – Координатор тоже с ними согласен.

Похоже, гений инженерии серьезно озадачился. Поэтому вопросов больше задавать не стал, а просто повел экскурсию дальше.

– А какой вообще у вас флот? – спросил я, разглядывая очередной истребитель.

Стив пожал плечами:

– Смотря с чем сравнивать. Количественно не очень большой. Пять тысяч таких истребителей на десяти станциях. Но по силе он равен всему флоту Земной Империи в период ее расцвета. При необходимости эти пять тысяч истребителей разнесли бы весь флот империи со всеми их дредноутами и линкорами за несколько часов.

Впечатляет. Правда, это при условии, что весь флот империи полез бы скопом. А если нет? При всей силе истре-

бителей количество ничем не компенсируешь. Об этом я и спросил.

– Верно, это основная наша проблема. Правда, эти пять тысяч только основа. В случае угрозы мы выйдем из тени и организуем призыв добровольцев. Методики обучения отработаны, и через полгода наш флот утроится. Через год он будет уже в десять раз больше нынешнего.

Это если нам дадут этот год. Но эти мысли я высказывать вслух не стал. Полагаю, это понимал и сам Стив.

– А почему такая численность?

– На сколько машин хватает пилотов – такая и численность. Я уже говорил, что летать могут только псионики. Но их к нам мало попадает.

– То есть, если бы была возможность, то многие ваши техники ушли бы в пилоты?

– Ха! Да большинство бы отдали за это руку.

– Ясно. И удерживает их от этого только их слабые психи?

– Ты к чему ведешь? – подозрительно спросил Стив.

– Пока ни к чему, – вздохнул я. – Просто пытаюсь понять, что к чему. Разобраться. Ладно, тут более-менее понятно. А что там?

– Там доспехи десантника. Полагаю, это тебе тоже будет интересно.

Это действительно оказалось интересно. Мощная вещь. Сделанные из м-молекулы, они позволяли спускаться в жер-

ла вулканов и плавать в магме. Плюс еще силовая защита, которая делала людей в них практически неуязвимыми. Тем не менее и здесь мне многое не понравилось. Правда, тут я даже сформулировать не смог свое неприятие. Элементарно не хватало знаний. И тот же кристалл фокусировки в качестве оружия.

– А ничего другого нет? – спросил я. – Вдруг кристалл выйдет из строя? Или человек настолько вымотается, что не сможет его применить?

– Есть кое-что из старых разработок. Еще времен империи. Наши мастерские выпускают ручное оружие по старым чертежам. С усовершенствованиями, понятно.

Тут тоже мне не все ясно, но узнать что-то большее я не смогу по причине нехватки знаний и опыта, а просто болтаться, отвлекая людей от работы, бессмысленно. Когда буду готов обсуждать все эти вопросы, тогда к ним вернусь. Об этом я и сказал.

Дальше была экскурсия по спортплощадке с бассейнами, какими-то непонятными мне сооружениями и тренажерами. Тренировочный зал и шпаги вдоль стен. Я недоуменно глянул на Стива.

– Фехтование – очень полезное умение. Как никакое другое оно учит выносливости умственной и физической. Еще оно учит концентрации внимания, наблюдательности, гибкости... Да много чему. Это очень хороший тренажер и для тела, и для духа. Ты сам это поймешь. Если будешь трени-

роваться у нас, то тебе придется изучить это искусство. Как и многое другое.

Мне после такой характеристики даже интересно стало. Действительно захотелось все это попробовать. Но ладно, всему свое время. Не будем торопиться.

Уже заканчивая экскурсию, мы остановились на том же месте, откуда она начиналась.

– И какие у тебя есть мысли? – поинтересовался Стив.

– Первая мысль, что я сначала займусь обучением на десантника. Тут мне совершенно ничего непонятно. Однако можно сразу обучаться и пилотированию.

– Ты уверен, что заниматься одновременно и тем и другим хорошая идея? Потянешь?

– Я же не собираюсь становиться асом в этих областях. Мне это нужно только для того, чтобы понять принцип работы ваших систем и составить об этом мнение. Ни то, ни другое не требует становиться мастером. Как я понимаю, основная проблема ведь не обучение владеть оружием?

Стив покосился на меня:

– Тут ты прав. Об этом мы поговорим завтра. Завтра же приступим и к занятиям. Только на этот раз постарайся не «забыть» сестру. Ты же не можешь вечно ей мешать.

Это верно. Как бы ни сопротивлялся я, но сестра достаточно упряма, чтобы настоять на своем.

– Мне бы все равно не хотелось, чтобы она проходила через это, – вздохнул я. – Я помню свои ощущения, когда стоял

перед вами с саблей. Только ее не переспоришь.

– Иногда лучший способ кого-то в чем-то убедить – дать ему попробовать самому.

Я задумчиво посмотрел на Дональдсона. А что? Идея интересная. Пожалуй, тут он прав.

– Хорошо. В любом случае она не отступит.

– Верно. А пытаюсь ей мешать таким образом, как сегодня, ты только сделаешь хуже. И себе и ей. – Стив достал из кармана инфокристалл и протянул мне.

– Я сюда сбросил информацию о нашей с тобой экскурсии. Передай ей, пусть посмотрит. Только обещай, что не будешь смотреть сам.

Я подозрительно глянул на Стива. Та-а-ак! Кажется, на этом кристалле не только информация об экскурсии, но и еще что-то. Интересно, что там такое, чего мне нельзя смотреть?

– Обещаю, – нехотя кивнул я, сгорая от любопытства.

– Вот и хорошо. В таком случае, до завтра.

– До свидания, – успел попрощаться я прежде, чем исчезнуть в гиперпортале.

Глава 9

На следующее утро пришлось вставать пораньше, чтобы организовать переезд Васьки на новую квартиру. Как и ожидалось, все происходило сумбурно и бестолково. А заварилась «каша» вчера вечером после разговора с Васькой, когда я сидел перед биокомпом и формировал мыслеобразы второй главы диссертации. Закончив с ней, я хотел уже отправиться спать, как был остановлен неожиданным вопросом Васьки:

– Слушай, Дерри, а что вы собираетесь делать с разумным кристаллом? Его ведь учить надо.

Этот вопрос меня немного озадачил.

– Ну надо. А в чем проблема?

– Проблема в том, что ни ты, ни твоя сестра еще не достигли возраста, когда вам будет разрешено заботиться о несовершеннолетних. Вы сами еще несовершеннолетние.

– О, зараза! – дошло до меня наконец, к чему клонит биокомп. – Как же я об этом забыл?! Как только станет очевидно, что разум в кристалле зародился, он сразу подпадет под закон Солнечной о разуме. Ситуевинка...

– У меня есть предложение.

– Да? – Я настолько удивился, что получившийся мыслеобраз с таким коротким вопросом оказался довольно сложным в эмоциональном окрасе. Можно было бы даже загор-

диться этим, если бы меня сейчас не занимала другая проблема.

– Да. Как я понимаю, у вас всего два варианта. Либо вы предоставляете все права вашим родителям...

– Невозможно! Что тогда будет с проектом?

– Либо мне, – закончил Васька.

– Что?!!! – Сложность нового мышлеобраза превзошла предыдущий.

– Честно говоря, я уже заранее чувствую симпатию к этому вашему мыслящему кристаллу. По всей видимости, он будет очень необычным! Неужели ты думаешь, я упущу возможность заняться воспитанием такого уникама?

Когда первое удивление от предложения биокомпа прошло, я задумался. А собственно, почему бы и нет? Кто еще способен понять искусственный разум, кроме другого искусственного разума? По всему выходит, что наш кристалл все же ближе к биокомпам, чем к человеку. Ммм...

– Знаешь... попробовать можно. Только сначала с Феолой посоветуюсь.

– Я не претендую на единоличное владение, – в мышлеобразе Васьки отчетливо ощущалась насмешка. – Все-таки вы его родители.

– Был бы ты человеком – получил бы в ухо, – буркнул я.

– Хорошо, что я не человек, – уже откровенно усмехнулся Васька.

– Угу. Лучше распечатай мне то, что я сейчас насочинял.

Поработаю с текстом.

– Как скажешь.

Согласие Феолы я получил в этот же день. Труднее оказалось убедить родителей, что Васька нужен для серьезно-го дела. Тут помог сам Васька, который довольно витиевато объяснил, что является свободной личностью и имеет право выбирать себе то жилище, которое ему нравится. Я же пообещал наладить работу всех домашних систем, которыми раньше управлял Васька. На что биокомп заметил, что управлять ими он сможет и из нового жилища. Спор, таким образом, был улажен.

Мы аккуратно вытащили Ваську на улицу и водрузили на заранее приготовленную платформу. Хотя пролевитировать биокомп до пещеры можно было и без всяких дополнительных устройств, но тот вдруг уперся и ни в какую не хотел позволить перемещать себя с помощью левитации.

– Я вам что, вещь бездушная? – заявил Васька. – Я хочу передвигаться как человек, на транспорте.

В конечном итоге Ваську мы выносили на руках под нелепые и неприятные комментарии сестры в его адрес, надрывавшейся вместе со мной – родители от этой процедуры уклонились.

– Напридумывали – сами и разбирайтесь, – заявил вчера вечером отец и слово свое держал.

Наконец Ваську положили на платформу. Я быстро ввел маршрут и запустил двигатель. Платформа медленно поплыла над дорогой. Теперь Васька ехал «как человек», посто-

янно передавая нам с Феолой мыслеобразы удовольствия. Блин, этот биокомп у нас уже лет триста, а ведет себя порой как ребенок.

Ваську разместили во временной комнате рядом с лабораторией. Ворча о холоде, он велел поставить себя на стол, после чего взялся за изучение нового места жительства.

– А светом ты принципиально не пользуешься? – поинтересовался Васька.

– Тебе-то зачем свет? – изумился я. – У тебя и глаз нет.

– Зато все прекрасно чувствую! Я хочу свет и тепло!

Я мрачно покосился на биокомп и кивнул:

– Будет. Все тебе будет. Но не сейчас. Нам надо бежать, а ты пока можешь устраиваться поудобнее. – Я поставил перед биокомпом кристалл. – Заодно опробуешь вот это. С его помощью ты можешь связываться с моим кристаллом и наблюдать за ним. Осваивайся.

– Наблюдать? – Феола озадаченно посмотрела на меня, когда мы покинули пещеру.

– Да. Тот же принцип, что и у управляющего кристалла. Только на расстоянии. Удобно, конечно, хотя не всегда. Но в данном случае этот способ самый лучший.

– Ты мне об этом не говорил.

– Я тебе еще много чего не говорил. Если начну сейчас рассказывать обо всем, что у меня есть, то мы застрянем здесь месяца на два. А нам уже пора.

– Верно. Но вчерашнее, Альвандер, я тебе никогда не про-

шу. Так и знай!

– «Никогда» – это слишком долго. Идем.

На базе со вчерашнего дня не произошло никаких изменений. Тишина, сады, люди, неспешно идущие куда-то. И Стив, терпеливо дожидаящийся нас на поляне.

– На этот раз вы точны. И вдвоем.

Феола бросила в мою сторону мрачный взгляд, но смолчала. Потом они со Стивом переглянулись и рассмеялись. Так! Я хмуро глянул на них. Все-таки интересно, что вчера Дональдсон сказал сестре в инфокристалле?

Стив приглашающе махнул нам в сторону небольшой рощицы. Отыскав уединенную и тенистую поляну, он первым разлегся на траве. Мы с сестрой уселись рядом. Стив внимательно посмотрел на нас.

– Как я понимаю, вы не передумали? – Мы дружно покачали головой. – Что ж, честно говоря, я даже рад этому. Вчера, после экскурсии, я много думал над твоими замечаниями, Альвандер. Вынужден признать, что по большому счету ты прав. Все, что мы используем, – это стандартные кристаллы, которые применяются в повседневной работе. Для нас они не всегда подходят, и порой приходится выкручиваться. Давать же заказы мастерам, не выдавая себя, мы не можем.

– Я до сих пор не понимаю этой секретности, – буркнула Феола.

Стив поморщился.

– Не секретности. Дело совсем не в этом. Альвандеру я

уже объяснял способ комплектования. Конечно, он не всегда дает нам тех, кто нужен, зато приходят люди, полностью осознающие, что их ждет. Не романтики, не подвижники ради блага Солнечной. Это может показаться странным для вас, но профессия военный – именно профессия. Пусть немного специфическая, но тем не менее. И к ней предъявляются требования такие же, как к любой другой. Прежде всего, талант и желание. Без этого вершин не достичь.

Феола открыла рот, но тут же покраснела и промолчала. Стив повернулся к ней:

– Ты не обидишь меня, так что можешь смело задавать любые вопросы. Что касается того, о чем ты так и не решилась спросить... Нет, талант нужен не для убийства людей. Это немного искаженная картина. На самом деле убийство – лишь инструмент для достижения цели, а вовсе не цель. Причем инструмент один из многих. Если цель может быть достигнута без убийства, то... в общем понятно.

– А какова тогда цель? – Феола даже подалась вперед.

– Защита. Защита своих близких и совершенно незнакомых тебе людей. Защита от тех, кто может угрожать им. Собственно, об этом вам лучше поговорить с профессором Танаки. Он подробно расскажет, от чего может потребоваться защита.

Мы промолчали, обдумывая слова.

– Вы думаете, что в галактике спустя пять тысяч лет все еще нужно защищаться?

Тут уже на Феолу смотрели мы со Стивом.

– А ты думаешь иначе? Хочется верить.

– И шансы очень малы, – вздохнул я. – Я ведь заказывал модели. Вероятность того, что политика там за это время изменилась, ничтожно мала. Возможно, те расы и поумнели, но уже вышли в космос новые. И у многих те же устремления, что и у наших предков пять тысяч лет назад.

– Именно, – поддержал меня Стив. – Конечно, все эти моделирования крайне неточны. Теория и практика не всегда стыкуются, но в данном случае я скорее соглашусь с теорией. И здесь мы возвращаемся к первоначальной теме. Чему, собственно, вы хотите научиться? Становиться профессиональными военными вы не хотите. Так?

Феола посмотрела на меня. Я хмыкнул. Сама потащилась за мной, не зная зачем, а я теперь отвечай. Тем более я в этот момент тоже размышлял над ответом. Я не врал в прошлый раз – познание того, что может ожидать простых людей в случае прорыва Барьера, построение возможной модели контакта. Все это верно. Но было и еще кое-что. То, о чем боялся даже признаться вслух. Стоит ли сейчас говорить об этом? А если не скажу, не окажусь ли я лжецом? Тем, кто ради себя готов пожертвовать доверием других людей. Я повернулся к Феоле. Она ждала моих слов, я ее. И тут я понял, что у нее самой в глубине души есть тот же ответ, что и у меня. И так же, как я, она боится озвучить его.

– Я хочу подготовиться к встрече с галактикой, – выдох-

нул я, словно кидаясь в прорубь с ледяной водой, и тут же опустил голову. Успел только заметить, как усиленно закивала Феола.

Стив молчал. Молчал так долго, что я не выдержал и взглянул на него. Тот полулежал на траве и внимательно смотрел на меня. Заметив мой взгляд, он слегка пошевелился.

– Знаешь, – отозвался он. – Если бы ты сейчас снова стал говорить о желании испытать на себе то, что возможно ждет людей в будущем, и о своей ответственности перед людьми, я бы отказал вам. Отказал, несмотря на все ожидаемые плюсы от сотрудничества. Сейчас же можно сказать, что вы прошли первое испытание.

– Испытание? – недоуменно переглянулись мы с Феолой.

– Видите ли, я прекрасно помню себя в вашем возрасте. Все, что вы говорили раньше, безусловно правда. Но я никогда не поверю, что, создав кристалл, вы даже в мыслях не держали возможность вырваться за пределы Барьера и взглянуть на Галактику. Первыми за пять тысяч лет. Но вы уже достаточно взрослые и образованные люди, чтобы понимать, что там вас могут ждать вовсе не молочные реки с кисельными берегами. Поэтому вы решили максимально подготовиться к возможным неприятностям. Я не прав?

Феола опустила голову, опасаясь смотреть в мою сторону. Я тоже отвернулся. Даже не ожидал, что меня так легко раскусить. Феола, судя по всему, думала о том же, о чем и

я. Хотя чего, собственно, ожидать? Кто бы на нашем месте устоял?

– А сейчас? Вы откажете? – с нехорошим предчувствием спросил я.

– Сейчас? – Стив вздохнул. – Нет. Не откажу. Знаешь почему? Потому что вы все равно рванете туда, как только закончите кристалл. И мне почему-то кажется, что Барьер прорвать вы сумеете. Смешно, наверное, но так мне кажется. В свое время над этой проблемой работали целые институты. Потом ученые-одиночки. Потом уже просто авантюристы. Почему же должно получиться у вас? Но Координатор уверен. А я уже не раз убеждался, что этот старик почти всегда оказывается прав. Так что все равно пойдете. Не спорьте, – остановил мои возражения Стив. – Даже если ты сейчас уверен в обратном, когда достигнешь успеха, не устоишь. А раз так, лучше сделать все, чтобы у вас было больше шансов вернуться. – Стив замолчал. – Хотя я надеюсь, что мои уроки никогда вам не пригодятся, – закончил наконец командующий.

Он вдруг поднялся, заставив вскочить и нас.

– Теперь, когда формальности соблюдены и никаких недомолвок не осталось, прошу за мной.

Дональдсон стремительно шагал в сторону какого-то большого дома с куполообразной крышей, заставляя нас чуть ли не бежать. Но у входа он резко остановился.

– Итак, настало время первого урока.

– А с чего начнем? – неуверенно поинтересовался я. – Оружие?

Стив усмехнулся:

– Ох, Альвандер. Почему ты считаешь, что для военного главное оружие? Разве ты забыл, что случилось у меня дома?

Феола вопросительно глянула на меня. Я ей ничего про тот случай не рассказывал. Стив, перехватив ее взгляд, что-то мысленно объяснил. Феола испуганно отшатнулась.

– Я не смогу! – уверенно заявила она.

– Вот именно. Подумай, при каких обстоятельствах ты все-таки смогла бы выстрелить в человека? Выстрелить, сознавая, что почти наверняка его убьешь?

Феола задумалась. Задумалась надолго.

– Наверное, только когда этот человек угрожал бы жизни тех, кого я люблю. Когда остановить по-другому его не получилось бы. Но...

– Но?

– Но я не знаю, что потом будет со мной.

– Верно. А знаешь почему? Ты, когда думала о том, чтобы нажать на спуск, на что себя настраивала? Хочешь угадаю? – Не дожидаясь ответа, Стив замер. В тот же миг меня накрыла волна страха и ненависти. Судя по реакции, Феола ощутила то же самое. Однако эти чувства исчезли так же быстро, как и появились. – Я угадал? – поинтересовался Стив. Феола мрачно кивнула.

– Все верно. Только иначе я не смогла бы...

– И ты боролась страхом со страхом. Ненавистью с ненавистью. Что ж, объяснять я пока ничего не буду. Альвандер, давай начнем с тебя, а ты, Феола, подожди нас. За углом есть хорошая беседка, можешь там отдохнуть. Потом придет твоя очередь.

– А что будет? – недоуменно спросил я.

– Увидите. Феола? – Сестра кивнула и неторопливо направилась за угол дома. Дональдсон повернулся ко мне. – Прощу за мной. – Он уверенно шагнул к двери.

Станным в доме было полное отсутствие комнат. Еще более странным оказалось отсутствие пола – точнее, его роль выполняла земля. При этом, несмотря на обилие света, струящегося сквозь прозрачный потолок, землю не покрывал ковер из травы. Голая земля, и примерно на равных расстояниях друг от друга торчали деревянные столбы, на которых под колпаками находились какие-то кристаллы. Слегка мутноватый материал не давал возможности разглядеть, что именно за кристаллы там лежали, но желания посмотреть поближе у меня почему-то не возникло.

– Обрати внимание на стену дома, – посоветовал Стив, когда я закончил осмотр помещения.

Я пощупал стену, рядом с которой находился.

– Не может быть! Это же...

– Верно. Стены сделаны из м-молекулы. Причем высшей степени защиты. Дом выдержит даже атомный взрыв рядом с ним.

– Но для чего такая защита?!

Стив подошел к одному из столбов и положил руку на колпак:

– Вот от этого. Здесь находится самое страшное оружие, которое только было у человека.

Я пригляделся. Видно плохо, но все же я сообразил, что там.

– Похоже на инфокристаллы.

– Правильно. Только это не инфокристаллы. Это эмокристаллы. Информации как таковой они не содержат. Такие кристаллы разбрасывались в местах древних сражений на Земле. С их помощью происходила зачистка местности. Теперь они здесь. Вся боль, ненависть и страх солдат бывлых сражений собраны в них.

Не знаю. Наверное, я все еще не понимал смысла происходящего, поэтому ничего не почувствовал, кроме любопытства. Я приблизился к одному из столбиков.

– «Сталинград», – прочитал я.

– Этот кристалл из местности, где произошло одно из крупнейших сражений Второй мировой войны. Двадцатый век христианского летосчисления. Но пока этот кристалл трогать не советую. Мы начнем с более легкого варианта. Ты готов?

– А? – Прежде чем я что-либо сообразил, Стив снял полусферу с одного столбика.

– Всего лишь мелкая пограничная стычка в Африке, – за-

метил он.

Сначала я ничего не почувствовал, только с интересом глядел на ничем не прикрытый кристалл. А потом... Потом меня накрыла волна чувств... Ненависть! Ненависть и, самое удивительное, страх. Эти чувства накрыли меня с головой, погружая словно в липкую паутину. Весь мой самоконтроль разбился вдребезги. В ушах звучали крики товарищей. Товарищей?! Каких товарищей???!!! В руках автомат. Я точно знал, что эта штука называется автомат, а сам я лежу за пригорком и мои руки почему-то черного цвета. Но это сейчас неважно. Важны вон те типы, что на машинах пытаются прорваться на нашу территорию. Застучал пулемет. Рядом с головой поднялись фонтанчики пыли, и меня мгновенно накрыло чувство ледяного ужаса. Чуть дальше... Чтобы побороть этот страх, я выставил автомат и стал стрелять. Стрелять наугад, совершенно не целясь. Солдат, только недавно взятый из деревни... что я понимал в войне? Главное – выжить! Выжить любой ценой! В груди разгоралась ненависть. Ненависть к чужакам, из-за которых я попал в армию и сейчас вынужден бояться за собственную жизнь. Мне хотелось этих чужаков душить голыми руками! С диким криком я выскочил из укрытия, поливая вокруг свинцом... И тут все разом оборвалось – Стив водрузил колпак на место.

Я сидел на коленях, глотая воздух. Самоконтроль постепенно восстановился, но я не мог даже пошевелиться.

– Теперь ты понимаешь? – тихо спросил Стив. – Нена-

висть – движущая сила всех конфликтов. Возненавидь врага, и даже победив его, ты проиграешь. Ибо, столкнувшись, две ненависти разрастутся и породят новый конфликт. Не сейчас, так в будущем. И все твои победы обернутся поражениями. Уважай врага. Относись к нему так, как ты отнесся бы к заблудшему другу или даже брату. Тогда только ты сможешь по-настоящему победить.

– Если кто-то приходит в твой дом и начинает разрушать его... убивать всех... как можно такого уважать? – с трудом спросил я, поднимая голову.

– Ого. А ты, я вижу, неплохо подготовился к нашей встрече.

– Я вчера прочел много исторического материала.

– Это я понял. Но хочу чтобы ты сам ответил на свой вопрос.

– Уважать?

– Возненавидь его. И что дальше? Две ваши ненависти столкнулись на пороге твоего дома – его и твоя. Кто бы ни победил, что станет с твоим домом? Злоба, разлившаяся в округе? Тому конфликту, который ты сейчас ощущал, больше шести тысяч лет, а его следы ты можешь чувствовать до сих пор. Да, того, кто приходит с оружием в твой дом, надо остановить. Останови. Но помни, что он тоже человек. У вас с ним разные мечты. Он не понимает радости жизни. Можно ли ненавидеть такого человека? Скорее пожалуй. Ведь, по сути, он калека. Разве я не прав?

– Почему? – Я хоть и неуверенно, но уже стоял на ногах.

– Ты же сам все видел? – Стив вопрос понял правильно. – Тебя захлестнули чувства давно уже умерших людей. Захлестнули настолько, что ты ничего не смог им противопоставить. Все твои барьеры оказались разбиты. Ты сдался этим чувствам и позволил им вести себя.

– Что же я мог еще сделать? – в отчаянии вскричал я.

– Попробуй... простить и пожалеть этих людей.

– П... простить?!

– И пожалеть. Но и остановить. За твоей спиной твоя деревня. Если враги прорвутся, погибнут многие беззащитные люди. Попробуем?

Я секунд пять изучал кристалл под полусферой. Потом медленно кивнул. Стив осторожно откинул защиту...

Снова страх и ненависть. И боль. Правда, на этот раз я был наготове, и, хотя чувства эти затопили меня, я не потерял контроля. Как ни странно, помог постоянный мысленный повтор, что враги мои такие же люди. Возможно, они так же, как и я, не хотят воевать и делают это по принуждению. Однако сейчас это неважно. Они пришли сюда, не я к ним. Но они все равно люди. И я человек.

Ненависть и страх медленно отступили. Да, я должен остановить их, и я это сделаю. Без ненависти...

Простить? Это нелегко. Я чувствовал, как сопротивляется сознание давно уже умершего человека. Перед глазами встали картины зверств, творимых бандитами. Сдерживать чув-

ства стало труднее, и барьер все-таки сломался. К такому напору я еще не был готов.

– Просто замечательно! – спокойно отозвался Стив.

– Но ведь я...

– Поддался? А чего ты ожидал? С первого раза и без подготовки устоять? Ты слишком высокого о себе мнения. Но ты хоть не падаешь в обморок, как многие до тебя. А некоторые так и не смогли себя перебороть.

– Это будет тяжелее, чем я думал, – признал я.

– Самое тяжелое победить себя. Только после этого ты сможешь побеждать других. Иначе все твои победы всего лишь эпизоды, не более. Твой главный враг в тебе. Ищи его там.

Я кивнул.

– Можно попробовать еще?

Стив с сомнением поглядел на меня.

– Ты уверен, что тебе не требуется отдых?

– Возможно, и требуется... Но я хочу попробовать именно так. До предела!

– Хм... – Дональдсон нерешительно покосился на столб перед собой. Потом подошел к другому. – Хорошо. Давай попробуем еще раз. – Он медленно снял защитную полусферу...

Из дома я выйти самостоятельно не смог. Стив Дональдсон предоставил мне возможность немного отлежаться. Конеч-

но, на голой земле лежать не совсем удобно, да и на улице я бы восстановил силы быстрее, только появляться в таком виде перед Феолой мне совсем не хотелось.

– И зачем тебе понадобилось доводить себя до такого состояния?

Я ничего не ответил. Только убедившись, что мой голос не будет дрожать, заговорил:

– Мне надо было выяснить, сколько я способен выдерживать. И знаете, теперь я бы уже не задрожал, если бы вы попросили ударить вас саблей.

– Может быть. Однако если ты разучишься сопереживать, то ты тоже не подойдешь нам. Можно быть великим воином и защитником, будучи совершенно холодным внутри. Но нельзя при этом оставаться человеком.

Я поднялся и медленно направился к выходу. Обернулся у входа.

– Знаете, что обиднее всего? Четыре тысячи лет всеобщего гуманизма... последнее убийство в Солнечной произошло три тысячи лет назад. Люди не знают насилия и страданий. Идет развитие человека. Уже казалось, что изжиты все отрицательные стороны... а оказалось... Оказалось, что это никуда не делось и по-прежнему дремлет внутри каждого. Чуть тронь шелуху внешнего благополучия, и наружу, как и встарь, выходит зверь.

– Я рад, что ты это понял. Хотя все же не до конца. Альвандер, как ни воюй с природой человека или любого разум-

ного существа – она не изменится. Вопрос только в том, как глубоко надо копнуть, чтобы снести барьеры цивилизации. И ты должен научиться противостоять тому, что наши предки называли бы темными чувствами. – Стив подошел ко мне и остановился рядом.

– Разве они не правы?

– Темные, светлые... Альвандер, это всего лишь слова. Эти чувства несут в себе отрицательную энергетику и наносят вред как тому, на кого направлены, так и тому, от кого исходят. Это надо понимать. Научись контролировать эмоции, и перед тобой откроется Вселенная. А сейчас, полагаю, тебе лучше все-таки выйти на воздух и там спокойно отдохнуть и подумать над этим уроком, пока здесь будет твоя сестра.

– Сестра? – подумав о том, что сюда войдет Феола, мне стало страшно. – Только не это! Я не хочу ей такого! Никогда.

– Можешь попытаться отговорить ее.

Мои плечи поникли. Отговорить Феолу?

– Знаете, если такое придется испытать и ей... я уже жалею, что затеял все.

Стив промолчал. Я, так и не дождавшись ответа, вышел на улицу.

Феола, как и предлагал ей Дональдсон, сидела в беседке. Казалось, что она спит, хотя ее аура была в активном состоянии. Когда мы подошли, она приподняла веки.

– Долго же вы там. – Она внимательней пригляделась ко

мне. Ойкнула. – Дерри, что с тобой? Ты же почти пуст! И бледен!

– Это было... не очень просто, – вяло улыбнулся я. – Знаешь, если бы я был уверен, что ты меня слушаешь, я бы постарался отговорить тебя идти туда.

Феола еще раз внимательно посмотрела на меня. Потом покачала головой:

– Я сама могу думать за себя. Стив Дональдсон, как я понимаю, сейчас моя очередь?

Командующий кивнул:

– Если ты не передумала...

Феола решительно тряхнула головой и двинулась в сторону входа в здание. Стив, прежде чем пойти за ней, повернулся ко мне:

– Альвандер, ты лучше отдохни сейчас. И постарайся восстановить силы.

Я кивнул, и едва Феола со Стивом скрылись за углом дома, прилег на скамейку беседки, положив руки под голову. Закрыв глаза, настраиваясь на окружающую растительность, и тут же почувствовал, как медленно, но уверенно восстанавливается моя энергетика. Под это приятное ощущение я и заснул.

Спал я не очень крепко, поэтому, когда сестра с командующим вернулись, я моментально проснулся и из-под руки оглядел обоих. Помня свои ощущения в том доме, я ожидал чего угодно, но только не того, что увидел. Сестра, чем-то до

крайности смущенная, вовсе не выглядела усталой и подавленной. А вот Стиву, казалось, хочется расхохотаться, и в то же время он чем-то озадачен. Такое сочетание эмоций было настолько неожиданным, что я не знал, что думать. Поспешно сел и выжидательно посмотрел на обоих, надеясь услышать объяснение хоть от кого-нибудь.

Дональдсон сел на скамейку напротив и задумчиво стал разглядывать Феолу, замершую у входа. Та смущенно топталась на месте, явно не зная, куда деться.

– Простите, – пробормотала она. – Я не хотела испортить вам кристалл.

Ого! Я ошарашенно поглядел на сестренку. Каким это образом она умудрилась испортить эмокристалл? Они же простые как булыжник. Чтобы его испортить... да я даже не знаю, что надо сделать для этого.

Стив вдруг расхохотался. Он смеялся так искренне, что к его смеху, даже не понимая причину, поневоле присоединился и я. Только Феола исподлобья смотрела на нас и хмурилась.

– Испортила?! – наконец выдохнул Стив. – Слушай, Альвандер, ты вообще думал, что эмокристалл можно испортить?

– Честно говоря, я не совсем понимаю...

– Ха! На вот, погляди. – Стив достал из кармана кристалл, аккуратно завернутый в экранирующую ткань, и кинул его мне. – Разворачивай, не бойся.

Я с опаской глянул на кристалл в руке, вспоминая, какого рода он. Потом пожал плечами. Вряд ли Стив вынес бы его наружу, ограничившись в качестве экрана тряпочкой, если бы он представлял какую-то опасность. Я уверенно развернул ткань. Кристалл сверкнул на ладони в лучах солнца. И тут же меня накрыла волна жалости. Она оказалась настолько сильна, что я едва не заплакал. Сквозь эту жалость пробивались еще какие-то чувства и эмоции, но, чтобы разобраться в них, приходилось напрягаться. Где-то там вдали я сумел распознать страх и боль, но тут же все смела новая волна жалости, непонимания, а потом сознание накрыло целительным потоком. Похоже, моя сестренка решила разом помочь всем, кто страдал в той далекой битве. Я поспешно завернул кристалл. Потряс головой и ошеломленно уставился на Феолу.

– Вот-вот, – закивал Стив. – У меня точно такое же выражение лица было, когда все произошло. Она смела все эмоции из кристалла своими чувствами. Никогда такого не видел. Похоже, с вами двумя скучать не придется. Если так пойдет дальше... Феола, тебе необходимо научиться контролировать себя. Твое стремление помочь всем, кто испытывает страдание, весьма похвально, но иногда может оказаться губительным как для тебя, так и для твоих друзей.

– Ну я же сказала, что извиняюсь. Я... я постараюсь сдерживаться.

Стив покачал головой:

– Нет. Вовсе не этому я хотел тебя научить. Сдерживать себя не надо. В твоей жалости и сострадании нет ничего плохого. Даже наоборот. Тебе просто надо научиться контролировать чувства. Иначе ты можешь просто сгореть, стремясь помочь всем и сразу. Об этом мы с тобой еще поговорим позже. А пока можно считать первое занятие состоявшимся.

– Как? Это все? – изумился я.

– Почти. С вами еще хотел поговорить профессор Танаки. После разговора с ним можете считать себя свободными. А с завтрашнего дня мы продолжим. Полагаю, к тому моменту психологи изучат результат тестового занятия и представят учебный план, по которому вы и будете тренироваться.

– Учебный план для каждого? – удивилась Феола. – У вас всегда так?

– Да. Занятия ведутся с каждым по индивидуальной программе. Но это не означает, что у вас не будет коллективных уроков. Они начнутся чуть позже. На первоначальном этапе только индивидуальная работа. Так что будьте готовы к тому, что друг с другом во время обучения вам видаться не придется.

Мы с сестрой быстро обменялись мысленными посланиями. Это несколько неожиданно. С другой стороны, я хотел пройти как можно более полное обучение и вовсе не горел желанием, чтобы тому же обучалась и сестра. Так что, возможно, все к лучшему.

Стив проводил нас к небольшому аккуратному домику,

спрятавшемуся в зарослях орешника, где нас уже ждал профессор Танаки, и поспешил по своим делам.

– Проходите, – приглашающе раскрыл перед нами дверь профессор. – Я как раз чайку приготовил. У меня и варенье есть. Розовое, смородиновое, вишневое – какое любите?

Феола ехидно покосилась на меня.

– Всякое, – хихикнула она. – И можно даже без чая.

– Не такой уж я и сладкоежка, – обиженно пробурчал я.

Профессор рассмеялся:

– Можно и без чая. Я тогда трехлитровый бочонок сейчас достану.

– Да не надо! – испугался я. – Феола пошутила.

– Я тоже. Но если хотите, не стесняйтесь. Моя жена сама варенье варит. Пальчики оближете.

Судя по всему, профессор нас ждал и уже все приготовил. Перед окном в гостиной стоял накрытый крепкий дубовый стол. Дымящийся самовар, три фарфоровые чашки, горячие булочки в вазе и розетки с вареньем. Мы с Феолой, немного смущаясь, разместились за столом и благовоспитанно сложили руки на коленях. Профессор оглядел нас и покачал головой:

– Нет! Так не пойдет. И вы еще хотите учиться здесь? А ну-ка, хватит смущаться. Чувствуйте себя как дома. Альвандер, поухаживай за сестрой.

Я поспешно вскочил и стал разливать кипяток по чашкам, взял заварник. Профессор распорядился, попутно принеся

из кухни еще баранки и мед со сгущенным молоком.

— Сам собирал, — похвастался он, раскладывая соты в тарелки. — У меня тут пасека недалеко. Много ульев не держу — времени просто не хватает. А вот для души... Да и гостей угостить — милое дело. Так что не стесняйтесь.

Вскоре и я, и Феола действительно чувствовали себя здесь как дома. Феола помогала профессору разливать чай, я поддерживал жар в самоваре. Сначала я не понял, что это за чудо такое. Потом только сообразил, что самовар действительно греет воду от углей. И легкий дымок из его трубы вовсе не бутафория.

Наконец все расставили и разлили. Профессор осторожно поднял чашку, прикрыл глаза и чуть отпил.

— А...

Танаки предостерегающе поднял руку:

— Никаких разговоров, пока не будет выпита первая чашка чая.

Кажется, для профессора любое чаепитие не просто легкий завтрак, а целая церемония. Понимая, что в чужой дом со своими правилами не заходят, мы тоже взяли свои чашки.

Первую чашку, как и просил профессор, выпили молча. Вот он наполнил вторую, но пить пока не стал. Я расценил это как разрешение начать разговор.

— Гм... профессор, скажите, а как вы связаны с защитниками?

— Как связан? А разве Стив вам не говорил? Я один из

преподавателей на учебной базе. Моя специализация – история дипломатии империи Земли и история послевоенного мира.

– А зачем это изучать военным? – влезла Феола и тут же прикусила язык. Правда, профессор ничуть не обиделся на вопрос.

– Зачем? Знаете, в древности верно говорили: тот, кто не знает собственной истории, обречен совершать одни и те же ошибки. Так вот, чтобы ошибки не повторять, и надо ее знать.

– Но мы же изучаем историю. Мне кажется, довольно подробно.

– Изучаете, – согласился со мной профессор. – Только вы изучаете историю общую. Как бы преподавателям ни хотелось дать вам предмет как можно более полно, но за несколько лет невозможно изучить всю историю хорошо. Вам дают только общие сведения. Я же преподаю конкретный период. Тот, который стал поворотным пунктом нашей цивилизации.

– Да, но нам его давали вполне подробно.

– Что ж, – профессор немного отпил чая, поставил чашку перед собой и выжидательно посмотрел на меня. – Давай расскажи про тот период.

– Я?

– Да. А потом мы с тобой обсудим твой рассказ.

– Что ж... – я неуверенно посмотрел на профессора, на

Феолу. Рассказывать профессору истории историю?

– Считай, что я принимаю у тебя зачет, если тебе от этого станет легче, – понял мои сомнения Танаки.

– Ладно. – Я все еще сомневался, но понимал, что отвергаться не удастся. – С чего начать?

– Начни с начала войны. Ее причины, ну и дальше.

Я по примеру профессора хлебнул чая.

– Та война началась с незначительного приграничного инцидента. В тот момент мало кто мог предположить, во что выльется мелкая стычка на непригодной для жизни пустынной планете. Первыми планету открыли земляне, но харлы предъявили свои права на нее и высадили десант, который уничтожил разведывательный отряд Земли. Оказавшийся поблизости крейсер «Быстрый» нанес удар с орбиты...

– Ну, такие подробности не надо.

– Хорошо. В общем, пограничная стычка вскоре переросла в полномасштабную войну. Все преимущества были на стороне Земли: военное, экономическое, технологическое. Поначалу казалось, что война закончится в течение полугода. Но в конфликт ввязались еще несколько рас на стороне харлов. Против Земли образовалась коалиция. Тем не менее даже при таком соотношении сил война продолжалась десять лет. Основная стратегия союзников тоже была ясна – они не трогали колонии за исключением тех, что располагались в стратегически важных местах, и рвались к Земле.

Постепенно силы защитников таяли. Коалиция тоже несла колоссальные потери, но не отступала. Спустя десять лет после начала войны начался решающий штурм Солнечной системы, но прорвать созданную в поясе астероидов мощную защитную сеть не смогли. Тогда-то и появился Барьер. По слухам, эту технологию передала коалиции одна из Старших рас. Однако проверить его невозможно. Как и причину, по которой эта технология могла быть передана. Ни одна Старшая раса в войне участия не принимала.

– Ну что ж. Общие сведения точны, – признал профессор. – Только скажи, неужели у тебя не возникало никаких вопросов? Тебе тут все кажется правильным и логичным?

Я задумался.

– Вы хотите сказать, что здесь где-то обман?

– Нет. Все предельно точно. Мы поднимали архивы той эпохи и проводили эмоэкспертизу вещей ведущих политиков и военных того времени. Было вскрыто множество подлогов документов и фактов. Многие выводы пересмотрели. Благодаря всем этим данным и была построена современная историческая модель прошлого человечества. Так что я могу на полном основании утверждать – все, что вам преподают в школе, – правда.

– Тогда я не понимаю...

– В этом и дело. Нет, Альвандер, не считай это упреком. Проблема в том, что мы уже забыли, как мыслили люди в ту эпоху. Поэтому многие вещи мы воспринимаем просто как

данность. Как свершившийся факт. А ведь если задуматься над поступками предков с точки зрения причин, многое становится уже не так очевидно.

– А что именно? – недоуменно поинтересовалась Феола.

– Что именно? Например, такой факт: давайте вспомним историю Галактики до той войны. Войны вспыхивали регулярно. Создавались и распадались коалиции. Но вспомните хоть одну коалицию, которая просуществовала больше трех лет. Пять лет – это был исторический рекорд. Коалиция же против Земли возникла с самого начала и при всех своих внутренних конфликтах, в условиях поражений и огромных потерь на фронте, просуществовала до конца. Дальше к ней только присоединялись новые расы и никто не отошел.

– Когда вы сказали, я тоже вспомнил об этом, – признался, задумчиво почесывая нос. – А почему так?

– На этот вопрос и на многие другие мы и будем отвечать на моих занятиях. В данном же случае ответ тривиален – глупость высшего руководства, совершенно бездарная дипломатия, которая во многом способствовала созданию коалиции. Понимаете, та война была нужна очень многим на Земле. А харлы казались идеальным врагом во всех отношениях. Слишком слабы, чтобы долго сопротивляться, но достаточно сильны, чтобы не сдаться после первого сражения. Войну можно было не начинать. Можно было прекратить на начальном этапе. Можно было выйти с небольшими потерями в середине ее. Но все эти шансы оказались упущены. Как

следствие – Барьер вокруг Солнечной.

– А в чем вы видите ошибки?

– Альвандер, не стоит забегать вперед. Обо всем мы поговорим на занятиях. Мы будем разбирать с вами каждую дипломатическую ноту, которыми обменивались в тот момент воюющие расы. Будем разбирать и ход войны. Но это уже не на занятиях по истории, а на занятиях по тактике и стратегии. А сейчас давай рассказывай дальше.

– Дальше?

– После того как появился Барьер.

– Однажды ночью люди не увидели звезд. Корабли стало отбрасывать от границы. Даже из гиперпространства их выкидывало в обычный космос. Потом уже специальными приборами зафиксировали аномальную зону, заключившую Солнечную систему по внутренней границе пояса астероидов в кокон. Эта граница оказалась непроницаемой для кораблей. При этом Барьер не пропускал никаких излучений, но куда-то отводил накопленное тепло. Считается, что его он использует в качестве энергии для поддержания самого себя. Так Земля оказалась отрезанной от Галактики. Долго скрывать этот факт не удалось, и начались беспорядки. Множество частных кораблей пытались прорваться через Барьер, но безуспешно. В тот момент почти полностью было парализовано правительство, хотя оно и пыталось что-то делать. Даже велись исследования Барьера и делались попытки его пробить.

– Беспорядки... правительство было парализовано... Верно, конечно. Ты говоришь это спокойно. А ты знаешь, что то, что ты сейчас назвал «просто беспорядками» и «парализацией правительства» привело к снижению численности населения Солнечной с четырнадцати миллиардов до пяти?

– Что?! – ахнули мы с Феолой на пару. – Вы хотите сказать, что погибло девять миллиардов человек?

– Поражены? Да, вам не называли цифру, хотя вы могли бы и узнать ее, полазив по историческим библиотекам. Вас это не интересовало, и я вовсе не виню вас за это.

– Но почему?! Девять миллиардов человек погибло и это не вызвало никаких эмоций?

– Почему? Вызвало. Просто такова особенность человеческой памяти. К тому же эти девять миллиардов погибли не одномоментно. Все происходило в течение пятисот лет. Только после этого падение численности населения приостановилось. К этому времени уже начали приносить плоды эксперименты с пробуждением скрытых способностей человека. Умные люди вполне четко понимали, что, если мы как цивилизация хотим выжить, надо искать новые пути построения общества. Старый путь предполагал экспансию. Та цивилизация могла развиваться только двигаясь вперед и захватывая ресурсы для потребления. С появлением Барьера – этот путь стал тупиковым. Лишившись возможности для экспансии, общество оказалось обречено на деградацию. Тогда на специальном совете и решили перейти на новый путь

развития. В тот момент никто не мог предвидеть, что из этого получится и получится ли хоть что-нибудь вообще. Но все понимали, что идти по старой дороге невозможно. Об этом мы тоже подробно поговорим на занятиях.

– Совет – это чрезвычайная комиссия?

– Да. Официально он именовался Кризисный Совет. Это в народе их прозвали Чрезвычайной Комиссией. Под этим именем он и запомнился людям. Ладно, хватит о делах. Давайте пить чай...

После разговора надолго у профессора мы не задержались. Поняв, что на сегодня все занятия закончены, Феола заторопилась домой, чтобы отправиться к нашему кристаллу и проследить за его развитием. Мне же еще надо было продолжать работу над диссертацией. Попутно я решил опробовать несколько новых идей, появившихся после двух посещений учебной базы. И еще необходимо подумать над возможными схемами кристаллов для истребителей. Обсуждать конкретную реализацию еще рано, но общие контуры прикинуть можно.

– Что ж, теперь, полагаю, нам с вами часто придется встречаться, – заметил он, когда мы прощались на крыльце.

– Я вам еще надоем своими вопросами, – с улыбкой пообещал я.

– Ох, мальчик, – рассмеялся Танаки. – Поверь, ученик, задающий вопросы, – это самая большая радость для преподавателя. Если, конечно, вопросы умные.

– А это не гарантировано, – тут уже не удержалась Феола. Я показал ей язык, увернулся от подзатыльника, блокировал мысленный удар и бросился бежать по тропинке. Феола неслась следом, грозя мне всеми известными карами. Профессор остался стоять на крыльце, смеясь вслед.

Поздно вечером, когда все дела были окончены, я лежал у себя в комнате на кровати и вспоминал прошедший день. В голову постоянно лезли мысли о сегодняшнем посещении дома с эмокристаллами. Все оказалось не так, как я представлял. Но что теперь? Не бросать же все? Слишком много сил я отдал своему проекту, чтобы сейчас сдаться. А значит, продолжаем работать.

Я выбрался из кровати, уселся на пол поудобнее и закрыл глаза. Вызвал в памяти ощущения, что захлестывали меня в том доме, и старательно стал анализировать свою реакцию на каждую эмоцию давно уже умерших солдат древней войны.

Глава 10

Нас было двое. Мы стояли напротив друг друга и следили за каждым движением. Мой противник – сильный, уверенный в себе парень лет тридцати пяти. Автомат, нож на поясе, запасные обоймы. У меня из оружия только старенькая винтовка. Но это не имело никакого значения. Будь даже здесь самое современное оружие, все равно я не смог бы пустить его в ход.

Новая эмозапись с очередного кристалла. Опять мелкая стычка в охваченной гражданской войной стране где-то на севере Африки. Пожилой человек с винтовкой, с сознанием которого я слился, состоял в отряде самообороны одной деревни. Парень напротив – наемник. Солдат удачи, как их в это время называли. Такие вещи я уже знал. За прошедший месяц с начала занятий мне пришлось много чего изучить. Но я ни на шаг не приблизился к цели, ради которой все и затеял. И еще не было ни одного практического занятия. Когда я однажды спросил об этом Стива, тот сначала замялся, но потом ответил:

– А почему ты думаешь, что занятия не идут? Что, по-твоему, ты делал в доме с кристаллами? Тренировка на психологическую устойчивость, умение контролировать себя. И пока ты не научишься этому контролю, дальнейшее обучение теряет смысл. Мы не будем обучать того, кто не может кон-

тролировать собственные эмоции. Это опасно прежде всего для самого обучаемого, а также для окружающих.

– Кажется, я понимаю...

– Ну вот, сам видишь. Ты ведь заметил, что после посещения этого дома с тобой беседуют психологи. Они отслеживают твоё состояние. Не надрываешься ли ты, не находишься ли на грани срыва. И если заметят, что ты не выдержишь, наши тренировки прекратятся.

– А что потом?

– Потом ты либо вернешься к нам после отдыха и дополнительных тренингов, либо прекратишь обучение. Многие прекращали.

– И когда ваши психологи решат, что мне можно приступить к настоящим тренировкам? – Я действительно не понимал, что от меня ожидают.

– Решение за мной, – признал Стив. – Психологи только подтвердят или опровергнут мой вывод. Но ещё ни разу не было такого, чтобы моё решение не утвердили. Так вот, ты ещё не готов.

– Не понимаю. Я что-то конкретное должен сделать, чтобы доказать свою готовность?

– Не обязательно. Извини, большего я тебе сказать не могу.

Это и так ясно. Зато у меня появился повод призадуматься. С тех пор каждый день я пытался придумать какой-нибудь новый ход. Стив иногда хвалил меня, иногда указывал

на ошибки. Один раз даже отругал. Только я вовсе не это хотел услышать. Каждый раз, когда я вопросительно смотрел на Стива при выходе из этого дома, тот только отрицательно качал головой.

– Почему?! – однажды не выдержал я. – Я теперь умею сохранять хладнокровие в любых обстоятельствах. Даже записи из Хиросимы выдержал. – Какой ценой, я уточнять не стал. – Уже даже не знаю, что должно произойти, чтобы нарушить мой самоконтроль. Я помогал обиженным и прогонял тех, кто чинил зло. Кажется, уже все делал, что мог!

– Этого недостаточно, – спокойно отозвался на мою тираду Стив.

И не ответишь ничего на это. Однажды я все-таки вмешался и убил одного негодяя, который начал на глазах матерей расстреливать детей. Убил, когда сумел убедить себя, что эти события нереальны и что передо мной не живой человек, а только запись его эмоций. Собственно, я даже не убивал его, а напрямую подключился к кристаллу и стер образ из памяти. Стив тогда меня особо хвалил, но... но, как и прежде, на главный вопрос последовал отрицательный ответ.

– И сколько это упражнение может длиться? – мрачно поинтересовался я.

– Пока не пройдешь, – обнадеживающе отозвался Стив. – Или пока тебе все это не надоест.

Утешает. Какая польза от контракта, если я все равно ничего не могу сделать, пока не пройду этот дом? Однако спо-

рить в данном вопросе смысла нет – в этом я уже успел убедиться. Стив во многом готов был пойти мне навстречу, но здесь оставался непоколебим. Даже сестра еще не преодолела этот уровень. Хотя обсуждать занятия запрещалось, но все и так было понятно по одному ее виду. Она хмуро кивала мне вечером, когда вместе возвращались с тренировки и сразу отправлялась в пещеру, где формирование разума приближалось к важнейшему моменту. Сам я к кристаллу в эти дни даже близко не подходил, понимая, что сейчас требуется особая осторожность. Так что сразу шел к Ваське и садился за диссертацию. А на следующий день меня снова ждал уже надоевший дом эмокристаллов.

И сегодня я в образе старика-ополченца смотрю на матерого наемника и не знаю, что делать. Прогнать? Уже было. Убить? Тоже проходил. Что? Что требуется от меня? И вообще, какого этот человек приперся сюда? Что ему надо от деревни, где люди с трудом сводят концы с концами? Пограбить? Даже не смешно. Что же ему надо?

Все-таки уроки профессора Танаки крепко запомнились. История не специализированный предмет, и ее мы изучали наравне с другими непрофильными дисциплинами. Одним из любимых вопросов профессора был «почему». На занятия он приходил с ворохом дипломатической переписки того времени, которое мы изучали. Рассказывал о событиях, попутно зачитывая отрывки из диппочты. Потом все материалы выкладывал на стол и спрашивал:

– А теперь объясните, почему приняли то решение, а не иное?

Вся наша группа собиралась вокруг стола, делила документы и начинала читать. Доставались личные вещи людей той эпохи, за которыми специально ездили в города под стазис-полем. Считывалась эмоинформация личности человека. По крупницам восстанавливался его психологический портрет. Поднимались архивные материалы. Потом начинался мозговой штурм. Когда ответ вроде бы находился, мы сообщали его профессору. Если он его удовлетворял – хорошо, нет, изучение материалов продолжалось.

– Профессор, – однажды спросил я. – Почему вы считаете, что можно найти причину любого поступка? Человек ведь не машина. Может, он под влиянием момента действовал?

– Хм. Вопрос хороший. Только вот что я тебе скажу – такой вещи, как «поступок под влиянием момента», не существует. Никто и никогда не совершал поступков, я имею в виду важных, ни разу не задумываясь о них в прошлом. И если человек так поступил, значит, когда-то в прошлом он уже думал об этом. Что же касается влияния момента... это, как правило, означает, что обстоятельства сложились так, что человек выбрал путь, над которым раньше думал в последнюю очередь. А то и вообще считал нереальным. Но вот у кого-то пошли неприятности, его несправедливо обругали. И тогда он может, плюнув на все, сделать что-то, что раньше лишь мелькало где-то на грани сознания. Но обязательно

мелькало. Спонтанно не делаются вещи, о которых раньше не задумывались.

– То есть у любого поступка есть причина?

– Да. Причиной может быть неприятность, случившаяся по дороге, подгоревший утренний кофе или, наоборот, что-то радостное. Однако причина обязательно есть. Найдя причину, ты сможешь точно воспроизвести все произошедшее. А дальше сможешь даже предсказывать поступки того или иного человека в будущем, в зависимости от различных ситуаций. Это уже другой уровень.

Как бы парадоксально это ни звучало, но профессор оказался прав. В самом начале было трудно. Чтобы получить наиболее точный ответ, приходилось перелопачивать горы материалов, собирая психопортреты людей по крупицам. Со временем мы научились выделять главное. Время на подготовку результатов сократилось, хотя вопросы с каждым разом становились все сложнее. С политиками разбираться оказалось проще всего. Они эмоциям поддавались мало. Не той закалки эти люди, чтобы идти на поводу у чувств. Хуже стало, когда пришлось восстанавливать причинные связи во времена беспорядков. Слишком много случайных людей оказывалось у власти. Порой казалось, что логику собственных действий они сами не понимали, а попытка восстановить ее спустя четыре с половиной тысячи лет походила на изощренное издевательство. Но справлялись и с этой задачей. Постепенно вырисовывалась точная, логичная и тра-

гичная история того времени. Месяц занятий у профессора дал мне больше, вся учеба в школе.

И сейчас, вспоминая профессора, я пытался понять, почему этот человек пришел сюда? Что ему делать в этой деревне?

А собственно, чего я гадаю? Я ведь смотрю с точки зрения этого старика-ополченца, но кто мне мешает взглянуть на события со стороны наемника? Все мое естество воспротивилось этому. Глядеть на мир глазами убийцы и хищника? Меня чуть не вырвало, едва я представил такое, но азарт уже захватил меня. Я отключился от старика, быстро нашел в кристалле нужный мне эмофон и погрузился в него. Лучше всего, пожалуй, начать с ранних воспоминаний...

Я босоногий мальчишка восьми лет. Грязная улица. Хотя особенно запомнились мне-наемнику почему-то не грязь, а запахи. Непередаваемый аромат помойки, армады мух, кружащихся повсюду. От них нет спасения. Господи, да что же это за место такое? Зачем этого пацана сюда занесло? И тут же пришло понимание. Не занесло. Это дом. Его дом. А вот, собственно и само жилище. Боже, да в такой лачуге я бы даже мусор не стал складывать, а здесь жило семь человек. Семь? Да, кроме этого мальчишки есть еще четверо детей. Двое младше него, еще двое лишь немногим старше. А вот и сам... дом. Это строение я называл домом только с огромным трудом. У меня даже в голове не укладывалось, как можно жить в такой тесноте, в таких непереносимых условиях. Лич-

но я смог бы здесь жить, только основательно поработав над собственным организмом. Но ведь в это время люди не умели управлять им. Как же тут жили?

Мальчишка юркнул вдоль стены и улегся на циновку.

– Ты где шлся? – Из одного угла приподнялся мужчина с мутным взглядом. – Сколько принес?

Я почувствовал испуг мальчишки, переходящий в ужас. Весь трясясь, он протянул руку с лежащими на ладонях монетами. Мужчина приподнялся, сгреб деньги. Пересчитал. И, словно молния, меня пронзила вспышка его ярости.

– И это все?!! Это все, что ты заработал?!!! Я корячусь, кормлю вас, а ты!.. – Человек даже задохнулся от ярости. И вдруг ударил мальчика. Ударил наотмашь, совершенно не сдерживая силы. Неизвестно, кто громче закричал: я или мальчишка, которого ударили. Моя щека от удара горела ничуть не меньше, чем если бы ударили напрямую. Никогда и никто в жизни ни разу не ударил меня. Чтобы отец поднял на меня руку? Да такое даже в кошмарном сне мне привидеться не могло. У меня не укладывалось в голове, что кого-то можно бить с такой яростью. И от этого становилось гораздо страшнее. Я мог бы сейчас стереть это воспоминание из кристалла, защититься от ударов, заблокировать боль... я многое мог сделать. Многое, но только дергался от ударов, глотая слезы. Мальчика вышвырнули из дома.

– И не возвращайся, пока не заработаешь!

Страх и безнадежность. Тоска. И никакого просвета в

этой жизни. Мне же приходилось гораздо хуже. Пусть этому мальчику всего лет восемь, но он уже привык к такому. Уже знал, что может ждать его дома. Для меня же все случившееся оказалось совершенно неожиданным. Привык? Это слово вызвало еще больший ужас. Как можно привыкнуть к такому? Почему никто не вмешается? Почему?!

А некому, пришел ответ.

Похоже, в результате этой встряски я настолько слился с эмообразом этого ребенка, что почти превратился в него.

Борьба страхов. Страх наказания. Страх перед отцом победил. Страх? Перед отцом? Только на мгновение я представил, как боюсь возвращаться домой, прижимаясь в лесу за деревом. И остаться нельзя, и идти не хочется. Меня затошнило. Как во сне, я двигался по жизни за этим ребенком. За ребенком, который научился владеть ножом раньше, чем читать и писать. Чья жизнь с раннего детства стала борьбой за существование. Чье детство прошло не в играх, а в драках, где доказывалось право на существование, и призом была жизнь. Уже подросший мальчишка дрался с отцом, защищая от побоев мать и младших братьев и сестер. Старший погиб в уличной драке, еще один попал в тюрьму. Старшая сестра умерла от воспаления легких, потому что не хватало денег на лекарства. Тогда этот уже подросший мальчик совершил свое первое убийство, пырнув ножом богато одетого человека. На добытые таким образом деньги он купил лекарства, но уже поздно...

Будучи почти взрослым, избил отца до полусмерти и ушел из дома, примкнув к одной из уличных банд. В жизнь вышел настоящий хищник, не боящийся ни черта, ни дьявола. Стычки с другими бандами, грабежи, убийства... Казалось бы, от этого зрелища меня должно выворачивать всего. Но я видел его жизнь. И все это время задавал себе один вопрос: живи я жизнью этого ребенка, сумел бы стать лучше? Какое же я тогда имею право осуждать его? Имею ли? Этот вопрос оказался настолько мучителен, что все творимые им мерзости как-то не задевали моего сознания, скользя где-то по краю.

Разгром банды и первый арест. Избиение в участке. За моим... врагом... числилось много грехов, однако судили его за то, в чем он был невиновен. А потом началась война, и уже взрослый парень совершает побег, убив охранников. Примыкает к отряду революционеров, быстро понимает, что на идеях деньги делают только вожди. Сбежав из отряда, становится наемником, воюющим за тех, кто больше платит. Такие отряды процветают на войнах. И многие из наемников делали все, чтобы войны не затухали. В некоторых рейдах участвовал и мой противник.

Развлечение. Для таких людей рейды, и правда, развлечение. Что могут противопоставить им ополченцы, не знающие, с какой стороны за оружие браться? Очередной рейд, и мы стоим напротив друг друга. Я снова в образе старика. Передо мной... кто? Я глядел на этого молодого парня. По

лицу катились непрощенные слезы. Я не замечал их. Кто он, стоявший напротив меня? Мы могли бы подружиться, если бы встретились раньше. Мы могли бы стать друзьями, сложись все иначе. Но я вырос в другом месте и в другое время. Окажись я в его деревне, возможно, сумел бы вырвать его из той жестокой среды. Научить добру и справедливости. Да не надо было его учить. Он защищал своих братьев, когда на них нападали. Он по-своему, как умел, пытался помочь умирающей сестре. Только не дано нам встретиться. Все сложилось так и не иначе.

– Мой брат, – прошептал я. Да! Мой брат! Мой друг! Мы вместе многое пережили. Ненавидеть его я уже не мог, слишком ярко стояла передо мной его жизнь, которую прожил вместе с ним. Я страдал и ненавидел вместе. Любил и убивал вместе. Почему мы не встретились раньше? Почему? Нет ответа. А теперь мы враги. Я могу прогнать тебя. Могу показать свою силу. Ты уйдешь. Ты хищник и понимаешь, когда надо отступить. Но потом ты вернешься. Не сюда, так в другую деревню. А как вы умеете развлекаться, я уже видел. Прости, что вынужден это сделать, однако я тебя знаю. Тебя уже не изменить. Ты такой, какой есть. Возможно, сложись все по-другому, это ты сейчас стоял бы на моем месте, а я на твоём. И ты принимал бы это решение. Наверное, так было бы проще для нас обоих. Жаль, изменить мы ничего не можем. Не можем...

Парень напротив недоуменно прислушался. Потом начал

медленно поднимать автомат. Хотя медленно только для меня – настолько я замедлил воспроизведение записи кристалла.

– Прости! – прошептал я и нанес удар. Один мысленный удар в мозг. Не по записи кристалла, не по эмофону, а в мозг человека. Он умер сразу, не успев ничего понять.

Я осторожно подошел к телу и опустился на колени. Слез я уже не скрывал. Однако плакал я не потому, что впервые в жизни убил человека. Я оплакивал смерть того, кто стал мне другом и братом, не замечая, что пейзаж вокруг исчез, а я сижу на полу в доме эмокристаллов. Передо мной стоял Стив и молчал. Я поднял заплаканное лицо.

– Я, наверное, пойду собираться.

– Почему? – похоже, Стив не удивился.

– Я же провалился. Убил тогда, когда мог этого не делать. А вы говорили, что если есть возможность решить проблему, не делая непоправимого, то именно так ее и стоит решить. Я поддался эмоциям и не сдержал себя.

– Ты сожалеешь?

Я покачал головой:

– Это мой сознательный поступок. И знаете, я уже больше никогда не смогу быть совершенно безучастным ко всему. Если все повторить, я поступлю так же.

Стив задумчиво кивнул:

– Сходи к ручью. Умойся, отдохни немного и отправляйся на занятия. А с завтрашнего дня мы приступаем к боевой

подготовке.

Я непонимающе глядел сквозь слезы на Стива. Раздраженно протер глаза.

– Что?

– Ты сдал экзамен по этому предмету.

Я хлопнул глазами.

– Почему?..

Стив медленно шел к выходу, однако у двери остановился и обернулся:

– Почему? Постарайся понять сам.

Я остался сидеть, глядя на закрывшуюся дверь. Кажется, я действительно начал понимать... кажется...

– Тот, кто решает вопрос жизни и смерти других людей, не должен оставаться безучастным, – прошептал я.

* * *

Вечером, когда мы с сестрой сидели в мамином саду в беседке, Феола, ранее с тревогой посматривающая на меня, решилась все же спросить:

– Слушай, что с тобой? Ты сегодня словно мешком огретый.

– Ничего. Я завершил занятия в доме с кристаллами.

Феола недоуменно посмотрела на меня.

– По идее, это должно вызывать радость, – несколько неуверенно заметила она. – Мне самой этот дом уже до чер-

тиков надоел. Только вот радости у тебя я не замечаю.

– Скажи... – Я опустил голову. – Скажи, ты смогла бы убить кого-то, кто стал тебе почти что братом? Убить, потому что оставить в живых такого человека нельзя. Слишком много крови на его руках. И слишком много будет ее в будущем.

Феола моргнула.

– Я не совсем понимаю...

– Ты ведь в эмокристаллах пыталась помогать?

– Да, – Феола смущенно хмыкнула. – Я правила эмофон, чтобы все произошло не так, как там.

– Историю не перепишешь, – вздохнул я. – От того, что ты так делала, события того времени не менялись. А я... а я сегодня убил человека, который стал мне другом. Которого было за что уважать.

– Ты хочешь сказать, переписал эмофон?

– Нет. – Я поднялся. – Извини. Если ты пройдешь упражнение до конца, сама все поймешь. Объяснить это невозможно.

Все то время, что я шел к дому, я ощущал на себе настороженный взгляд сестры. Да, теперь я понимал, почему защитники не афишируют свое существование и почему не принимают тех, кто не может сдать экзамен по этому упражнению. И если Феола не пройдет его, то не сможет продолжать занятия. Возможно, это хорошо для нее. Слишком тяжела ноша, и я не хочу вваливать ее на Феолу – слишком люблю

сестру, чтобы желать такого. Только если она не пройдет испытание, то не сможет понять меня. А значит, между нами образуется пропасть, заполнить которую будет очень трудно, если вообще возможно. Так хочу ли я, чтобы она прошла это упражнение, или хочу, чтобы она провалилась? Ответа на этот вопрос я не знал и сам.

Этой ночью я так и не смог заснуть, постоянно вспоминая того парня. И всю ночь задавался вопросом: если бы я оказался на его месте, сумел бы стать лучше? Сумел бы перебороть окружение? Он пытался. Мне ли не знать? Я ведь прожил всю его жизнь и лучше кого бы то ни было знал, как сильно он пытался. Увы, обстоятельства оказались сильнее. Смог бы их преодолеть я? Ответа нет. Получается, что все зависит от окружения? Обстоятельств? Но разве не существовало подонков, выросших в благополучной обстановке? Так от чего тогда все зависит? От чего?

Дни шли за днями. Бесконечные тренировки, диссертация, кристалл отнимали все свободное время. Вставать приходилось в пять утра и ложиться в час ночи. Феола занималась почти в таком же режиме. Ей даже приходилось в чем-то сложнее, ибо с кристаллом она сейчас работала постоянно. Сформировавшийся разум требовал неусыпного присмотра. Потом еще возня с опекой, которую оформили на Ваську.

– Скажи, неужели вы куда-то опаздываете? – не выдержал однажды отец. – К чему такая спешка?

Что я мог ответить? Отец понимал мое молчание. Понимал, что я о чем-то не хочу говорить. Понимал и не спрашивал. Знал, что, когда придет время, все расскажу сам. Тем не менее наш с сестрой график сильно ему не нравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.